

А. С. ПУШКИН

А. С.
ПУШКИН

БИБЛИОТЕКА
ГОРЬКА

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

—*—
Большая серия
Второе издание
—*—

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 5

А. С. П У Ш К И Н

СТИХОТВОРЕНИЯ

2

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Подготовка текста и примечания
Б. В. Томашевского

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

БОРИС ГОДУНОВ

ДРАГОЦЕННОЙ ДЛЯ РОССИЯН
ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА
КАРАМЗИНА

*сей труд, гением его вдохновенный,
с благоговением и благодарностию
посвящает*

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

(1598 года, 20 февраля)

Князя Шуйский и Воротынский.

Воротынский

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский

Чем кончится? Узнать немудрено:
Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там — а там он будет нами править
Попрежнему.

Воротынский

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,
Он, кажется, покинул всё мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого собора.

Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица
Как он тверда, как он неумолима.
Знать, сам Борис сей дух в нее вселил;
Что ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?
Что скажешь ты?

Ш у й с к и й

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

В о р о т ы н с к и й

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Ш у й с к и й

А кто же?
Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

В о р о т ы н с к и й

Зачем же ты его не уничтожил?

Ш у й с к и й

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью нежданой,
Он мне в глаза смотрел как будто правый:
Расспрашивал, в подробности входил —
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал.

Воротынский .

Нечисто, князь.

Шуйский

А что мне было делать?
Всё объявить Феодору? Но царь
На всё глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:
Пускай его б уверил я во всем,
Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили.
Не хвастаюсь, а в случае, конечно,
Никая казнь меня не устршит,
Я сам не трус, но также не глупец
И в петлю лезть не соглашуся даром.

Воротынский

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Шуйский

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

Воротынский

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Шуйский

Да, кажется.

Воротынский

Ведь Шуйский, Воротынский...
Легко сказать, природные князья.

Шуйский

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынский

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский

Да, боле,

Чем Годунов.

Воротынский

Ведь в самом деле!

Шуйский

Что ж?

Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

Воротынский

Немало нас, наследников варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым;
Народ отвык в нас видеть древню отрасль
Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом, и любовью,
И славою народ очаровать.

Шуйский (*глядит в окно*)

Он смел, вот всё — а мы. . . Но полно. Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад, —
Пойдем скорей, узнаем, решено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Н а р о д.

О д и н

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.

Д р у г о й

О боже мой, кто будет нами править?
О, горе нам!

Т р е т и й

Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решенье Думы.

Н а р о д

Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Ш-ш — слушайте!

Щ е л к а л о в (с Красного крыльца)

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.
Завтра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,

С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигется, а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирюю Москвою
И на венец благословит Бориса.
Идите же вы с богом по домам,
Молитесь — да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.

Народ расходится.

**ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ.
НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ**

Н а р о д.

О д и н

Теперь они пошли к царице в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

Д р у г о й

Что слышно?

Т р е т и й

Всё еще
Упрямится; однако есть надежда.

Б а б а (с ребенком)

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу, агу! . . не плачь!

О д и н

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Д р у г о й

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,

Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

Первый

Право, любо!

Один

Что там за шум?

Другой

Послушай! что за шум?

Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд. . . еще. . . еще. . . Ну, брат,
Дошло до нас; скорее! на колени!

Народ (*на коленях.*
Вой и плач)

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

Один (*тихо*)

О чем там плачут?

Другой

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Баба (*с ребенком*)

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!

(*Бросает его об землю. Ребенок пищит.*)

Ну, то-то же.

Один

Все плачут,
Заплачем, брат, и мы.

Другой

Я силюсь, брат,

Да не могу.

Первый

Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

Второй

Нет, я слюней помажу.
Что там еще?

Первый

Да кто их разберет?

Народ

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

Борис, патриарх, бояре.

Борис

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю! . .
О праведник, о мой отец державный!
Возри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре.
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Бояре

Не изменим присяге, нами данной.

Борис

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России,

А там — сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.

(Уходит, за ним и бояре.)

Князь Воротынский *(оставляя Шуйского)*

Ты угадал.

Шуйский

А что?

Воротынский

Да здесь, намедни,

Ты помнишь?

Шуйский

Нет, не помню ничего.

Воротынский

Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил...

Шуйский

Теперь не время помнить,

Советую порой и забывать.

А впрочем, я злословием притворным

Тогда желал тебя лишь испытать,

Верней узнать твой тайный образ мыслей;

Но вот — народ приветствует царя —

Отсутствие мое заметить могут —

Иду за ним.

Воротынский

Лукавый царедворец!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ

(1603 года)

Отец Пимен, Григорий спящий.

Пимен (*пишет перед лампадой*)

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною, —
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходят до меня,
А прочее погребло невозвратно...

Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье

(пишет).

Григорий *(пробуждается)*

Всё тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон! . . . А всё перед лампадой
Старик сидит да пишет — и дремотой,
Знать, во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет; и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет?
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском вече?
О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Всё тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседельный,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Пимен

Проснулся, брат?

Григорий

Благослови меня,

Честный отец.

Пимен

Благослови господь

Тебя и днесь и присно и вовеки.

Григорий

Ты всё писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;

Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

П и м е н

Младая кровь играет;
Смирять себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доныне — если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи —
Мой старый сон не тих и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Г р и г о р и й

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

П и м е н

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.

Кто выше их? Единый бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на кlobук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренным.
Я видел здесь — вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный;
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумену и братьи:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все — обет примите мой духовный:
Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася,
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он вздыхал о мирном житии
Молчальника. Он царские чертоги
Преобразил в молитвенную келью;
Там тяжкие державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась — а в час его кончины

Свершилося неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его как солнце просиял —
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Г р и г о р и й

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

П и м е н

Ох, помню!

Привел меня бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был услан послушанье;
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаяньи рыдает,
А тут народ остервенясь волочит
Безбожную предательницу-мамку. . .
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.
«Вот, вот злодей!» — раздался общий вопль,
И миг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;

Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо — вдруг мертвец затрепетал.
«Покайтесь!» — народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись — и назвали Бориса.

Г р и г о р и й

Каких был лет царевич убиенный?

П и м е н

Да лет семи; ему бы ныне было —
(Тому прошло уж десять лет. . . нет, больше:
Двенадцать лет) — он был бы твой ровесник
И царствовал; но бог судил иное.

Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду. . . Но звонят
К заутрене. . . благослови, господь,
Своих рабов! . . подай костыль, Григорий.

(Уходит.)

Г р и г о р и й

Борис, Борис! всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА

Патриарх, игумен Чудова монастыря.

Патриарх

И он убежал, отец игумен?

Игумен

Убежал, святой владыко. Вот уж тому третий день.

Патриарх

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

Игумен

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолodu постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, зная, грамота далася ему не от господа бога...

Патриарх

Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! *буду царем на Москве!* Ах он, сосуд дьявольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! *буду царем на Москве!*.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен

Ересь, святой владыко, сущая ересь.

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Два столъника.

Первый

Где государь?

Второй

В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.

Первый

Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Всё ворожит, что красная невеста.
Желал бы знать, о чем гадает он?

Второй

Вот он идет. Угодно ли спросить?

Первый

Как он угрюм!

Уходят.

Царь (*входит*)

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим

Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж охладев, скучаем и томимся? . . .
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умеют только мертвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я золото
Рассыпал им, я им сыскал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.
В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком —
Как буря, смерть уносит жениха. . .
И тут молва лукаво нарекает
Винником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца! . . .
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную. . . всё я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто. . . едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветой.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда — беда! как язвой морозной
Душа сгорит, нальется сердце ядом,

Как молотком стучит в ушах упреком,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

БОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы; Григорий
Отрепьев, мирянином; хозяйка.

Х о з я й к а

Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?

В а р л а а м

Чем бог пошлет, хозяйюшка. Нет ли вина?

Х о з я й к а

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу. *(Уходит.)*

М и с а и л

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница Литовская, до которой так хотелось тебе добраться.

Г р и г о р и й

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

В а р л а а м

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино... да вот и оно!..

М и с а и л

Складно сказано, отец Варлаам.

Х о з я й к а *(входит)*

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

М и с а и л

Спасибо, родная, бог тебя благослови.

Монахи пьют; Варлаам затягивает песню:
Как во городе было во Казани...

В а р л а а м (*Григорию*)

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Г р и г о р и й

Не хочу.

М и с а и л

Вольному воля...

В а р л а а м

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку...

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить как мы, милости просим — нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Г р и г о р и й

Пей да про себя разумей, отец Варлаам! Видишь, и я порой складно говорить умею.

В а р л а а м

А что мне про себя разуметь?

М и с а и л

Оставь его, отец Варлаам.

В а р л а а м

Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда, — да еще и спесивится... (*Пьет и поет: Молодой чернец постригся.*)

Г р и г о р и й (*хозяйке*)

Куда ведет эта дорога?

Х о з я й к а

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Григорий

А далече ли до Луёвых гор?

Хозяйка

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий

Как, заставы! что это значит?

Хозяйка

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Григорий (*про себя*)

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам. . .

Григорий

Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Хозяйка

А господь его ведает, вор ли, разбойник, — только здесь и добрым людям нынче прохода нет — а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих, да обируют нас, бедных. (*Слышен шум.*) Что там еще? ах вот они, проклятые! дозором идут.

Г р и г о р и й

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Х о з я й к а

Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина и хлеба, и неведомо чего — чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им. . .

Входят приставы.

П р и с т а в

Здорово, хозяйка!

Х о з я й к а

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

Один пристав (*другому*)

Ба! да здесь попойка идет; будет чем поживиться. (*Монахам.*) Вы что за люди?

В а р л а а м

Мы божии старцы, иноки смиренные, ходим по селениям да собираем милостыню христианскую на монастырь.

П р и с т а в (*Григорию*)

А ты?

М и с а и л

Наш товарищ. . .

Г р и г о р и й

Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа, отселе иду восвоися.

М и с а и л

Так ты раздумал. . .

Г р и г о р и й (*тихо*)

Молчи.

П р и с т а в

Хозяйка, выставь-ка еще вина — а мы здесь со старцами поьем да побеседуем.

Другой пристав (*тихо*)

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; зато старцы. . .

Первый

Молчи, сейчас до них доберемся. — Что, отцы мои? каково промышляете?

Варлаам

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда да и только. — Ох, плохо, знать пришли наши последние времена. . .

Хозяйка (*плачет*)

Господь помилуй и спаси!

В продолжение Варлаамовой речи первый пристав значительно всматривается в Мисаила.

Первый пристав

Алеха! при тебе ли царский указ?

Второй

При мне.

Первый

Поддай-ка сюда.

Мисаил

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый пристав

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слышал ли ты это?

Мисаил

Не слышал.

Пристав

Не слышал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Мисаил

Не знаю.

Пристав (*Варлааму*)

Умеешь ли ты читать?

Варлаам

Смолоду знал, да разучился.

Пристав (*Мисаилу*)

А ты?

Мисаил

Не умудрил господь.

Пристав

Так вот тебе царский указ.

Мисаил

На что мне его?

Пристав

Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник — ты.

Мисаил

Я! помилуй! что ты?

Пристав

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Хозяйка

Ах, они окаянные мучители! и старца-то в покое не оставят!

Пристав

Кто здесь грамотный?

Григорий (*выступает вперед*)

Я грамотный.

Пристав

Вот на! А у кого же ты научился?

Григорий

У нашего пономаря.

Пристав (*дает ему указ*)

Читай же вслух.

Григорий (*читает*)

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный дьяволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе Литовской. . .»

Пристав (*Мисаилу*)

Как же не ты?

Григорий

«И Царь повелел изловить его. . .»

Пристав

И повесить.

Григорий

Тут не сказано *повесить*.

Пристав

Врешь: не всяко слово в строку пишется. Читай: изловить и повесить.

Григорий

«И повесить. А лет ему, вору Гришке, отроду. . . (*смотря на Варлаама*) за 50. А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое. . .»

Все глядят на Варлаама.

Первый пристав

Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его! Вот уж не думал, не гадал.

Варлаам (*вырывая бумагу*)

Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка? — как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет, брат! молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо

разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит. (Читает по складам.) «А лет е-му от-роду-ду... 20». — Что, брат? где тут 50? видишь 20?

Второй пристав

Да, помнится, двадцать. Так и нам было сказано.

Первый пристав (Григорию)

Да ты, брат, видно, забавник.

Во время чтения Григорий стоит потупя голову, с рукою за пазухой.

Варлаам (продолжает)

«А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Да это, друг, уж не ты ли?

Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.

Приставы

Держи! держи!

Все бегут в беспорядке.

МОСКВА. ДОМ ШУЙСКОГО

Шуйский, множество гостей. Ужин.

Ш у й с к и й

Вина еще.

(Встает, за ним и все.)

Ну, гости дорогие,
Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

М а л ь ч и к

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внимли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Поддай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной — а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неистощимой
Проистекут источники на нас;
И, царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.

Ш у й с к и й *(пьет)*

Да здравствует великий государь!
Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлеб-солью
Не презрели. Простите, добрый сон.

Гости уходят, он провожает их до дверей.

П у ш к и н

Насилу убрались; ну, князь Василий Иванович, я уж думал, что нам не удастся и переговорить.

Ш у й с к и й *(слугам)*

Вы что рот разинули? Всѣ бы вам господ подслушивать. — Сбирайте со стола да ступайте вон. — Что такое, Афанасий Михайлович?

П у ш к и н

Чудеса да и только.

Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне
Из Кракова гонца прислал сѣгодня.

Ш у й с к и й

Ну?

П у ш к и н

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного... постой.

(Идет к дверям и осматривает.)

Державный отрок,
По манию Бориса убиенный...

Ш у й с к и й

Да это уж не ново.

П у ш к и н

Пюгоди:

Димитрий жив.

Ш у й с к и й

Вот-на! какая весть!
Царевич жив! ну подлинно чудесно.
И только-то?

П у ш к и н

Послушай до конца:
Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец,
Но только там Димитрий появился.

Ш у й с к и й

Не может быть.

П у ш к и н

Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И сквозь ряды литовских панов прямо
Шел в тайную палату короля.

Ш у й с к и й

Кто ж он такой? откуда он?

П у ш к и н

Не знают.
Известно то, что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведав тайну,
Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмунду.

Ш у й с к и й

Что ж говорят об этом удальце?

П у ш к и н

Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает
И, говорят, помогу обещал.

Ш у й с к и й

Всё это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдёт невольню.
Сомнения нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность немала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдёт, то быть грозе великой.

П у ш к и н

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержатъ венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребаёт углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы.
А там — в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнаныи.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.
Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Всё языки готовые продать,
Правительством подкупленные вору.
Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.
Вот — Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместьях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! — Не то в Приказ холопий.
Ну слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?

Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Ш у й с к и й

Прав ты, Пушкин.
Но знаешь ли? Об этом обо всем
Мы помолчим до времени.

П у ш к и н

Вестимо,
Знай про себя. Ты человек разумный;
Всегда с тобой беседовать я рад,
И если что меня подчас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мед да бархатное пиво
Сегодня так язык мне развязали. . .
Прощай же, князь.

Ш у й с к и й

Прощай, брат, до свиданья.
(Провожает Пушкина.)

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Царевич, чертит географическую карту. Царевна,
мамка царевны.

Ксения (*целует портрет*)

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте — а темной могилке, на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

Мамка

И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

Ксения

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.

Входит Борис.

Царь

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Всё плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не судила
Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастье твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь?
А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Феодор

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,

Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

Ц а р ь

А это что такое
Узором здесь виется?

Ф е о д о р

Это Волга.

Ц а р ь

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Всё царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни —
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою. —
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.

Входит Семен Годунов.

Вот Годунов идет ко мне с докладом.

(Ксеня)

Душа моя, поди в свою светлицу;
Прости, мой друг. Утешь тебя господь.

Ксения с мамкою уходит.

Что скажешь мне, Семен Никитич?

Семен Годунов

Нынче

Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья
И Пушкина слуга пришли с доносом.

Ц а р ь

Ну?

Семен Годунов

Пушкина слуга донес сперва,
Что поутру вчера к ним в дом приехал
Из Кракова гонец — и через час
Без грамоты отослан был обратно.

Ц а р ь

Гонца схватить.

Семен Годунов

Уж послано в догоню.

Ц а р ь

О Шуйском что?

Семен Годунов

Вечер он угощал

Своих друзей, обоих Милославских,
Бутурлиных, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина — да несколько других;
А разошлись уж поздно. Только Пушкин
Наедине с хозяином остался
И долго с ним беседовал еще.

Ц а р ь

Сейчас послать за Шуйским.

Семен Годунов

Государь,

Он здесь уже.

Ц а р ь

Позвать его сюда.

Годунов уходит.

Ц а р ь

Сношения с Литвою! это что? . .
Противен мне род Пушкиных мятежный,
А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый. . .

Входит Шуйский.

Мне нужно, князь, с тобою говорить.
Но кажется — ты сам пришел за делом:
И выслушать хочу тебя сперва.

Ш у й с к и й

Так, государь: мой долг тебе поведать
Весть важную.

Ц а р ь
Я слушаю тебя.

Ш у й с к и й *(тихо, указывая на
Феодора)*

Но, государь...

Ц а р ь
Царевич может знать,
Что ведает князь Шуйский. Говори.

Ш у й с к и й
Царь, из Литвы пришла нам весть...

Ц а р ь
Что Пушкину привез вечер гонец? Не та ли,

Ш у й с к и й
Всё знает он! — Я думал, государь,
Что ты еще не ведаешь сей тайны.

Ц а р ь
Нет нужды, князь: хочу сообразить
Известия; иначе не узнаем
Мы истины.

Ш у й с к и й
Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец,
И что король и паны за него.

Ц а р ь
Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Ш у й с к и й
Не ведаю.

Ц а р ь
Но... чем опасен он?

Ш у й с к и й
Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов.

Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.

Ц а р ь

Димитрия! .. как? этого младенца!
Димитрия! .. Царевич, удались.

Ш у й с к и й

Он покраснел: быть буре! ..

Ф е о д о р

Государь,

Дозволишь ли. . .

Ц а р ь

Нельзя, мой сын, поди.

Феодор уходит.

Димитрия! ..

Ш у й с к и й

Он ничего не знал.

Ц а р ь

Послушай, князь: взять меры сей же час;
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.

Ш у й с к и й

Иду.

Ц а р ь

Постой. Не правда ль, эта весть
Затейлива? Слыхал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим патриархом?
Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?

Ш у й с к и й

Я, государь? . .

Ц а р ь

Послушай, князь Василий:
Как я узнал, что отрока сего. . .
Что отрок сей лишился как-то жизни,
Ты послан был на следствие: теперь
Тебя крестом и богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмена? Отвечай.

Ш у й с к и й

Клянусь тебе. . .

Ц а р ь

Нет, Шуйский, не клянись,
Но отвечай: то был царевич?

Ш у й с к и й

Он.

Ц а р ь

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнется:

Ш у й с к и й

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Перед тобой дерзну ли я лукавить?

И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Дмитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен,
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.
Нет, государь, сомненья нет: Дмитрий
Во гробе спит.

Ц а р ь *(спокойно)*

Довольно; удались.

Шуйский уходит.

Ух, тяжело! . . дай дух переведу. . .
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась — и тяжело опускалась. . .
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Всё снилось убитое дитя!
Да, да — вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня? Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвет с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуи — и нет его.
Так решено: не окажу я страха, —
Но презирать не должно ничего. . . —
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВ. ДОМ ВИШНЕВЕЦКОГО

Самозванец и pater Черниковский.

С а м о з в а н е ц .

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра.

Р а t e r

Вспомоществуй тебе святой Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствовать пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит бог.

С а м о з в а н е ц

Аминь. Кто там?

Входит слуга.

Сказать: мы принимаем.

Отворяются двери; входит толпа русских и поляков.

Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братские знамена
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны.
Но между вас я вижу новы лица.

Г а в р и л а П у ш к и н
Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

С а м о з в а н е ц
Рад вам, дети.
Ко мне, друзья. — Но кто, скажи мне, Пушкин,
Красавец сей?

П у ш к и н
Князь Курбский.

С а м о з в а н е ц

Имя громко!

(Курбскому)

Ты родственник казанскому герою?

К у р б с к и й
Я сын его.

С а м о з в а н е ц
Он жив еще?

К у р б с к и й
Нет, умер.

С а м о з в а н е ц

Великий ум! муж битвы и совета!
Но с той поры, когда являлся он,
Своих обид ожесточенный мститель,
С литовцами под ветхий город Ольгин,
Молва об нем умолкла.

К у р б с к и й

Мой отец

В Волынии провел остаток жизни,
В поместьях, дарованных ему
Баторием. Уединен и тих,
В науках он искал себе отрады;
Но мирный труд его не утешал:
Он юности своей отчизну помнил
И до конца по ней он тосковал.

С а м о з в а н е ц

Несчастный вождь! как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его с отечеством мирится.
Вины отцов не должно вспоминать;
Мир гробу их! приближься, Курбский. Руку!
Не странно ли? сын Курбского ведет
На трон, кого? да — сына Иоанна...
Всё за меня: и люди и судьба. —
Ты кто такой?

П о л я к

Собаньский, шляхтич вольный.

С а м о з в а н е ц

Хвала и честь тебе, свободы чадо!
Вперед ему треть жалованья выдать. —
Но эти кто? я узнаю на них
Земли родной одежду. Это наши.

Х р у щ о в (бьет челом)

Так, государь, отец наш. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.

Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь, — и за тебя готовы
Главами лечь, да будут наши трупы
На царский трон ступенями тебе.

С а м о з в а н е ц

Мужайтесь, безвинные страдальцы, —
Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там Борис расплатится во всем,
Ты кто?

К а р е л а

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царицы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

С а м о з в а н е ц

Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казацки бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

Поэт (*приближается, кланяясь
низко, и хватает Гришку за полу*)
Великий принц, светлейший королевич!

С а м о з в а н е ц

Что хочешь ты?

Поэт (*подает ему бумагу*)
Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда.

С а м о з в а н е ц

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской музы голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!
Приблизься, друг. В мое воспоминанье
Прими сей дар.

(Дает ему перстень.)

Когда со мной свершится
Судьбы завет, когда корону предков
Надену я, надеюсь вновь услышать
Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.
Musa gloriam coronat, gloriaque musam.*
Итак, друзья, до завтра, до свиданья.

В с е

В поход, в поход! Да здравствует Димитрий,
Да здравствует великий князь московский!

* Муза венчает славу, а слава — музу. (Латинск.) — *Ред.*

ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ

Ряд освещенных комнат. Музыка.

Вишневецкий, Мнишек.

Мнишек

Он говорит с одной моей Мариной,
Мариною одною занят он. . .
А дело-то на свадьбу страх похоже;
Ну — думал ты, признайся, Вишневецкий,
Что дочь моя царицей будет? а?

Вишневецкий

Да, чудеса. . . и думал ли ты, Мнишек,
Что мой слуга взойдет на трон московский?

Мнишек

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвил: ну, смотри!
Не упускай Дмитрия! . . и вот
Всё кончено. Уж он в ее сетях.

Музыка играет польский. Самозванец идет с Мариною
в первой паре.

Марина (*тихо Дмитрию*)

Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
В аллее лип, я завтра у фонтана.

Расходятся. Другая пара.

Кавалер

Что в ней нашел Дмитрий?

Дама

Как! она

Красавица.

Кавалер

Да, мраморная нимфа:

Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Новая пара.

Дама

Он не красив, но вид его приятен
И царская порода в нем видна.

Новая пара.

Дама

Когда ж поход?

Кавалер

Когда велит царевич,
Готовы мы; но, видно, панна Мнишек
С Димитрием задержит нас в плену.

Дама

Приятный плен.

Кавалер

Конечно, если вы...

Расходятся. Комнаты пустеют.

Мнишек

Мы, старики, уж нынче не танцуем,
Музыки гром не призывает нас,
Прелестных рук не жмем и не целуем —
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей, не так смела,
И красота не так уж весела —
Признайся, друг: всё как-то приуныло.
Оставим их; пойдем, товарищ мой,
Венгерского, обросшую травой,

Велим отрыть бутылку вековую
Да в уголку потянем-ка вдвоем
Душистый ток, струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.

Вишневецкий
И дело, друг, пойдем.

НОЧЬ. САД. ФОНТАН

С а м о з в а н е ц (*входит*)

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертью душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались — я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет — это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал всё то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей.
Но час настал — и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображенье. . .
Но что-то вдруг мелькнуло. . . шорох. . . тише. . .
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

М а р и н а (*входит*)

Царевич!

С а м о з в а н е ц

Она! . . . Вся кровь во мне остановилась.

М а р и н а

Димитрий! Вы?

С а м о з в а н е ц

Волшебный, сладкий голос!

(Идет к ней.)

Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

М а р и н а

Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья;
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь — не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

С а м о з в а н е ц

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь пред собой
Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взором.
О, выслушай моления любви,
Дай высказать всё то, чем сердце полно.

М а р и н а

Не время, князь. Ты медлишь — и меж тем
Приверженность твоих клеветов стынет,
Час от часу опасность и труды .
Становятся опасней и труднее,
Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры. . .

С а м о з в а н е ц

Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь. . . что без нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной — ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь. . .

М а р и н а

Стыдись; не забывай

Высокого, святого назначения:
Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
Не юноше кипящему, безумно
Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

С а м о з в а н е ц

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвишь —
Как! ежели. . . о страшное сомненье! —
Скажи: когда б не царское рожденье
Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок:
Тогда б. . . тогда б любила ль ты меня? . .

М а р и н а

Димитрий ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

С а м о з в а н е ц

Нет! полно:

Я не хочу делиться с мертвецом
Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворствовать! скажу
Всю истину; так знай же: твой Димитрий
Давно погиб, зарыт — и не воскреснет;
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь, скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею сучая,
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо —
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

М а р и н а

О стыд! о горе мне!

Молчание.

С а м о з в а н е ц *(тихо)*

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? —

(Вслух.)

Вижу, вижу:

Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Реши: я жду

(бросается на колени).

М а р и н а

Встань, бедный самозванец,
Не мнишь ли ты коленопреклонением,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умилишь?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха. . .

С а м о з в а н е ц (встает)

Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной. . .

М а р и н а

Достойные позорной петли, дерзкий!

С а м о з в а н е ц

Виновен я: гордыней обуянный,
Обманывал я бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Всё высказать.

М а р и н а

Чем хвалится, безумец!
Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.

Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королем,
Или еще пред паном Вишневецким
Из верного усердия слуги.

С а м о з в а н е ц

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признание.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

М а р и н а

Клянешься ты! итак, должна я верить —
О, верю я! — но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? не именем ли бога,
Как набожный примыш езуитов?
Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

Д и м и т р и й (гордо)

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла —
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться.
Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.

О, как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!
Теперь иду — погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть как воин в битве честной
Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не разделишь со мною;
Но — может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

М а р и н а

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

С а м о з в а н е ц

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? — Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

М а р и н а

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но — слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле;
Веди полки скорее на Москву.
Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла;
Но — слышит бог — пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.

(Уходит.)

С а м о з в а н е ц

Нет — легче мне сражаться с Годуновым,
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женщиной — черт с ними; мочи нет.
И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! — Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ

(1604 года, 16 октября)

Князь Курбский и Самозванец, оба верхами.
Полки приближаются к границе.

Курбский *(прискакав первый)*

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь, отечество! я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхую
С моих одежд — пью жадно воздух новый:
Он мне родной! . . теперь твоя душа,
О мой отец, утешится, и в гробе
Опальные возрадуются кости! —
Блеснул опять наследственный наш меч,
Сей славный меч, гроза Казани темной,
Сей добрый меч, слуга царей московских!
В своем пиру теперь он загуляет
За своего надежу-государя! . .

Самозванец *(едет тихо
с поникшей головой)*

Как счастлив он! как чистая душа
В нем радостью и славой разыгралась!
О витязь мой! завидую тебе.
Сын Курбского, воспитанный в изгнании,
Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом испушив, —

Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься; законного царя
Ты возвратить отечеству. . . ты прав,
Душа твоя должна пылать весельем.

Курбский

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванец

Кровь русская, о Курбский, потечет!
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу! . .
Но пусть мой грех падет не на меня —
А на тебя, Борис-цареубийца! —
Вперед!

Курбский

Вперед! и горе Годунову!
Скачут. Полки переходят через границу.

ЦАРСКАЯ ДУМА

Царь, патриарх и бояре.

Царь

Возможно ли? Расстрига, беглый инок
На нас ведет злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! — Поезжайте
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов; помощь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте град и граждан.

Басманов

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетке. Богом
Тебе клянусь.

(Уходит с Трубецким.)

Царь

Мне свейский государь
Через послов союз свой предложил;
Но не нужна нам чуждая помощь;
Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.

Я отказал.

Щелкалов! разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коня садились и людей
По старине на службу высылали;
В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли.
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они: таков
Указ царя и приговор боярский.

Теперь вопрос мы важный разрешим:
Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;
На площадях мятежный бродит шопот,
Умы кипят. . . их нужно остудить;
Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты первый,
Святой отец, свою поведай мысль.

П а т р и а р х

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь — да пройдет заблужденье:
Оно пройдет, и солнце правды вечной
Всех озарит.

Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.

Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился;
Но стоит лишь ее раздрасть — и сам
Он наготой своею посрамится.

Сам бог на то нам средство посылает:
Знай, государь, тому прошло шесть лет,

В тот самый год, когда тебя господь
Благословил на царскую державу,
В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну.

«В младых летах, — сказал он, — я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зелием и тайным нашептаньем;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам;
Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны очи;
Не посылал господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду.
И к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки. Раз
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: — Встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостив — и я тебя прошу.
— Но кто же ты? — спросил я детский голос.
— Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец!
Иди, старик. — Проснулся я и думал:
Что ж? может быть и в самом деле бог
Мне позднее дарует исцеленье.
Пойду — и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В святой собор, и слушаю обедню
И, разгораясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: — Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия. — И мальчик
Повел меня — и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел

И божий свет, и внука, и могилку».

Вот, государь, что мне поведал старец.

Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз оттирает лицо платком.

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдалцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.

Вот мой совет: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.

Молчание.

Князь Шуйский

Святой отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства
Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданую, столь важной новизною.

Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства — проще.
Так, государь, — когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумства
И злой обман бродяги обнаружу.

Царь

Да будет так! Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:
Сегодня мне нужна твоя беседа.

(Уходит. За ним и все бояре.)

Один боярин (*тихо другому*)

Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?

Другой

Я — признаюсь — не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться.

Первый боярин

А выручил князь Шуйский. Молодец!

РАВНИНА БЛИЗ НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО

(1604 года, 21 декабря)

Битва.

Воины (бегут в беспорядке)

Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!
Входят капитаны Маржерет и Вальтер Розен.

Маржерет

Куда, куда? Allons. . . * пошоль назад!

Один из беглецов

Сам пошоль, коли есть охота, проклятый басурман.

Маржерет

Quoi? quoi? **

Другой

Ква! ква! тебе любо, лягушқа заморская, квакать на
русского царевича; а мы ведь православные.

Маржерет

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*? . . Sacrés gueux, maudites
canailles! Mordieu, mein herr, j'enrage: on dirait que ça

* Ну! (Франц.) — *Ред.*

** Что? что? (Франц.) — *Ред.*

n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp. *

В. Розен

Es ist Schande.

Маржерет

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas — puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein herr?

В. Розен

Sie haben Recht.

Маржерет

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez-vous, mein herr?

В. Розен

Oh, ja!

Маржерет

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. Розен

Ich glaube das.

Входят немцы.

Маржерет

Ha, ha! voici nos Allemands. — Messieurs! . . Mein herr, dites-leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. Розен

Sehr gut. Halt!

Немцы строятся.

Marsch!

* Что это значит «православные»?.. Рвань окаянная, проклятая сволочь! Черт возьми, мейн герр (сударь мой), я прямо взбешен: можно подумать, что у них нет рук драться, а только ноги — удирать. (Франц.) — *Ред.*

Немцы (идут)

Hilf Gott. *

Сражение. Русские снова бегут.

Ляхи

Победа! победа! Слава царю Димитрию.

Димитрий (верхом)

Ударить отбой! мы победили. Довольно: щадите русскую кровь. Отбой!

Трубят, бьют барабаны.

* В. Розен. Позор. Маржерет. Тысячу чертей! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг — раз дело начато, надо его кончить. Что вы скажете на это, мейн герр? — В. Розен. Вы правы. Маржерет. Черт, дело становится жарким! Этот дьявол — Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез. Как вы полагаете, мейн герр? В. Розен. О да! Маржерет. Вот глядите, глядите! Завязался бой в тылу у неприятеля. Это, наверно, ударил молодец Басманов. В. Розен. Я так полагаю. Маржерет. А вот и наши немцы! — Господа!.. Мейн герр, велите же им построиться и, черт возьми, пойдем в атаку! В. Розен. Отлично. Стой! Марш! Немцы. С нами бог! (Слова Розена и немцев — по-немецки, Маржерета — по-французски). — *Ред.*

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД СОБОРОМ В МОСКВЕ

Н а р о д.

О д и н

Скоро ли царь выйдет из собора?

Д р у г о й

Обедня кончилась; теперь идет молебен.

П е р в ы й

Что, уж проклинали *того*?

Д р у г о й

Я стоял на паперти и слышал, как диакон завопил:
Гришка Отрепьев — анафема!

П е р в ы й

Пускай себе проклинаят; царевичу дела нет до Отрепьева.

Д р у г о й

А царевичу поют теперь вечную память.

П е р в ы й

Вечную память живому! Вот уж им будет, безбожникам.

Т р е т и й

Чу! шум. Не царь ли?

Ч е т в е р т ы й

Нет; это юродивый.

Входит юродивый в железной шапке, обвешанный веригами,
окруженный мальчишками.

М а л ь ч и ш к и

Николка, Николка — железный колпак! . . тр-р-р-р-р . . .

С т а р у х а

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. — Помолись,
Николка, за меня грешную.

Ю р о д и в ы й

Дай, дай, дай копеечку.

С т а р у х а

Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Ю р о д и в ы й (*садится на землю
и поет*)

Месяц светит,
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

Мальчишки окружают его снова.

О д и н и з н и х

Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь?
(*Щелкает его по железной шапке.*) Эх она звонит!

Ю р о д и в ы й

А у меня копеечка есть.

М а л ь ч и ш к а

Неправда! ну покажи. (*Вырывает копеечку и убегает.*)

Ю р о д и в ы й (*плачет*)

Взяли мою копеечку; обижают Николку!

Н а р о д

Царь, царь идет.

Царь выходит из собора. Боярин впереди раздает нищим
милостыню. Бояре.

Ю р о д и в ы й

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Ц а р ь

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Ю р о д и в ы й

Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького Царевича.

Б о я р е

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Ц а р ь

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка. (*Уходит.*)

Ю р о д и в ы й (*ему вслед*)

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — богородица не велит.

СЕВСК

Самозванец, окруженный своими.

Самозванец
Где пленный?

Ляхи
Здесь.

Самозванец
Позвать его ко мне.
Входит русский пленник.
Кто ты?

Пленник
Рожнов, московский дворянин.

Самозванец
Давно ли ты на службе?

Пленник
С месяц будет.

Самозванец
Не совестно, Рожнов, что на меня
Ты поднял меч?

Пленник
Как быть, не наша воля.

С а м о з в а н е ц
Сражался ты под Северским? —

П л е н н и к
Я прибыл
Недели две по битве, из Москвы.

С а м о з в а н е ц
Что Годунов?

П л е н н и к
Он очень был встревожен
Потерею сражения и раной
Мстиславского, и Шуйского послал
Начальствовать над войском.

С а м о з в а н е ц
А зачем
Он отозвал Басманова в Москву?

П л е н н и к
Царь наградил его заслуги честью
И золотом. Басманов в царской Думе
Теперь сидит.

С а м о з в а н е ц
Он в войске был нужнее.
Ну что в Москве?

П л е н н и к
Всё, слава богу, тихо.

С а м о з в а н е ц
Что? ждут меня?

П л е н н и к
Бог знает; о тебе
Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову — такая, право, притча!
Что день, то казнь. Тюрмы битком набиты.

На площади, где человека три
Сойдутся, глядь — лазутчик уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.
Как раз беда; так лучше уж молчать.

С а м о з в а н е ц
Завидна жизнь Борисовых людей!
Ну, войско что?

П л е н н и к
Что с ним? одето, сыто.
Довольно всем.

С а м о з в а н е ц
Да много ли его?

П л е н н и к
Бог-ведает.

С а м о з в а н е ц
А будет тысяч тридцать?

П л е н н и к
Да наберешь и тысяч пятьдесят.
Самозванец задумывается. Окружающие смотрят друг на друга.

С а м о з в а н е ц
Ну! обо мне как судят в вашем стане?

П л е н н и к
А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец.

С а м о з в а н е ц (смеясь)
Так это я на деле
Им докажу. Друзья, не станем ждать
Мы Шуйского; я поздравляю вас:
Назавтра бой.

(Уходит.)

В с е

Да здравствует Димитрий!

Л я х

Назавтра бой! их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошел.

Д р у г о й

Пустое, друг: поляк
Один пятьсот москáлей вызвать может.

П л е н н и к

Да, вызовешь. А как дойдет до драки,
Так убежишь от одного, хвастун.

Л я х

Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник,
То я тебя

(указывая на свою саблю)
вот этим бы смирил.

П л е н н и к

Наш брат русак без сабли обойдется:
Не хочешь ли вот этого

(показывая кулак),
безмозглый!

Лях гордо смотрит на него и молча отходит.
Все смеются.

ЛЕС

Лжедимитрий, Пушкин.

В отдалении лежит конь издыхающий.

Лжедимитрий

Мой бедный конь! как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сражение,
И раненый как быстро нес меня.
Мой бедный конь!

Пушкин *(про себя)*

Ну вот о чем жалеет!

Об лошади! когда всё наше войско
Побито в прах!

Самозванец

Послушай: может быть,

От раны он лишь только заморился
И отдохнет.

Пушкин

Куда! он издыхает.

Самозванец *(идет к своему коню)*

Мой бедный конь!.. что делать? снять узду
Да отстегнуть подпругу. Пусть на воле
Издыхнет он.

(Разуздывает и расседлывает коня)

Входят несколько ляхов.

Здорово, господа!

Что ж Курбского не вижу между вами?

Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,
А грозный клик все клики заглушал.
Где ж витязь мой?

Л я х

Он лег на поле смерти.

С а м о з в а н е ц

Честь храброму и мир его душе!
Как мало нас от битвы уцелело.
Изменники! злодеи-запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили нас —
Не выдержать и трех минут отпора!
Я их ужо! десятого повешу,
Разбойники!

П у ш к и н

Кто там ни виноват,
Но всё-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

С а м о з в а н е ц

А дело было наше;
Я было смял передовую рать —
Да немцы нас порядком отразили;
А молодцы! ей-богу, молодцы,
Люблю за то — из них уж непременно
Составлю я почетную дружину.

П у ш к и н

А где-то нам сегодня ночевать?

С а м о з в а н е ц

Да здесь в лесу. Чем это не ночлег?
Чем свет мы в путь; к обеду будем в Рыльске.
Спокойна ночь.

(Ложится, кладет седло под голову и засыпает.)

Пушкин

Приятный сон, царевич!

Разбитый в прах, спасаясь побегом,

Беспечен он, как глупое дитя;

Хранит его, конечно, провиденье;

И мы, друзья, не станем унывать.

МОСКВА. ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Борис, Басманов.

Царь

Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.
Вот слава! нет, я ими недоволен,
Пошлю тебя начальствовать над ними;
Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басманов

Ах, государь, стократ благословен
Тот будет день, когда разрядны книги
С раздорами, с гордыней родословной
Пожрет огонь.

Царь

День этот недалек;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Басманов

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятенью тайно склонен:

Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Ц а р ь

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержатъ народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и — его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо;
Грабь и казни — тебе не будет хуже.

Входит боярин.

Что?

Б о я р и н

Привели гостей иноплеменных.

Ц а р ь

Иду принять; Басманов, погоди,
Останься здесь: с тобой еще мне нужно
Поговорить.

(Уходит.)

Б а с м а н о в

Высокий дух державный.
Дай бог ему с Отрепьевым проклятым
Управиться, и много, много он
Еще добра в России сотворит.
Мысль важная в уме его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мне поприще откроется, когда
Он сломит рог боярству родовому!
Соперников во брани я не знаю;
У царского престола стану первый...
И может быть... Но что за чудный шум?

Тревога. Бояре, придворные служители в беспорядке
бегут, встречаются и шепчутся.

О д и н

За лекарем!

Д р у г о й
Скорее к патриарху.

Т р е т и й
Царевича, царевича зовет!

Ч е т в е р т ы й
Духовника!

Б а с м а н о в
Что сделалось такое?

П я т ы й
Царь занемог.

Ш е с т о й
Царь умирает.

Б а с м а н о в
Боже!

П я т ы й
На троне он сидел и вдруг упал —
Кровь хлынула из уст и из ушей.

Ц а р я выносят на стуле; всё царское семейство,
все бояре.

Ц а р ь
Подите все — оставьте одного
Царевича со мною.

Все удаляются.

Умираю;

Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь. . . о боже, боже!
Сейчас явлюсь перед тобой — и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую — мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья. . . так и быть!
Я подданным рожден и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти. . . чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
Я, я за всё один отвечу богу. . .
О милый сын, не обольщайся ложно,

Не ослепляй себя ты добровольно.
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен. . .
Я, с давних лет в правленьи искушенный,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала.
Но ты, младой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу. . . слушай:
Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом — а в боярах
Почтенного породой или славой —
Хоть Шуйского. Для войска нынче нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка —
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпускай. . .
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться попустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын, тыходишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:

Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременен темнеет.
В семье своей будь завсегда главою;
Мать почитай, но властвуй сам собою.
Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься.

Ф е о д о р (на коленях)

Нет, нет — живи и царствуй долговечно:
Народ и мы погибли без тебя.

Ц а р ь

Всё кончено — глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад. . .

Входит патриарх, святители, за ними все бояре.
Царицу ведут под руки, царица рыдает.

Кто там?

А! схима. . . так! святое постриженье. . .
Ударил час, в монахи царь идет —
И темный гроб моею будет кельей. . .
Повремени, владыко патриарх,
Я царь еще: внемлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору. . . Басманов,
Друзья мои. . . при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад и непорочен.
Клянётесь ли?

Б о я р е

Клянемся.

Ц а р ь

Я доволен.

Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды. . .

Святой отец, приблизься, я готов.

Начинается обряд пострижения. Женщин в обмороке выносят.

СТАВКА

Басманов вводит Пушкина.

Басманов

Войди сюда и говори свободно.
Итак, тебя ко мне он посылает?

Пушкин

Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нем в московском царстве.

Басманов

Но я и так Феодором высоко
Уж вознесен. Начальствую над войском,
Он для меня презрел и чин разрядный
И гнев бояр — я присягал ему.

Пушкин

Ты присягал наследнику престола
Законному; но если жив другой,
Законнейший? . .

Басманов

Послушай, Пушкин, полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.

Пушкин

Россия и Литва

Димитрием давно его признали,
Но, впрочем, я за это не стою.
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец. Только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

Басманов

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава богу!
Победою я их одушевлею,
А вы, кого против меня пошлете?
Не казака ль Карелу? али Мнишка?
Да много ль вас, всего-то восемь тысяч.

Пушкин

Ошибся ты: и тех не наберешь —
Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только сёла грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские. . . да что и говорить. . .
Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?
Ты видел сам, охотно ль ваши рати
Сражались с ним; когда же? при Борисе!
А нынче ль? . . нет, Басманов, поздно спорить
И раздувать холодный пепел брани:
Со всем твоим умом и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благоразумный,
Димитрия царем провозгласить
И тем ему навеки удружить?
Как думаешь?

Б а с м а н о в
Узнаете вы завтра.

П у ш к и н
Решись.

Б а с м а н о в
Прощай.

П у ш к и н
Подумай же, Басманов.
(Уходит.)

Б а с м а н о в
Он прав, он прав; везде измена зреет —
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность молодого венценосца
Предательством ужасным заплатить...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и заговор,
Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бедствия
народны...

(Задумывается.)

Сюда! кто там?

(Свищет.)

Коня! трубите сбор.

ЛОБНОЕ МЕСТО

Пушкин идет, окруженный народом.

Н а р о д

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам боярин.
Сюда! сюда!

Пушкин *(на амвоне)*

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал.

(Кланяется.)

Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж поразил Бориса.
Димитрию Россия покорилась;
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привел ему к присяге.
Димитрий к вам идет с любовью, с миром.
В угоду ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

Н а р о д

Вестимо, нет.

Пушкин

Московские граждане!
Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властью жестокого пришельца:

Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад — всё испытали вы.
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов — и весь честной народ.
Вы ль станете упрямитесь безумно
И милостей кичливо убежать?
Но он идет на царственный престол
Своих отцов — в сопровожденьи грозном.
Не гневайте ж царя и бойтесь бога.
Целуйте крест законному владыке;
Смиритесь, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.
(Сходит. Шум народный.)

Н а р о д

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец.

М у ж и к н а а м в о н е

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

Н а р о д *(несется толпою)*

Вязать! топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

**БРЕМЛЬ. ДОМ БОРИСОВ.
СТРАЖА У БРЫЛЬЦА**

Феодор под окном.

Ни щ и й
Дайте милостыню, Христа ради!

Стр а ж а
Поди прочь, не велено говорить с заключенными.

Феодор
Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.

Кс е н и я под покрывалом подходит также к окну.

О д и н и з н а р о д а
Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

Д р у г о й
Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

П е р в ы й
Отец был злодей, а детки невинны.

Д р у г о й
Яблоко от яблони недалеко падает.

Кс е н и я
Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Ф е о д о р

Это Голицын, Мосальский. Другие мне незнакомы.

К с е н и я

Ах, братец, сердце замирает.

Голицын, Мосальский, Молчанов и Шереметевы.
За ними трое стрельцов.

Н а р о д

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.

Они входят в дом.

О д и н и з н а р о д а

Зачем они пришли?

Д р у г о й

А верно приводить к присяге Феодора Годунова.

Т р е т и й

В самом деле? — слышишь, какой в доме шум! Тревога, дерутся. . .

Н а р о д

Слышишь? визг! — это женский голос. . . Взойдем! — Двери заперты — крики замолкли.

Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.

М о с а л ь с к и й

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (*Народ в ужасе молчит.*) Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

К о н е ц .

С Ц Е Н Ы, И С К Л Ю Ч Е Н Н Ы Е И З П Е Ч А Т Н О Й Р Е Д А К Ц И И

1. ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.*

Григорий и злой чернец.

Григорий

Что за скука, что за горе наше бедное житье!
День приходит, день проходит — видно, слышно всё одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колокол.
Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать нечего — соснешь;
Ночью долгою до света всё не спится чернецу,
Сном забудешься, так душу грезы черные мутят;
Рад, что в колокол ударят, что разбудят костью.
Нет, не вытерплю! нет мочи. Чрез ограду да бегом.
Мир велик: мне путь-дорога на четыре стороны,
Поминай как звали.

Чернец

Правда: ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихие, молодые чернецы.

Григорий

Хоть бы хан опять нагрюнул! хоть Литва бы поднялась!
Так и быть! пошел бы с ними переведаться мечом.
Что, когда бы наш царевич из могилы вдруг воскрес
И вскричал: А где вы, дети, слуги верные мои?
Вы подите на Бориса, на злодея моего,
Изловите супостата, приведите мне его! ..

* Следовало после сцены: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре». — *Ред.*

Чернец

Полно! не болтай пустого: мертвых нам не воскресить!
Нет, царевичу иное, видно, было суждено —
Но послушай: если дело затевать, так затевать. . .

Григорий

Что такое?

Чернец

Если б я был так же молод, как и ты,
Если б ус не пробивала уж лихая седина. . .
Понимаешь?

Григорий

Нет, нисколько.

Чернец

Слушай: глупый наш народ
Легковерен; рад дивиться чудесам и новизне;
А бояре в Годунове помнят равного себе;
Племя древнего варяга и теперь любезно всем.
Ты царевичу ровесник. . . если ты хитер и тверд. . .
Понимаешь?

Молчание.

Григорий

Понимаю.

Чернец

Что же скажешь?

Григорий

Решено!

Я — Димитрий, я — царевич.

Чернец

Дай мне руку: будешь царь.

2. ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ *

Уборная Марины.

Марина, Рузя убирает ее; служанки.

Марина (*перед зеркалом*)

Ну что ж? готово ли? нельзя ли поспешить?

Рузя

Позвольте: наперед решите выбор трудный:

Что вы наденете, жемчужную ли нить

Иль полумесяц изумрудный?

Марина

Алмазный мой венец.

Рузя

Прекрасно! помните? его вы надевали,

Когда изволили вы ездить во дворец.

На бале, говорят, как солнце вы блистали.

Мужчины ахали, красавицы шептали. . .

В то время, кажется, вас видел в первый раз

Хоткевич молодой, что после застрелился.

А точно, говорят: на вас

Кто ни взглянул, тут и влюбился.

Марина

Нельзя ли поскорей.

* Следовало после сцены: «Краков. Дом Вишневецкого». —
Ред.

Рузя

Сейчас.

Сегодня ваш отец надеется на вас.

Царевич видел вас недаром,

Не мог он утаить восторга своего,

Уж ранен он; так надобно его

Сразить решительным ударом.

А точно, панна, он влюблен.

Вот месяц, как, оставя Краков,

Забыв войну, московский трон,

В гостях у нас пирует он

И бесит русских и поляков.

Ах, боже мой! дождусь ли дня? . .

Не правда ли? когда в свою столицу

Димитрий повезет московскую царицу,

Вы не оставите меня?

Марина

Ты разве думаешь — царицей буду я?

Рузя

А кто ж, когда не вы? кто смеет красотой

Равняться здесь с моею госпожою?

Род Мнишков — ничьему еще не уступал;

Умом — превыше вы похвал. . .

Счастлив, кого ваш взор вниманья удостоит,

Кто сердца вашего любовь себе присвоит —

Кто б ни был он, хоть наш король

Или французский королевич —

Не только нищий ваш царевич,

Бог весть какой, бог весть отколь.

Марина

Он точно царский сын и признан целым светом.

Рузя

А всё ж он был прошедшею зимой

У Вишневецкого слугой.

Марина

Скрывался он.

Рузя

Не спорю я об этом —
А только знаете ли вы,
Что говорят о нем в народе?
Что будто он дьячок, бежавший из Москвы,
Известный плут в своем приходе.

Марина

Какие глупости!

Рузя

О, я не верю им —
Я только говорю, что должен он, конечно,
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другим.

Служанка *(вбегает)*

Уж гости съехались.

Марина

Вот видишь: ты до света
Готова пустяки болтать,
А между тем я не одета...

Рузя

Сейчас, готово всё.

Служанки суетятся.

Марина

Мне должно всё узнать.

Драматургия
Евгений

Драматург
Евгений

1830

Драматург
Евгений

Драматург
Евгений

СКУПОЙ РЫЦАРЬ

*(Сцены из Ченстоновой
траги-комедии The covetous knight*)*

* Скупой рыцарь. (Англ.) — *Ред.*

СЦЕНА I

В башне.

Альбер и Иван.

Альбер

Во что бы то ни стало на турнире
Явлюсь я. Покажи мне шлем, Иван.

Иван подает ему шлем.

Пробит насквозь, испорчен. Невозможно
Его надеть. Достать мне надо новый.
Какой удар! проклятый граф Делорж!

Иван

И вы ему порядком отплатили:
Как из стремян вы вышибли его,
Он сутки замертво лежал — и вряд ли
Оправился.

Альбер

А всё ж он не в убытке;
Его нагрудник цел венецианский,
А грудь своя: гроша ему не стоит;
Другой себе не станет покупать.
Зачем с него не снял я шлема тут же!
А снял бы я, когда б не было стыдно
Мне дам и герцога. Проклятый граф!
Он лучше бы мне голову пробил.
И платье нужно мне. В последний раз
Все рыцари сидели тут в атласе

Да бархате; я в латах был один
За герцогским столом. Отговорился
Я тем, что на турнир попал случайно.
А нынче что скажу? О, бедность, бедность!
Как унижает сердце нам она!
Когда Делорж копьём своим тяжёлым
Пробил мне шлем и мимо проскакал,
А я с открытой головой пришпорил
Эмира моего, помчался вихрем
И бросил графа на двадцать шагов,
Как маленького пажу; как все дамы
Привстали с мест, когда сама Клотильда,
Закрыв лицо, невольно закричала,
И славили герольды мой удар, —
Тогда никто не думал о причине
И храбрости моей и силы дивной!
Взбесился я за поврежденный шлем;
Геройству что виною было? — скупость. —
Да! заразиться здесь не трудно ею
Под кровлею одной с моим отцом.
Что бедный мой Эмир?

И в а н

Он всё хромает.
Вам выехать на нем еще нельзя.

А л ь б е р

Ну, делать нечего: куплю Гнедого.
Недорого и просят за него.

И в а н

Недорого, да денег нет у нас.

А л ь б е р

Что ж говорит бездельник Соломон?

И в а н

Он говорит, что более не может
Взаймы давать вам денег без заклада.

А л ь б е р

Заклад! а где мне взять заклада, дьявол!

И в а н

Я сказывал.

А л ь б е р

Что ж он?

И в а н

Кряхтит да жметса.

А л ь б е р

Да ты б ему сказал, что мой отец
Богат и сам, как жид, что рано ль, поздно ль
Всему наследую.

И в а н

Я говорил.

А л ь б е р

Что ж?

И в а н

Жметса да кряхтит.

А л ь б е р

Какое горе!

И в а н

Он сам хотел придти.

А л ь б е р

Ну, слава богу.

Без выкупа не выпущу его.

Стучат в дверь.

Кто там?

Входит жид.

Ж и д

Слуга ваш низкий.

А л ь б е р

А, приятель!

Проклятый жид, почтенный Соломон,

Пожалуй-ка сюда: так ты, я слышу,
Не веришь в долг.

Ж и д

Ах, милостивый рыцарь,
Клянусь вам: рад бы... право, не могу.
Где денег взять? весь разорился я,
Всё рыцарям усердно помогая.
Никто не платит. Вас хотел просить,
Не можете ль хоть часть отдать...

А л ь б е р

Разбойник!

Да если б у меня водились деньги,
С тобою стал ли б я возиться? Полно,
Не будь упрям, мой милый Соломон;
Давай червонцы. Высыпи мне сотню,
Пока тебя не обыскали.

Ж и д

Сотню!

Когда б имел я сто червонцев!

А л ь б е р

Слушай:

Не стыдно ли тебе своих друзей
Не выручать?

Ж и д

Клянусь вам...

А л ь б е р

Полно, полно.

Ты требуешь заклада? что за вздор!
Что дам тебе в заклад? свиную кожу?
Когда б я мог что заложить, давно
Уж продал бы. Иль рыцарского слова
Тебе, собака, мало?

Ж и д

Ваше слово,

Пока вы живы, много, много значит.

Все сундуки фламандских богачей
Как талисман оно вам отопрет.
Но если вы его передадите
Мне, бедному еврею, а меж тем
Умрете (боже сохрани), тогда
В моих руках оно подобно будет
Ключу от брошенной шкатулки в море.

А л ь б е р

Ужель отец меня переживет?

Ж и д

Как знать? дни наши сочтены не нами;
Цвел юноша вечер, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу.
Барон здоров. Бог даст — лет десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживет он.

А л ь б е р

Ты врешь, еврей: да через тридцать лет
Мне стукнет пятьдесят, тогда и деньги
На что мне пригодятся?

Ж и д

Деньги? — деньги
Всегда, во всякий возраст нам пригодны;
Но юноша в них ищет слуг проворных
И не жалея шлет туда, сюда.
Старик же видит в них друзей надежных
И бережет их как зеницу ока.

А л ь б е р

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит.
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки,
Всю ночь не спит, всё бегаёт да лаёт, —
А золото спокойно в сундуках
Лежит себе. Молчи! когда-нибудь
Оно послужит мне, лежать забудет.

Жид

Да, на бароновых похоронах
Прольется больше денег, нежели слез.
Пошли вам бог скорей наследство.

Альбер

Amen!

Жид

А можно б...

Альбер

Что?

Жид

Так — думал я, что средство
Такое есть...

Альбер

Какое средство?

Жид

Так —

Есть у меня знакомый старичок,
Еврей, аптекарь бедный...

Альбер

Ростовщик,

Такой же, как и ты, иль почестнее?

Жид

Нет, рыцарь, Товий торг ведет иной —
Он составляет капли... право, чудно,
Как действуют они.

Альбер

А что мне в них?

Жид

В стакан воды подлить... трех капель будет,
Ни вкуса в них, ни цвета не заметно;
А человек без рези в животе,
Без тошноты, без боли умирает.

А л ь б е р

Твой старичок торгует ядом.

Ж и д

Да —

И ядом.

А л ь б е р

Что ж? займы наместо денег
Ты мне предложишь склянок двести яду,
За склянку по червонцу. Так ли, что ли?

Ж и д

Смеяться вам угодно надо мною —
Нет; я хотел... быть может, вы... я думал,
Что уж барону время умереть.

А л ь б е р

Как! отравить отца! и смел ты сыну...
Иван! держи его. И смел ты мне!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змей! что я тебя сейчас же
На воротах повешу.

Ж и д

Виноват!

Простите: я шутил.

А л ь б е р

Иван, веревку.

Ж и д

Я... я шутил. Я деньги вам принес.

А л ь б е р

Вон, пес!

Жид уходит.

Вот до чего меня доводит
Отца родного скупость! Жид мне смел
Что предложить! Дай мне стакан вина,
Я весь дрожу... Иван, однако ж деньги
Мне нужны. Сбегай за жидом проклятым,

Возьми его червонцы. Да сюда
Мне принеси чернильницу. Я плуту
Расписку дам. Да не вводи сюда
Иуду этого. . . Иль нет, постой,
Его червонцы будут пахнуть ядом,
Как сребренники пращура его. . .
Я спрашивал вина.

И в а н

У нас вина —

Ни капли нет.

А л ь б е р

А то, что мне прислал

В подарок из Испании Ремон?

И в а н

Вечор я снес последнюю бутылку

Больному кузнецу.

А л ь б е р

Да, помню, знаю. . .

Так дай воды. Проклятое житье!

Нет, решено — пойду искать управы

У герцога: пускай отца заставят

Меня держать как сына, не как мышь,

Рожденную в подполье.

СЦЕНА II

Подвал.

Б а р о н

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль душой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливым день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растут. Читал я где-то,
Что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу,
И гордый холм возвысился — и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли.
Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда в подвал,
Взнес мой холм — и с высоты его
Могу взирать на всё, что мне подвластно.
Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,

И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне всё послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего .сознания. . .

(Смотрит на свое золото.)

Кажется, не много,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!
Тут есть дублон старинный. . . вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях, воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.
А этот? этот мне принес Тибо —
Где было взять ему, ленивцу, плуту?
Украл, конечно; или, может быть,
Там на большой дороге, ночью, в роще. . .
Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за всё, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных. Но пора.

(Хочет отпереть сундук.)

Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и трепет.
Не страх (о нет! кого бояться мне?
При мне мой меч: за золото отвечает
Честной булат), но сердце мне теснит
Какое-то неведомое чувство. . .

Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

(Отпирает сундук.)

Вот мое блаженство!

(Всыпает деньги.)

Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека.
Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небесах. . .
Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блещущие груди.

*(Зажигает свечи и отпирает сундуки
один за другим.)*

Я царствую! . . . Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!
Я царствую. . . но кто вослед за мной
Приимет власть над нею? Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды .
С толпой ласкателей, придворных жадных.
Украв ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отперет.
И потекут соковища мои
В атласные дыравые карманы.
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит —
Он расточит. . . А по какому праву?
Мне разве даром это всё досталось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костями да груди загребает?
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,

Дневных забот, ночей бессонных мне
Всё это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают? . .
Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел.
О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Придти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить как ныне! . .

СЦЕНА III

Во дворце.

Альбер, Герцог.

Альбер

Поверьте, государь, терпел я долго
Стыд горькой бедности. Когда б не крайность,
Вы б жалобы моей не услышали.

Герцог

Я верю, верю: благородный рыцарь,
Таков, как вы, отца не обвинит
Без крайности. Таких развратных мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовещу наедине, без шума.
Я жду его. Давно мы не видались.
Он был друг деду моему. Я помню,
Когда я был еще ребенком, он
Меня сажал на своего коня
И покрывал своим тяжелым шлемом
Как будто колоколом.

(Смотрит в окно.)

Это кто?

Не он ли?

Альбер

Так, он, государь.

Герцог

Подите ж

В ту комнату. Я кликну вас.

Альбер уходит; входит барон.

Барон,

Я рад вас видеть бодрым и здоровым.

Барон

Я счастлив, государь, что в силах был
По приказанью вашему явиться.

Герцог

Давно, барон, давно расстались мы.
Вы помните меня?

Барон

Я, государь?

Я как теперь вас вижу. О, вы были
Ребенок резвый. — Мне покойный герцог
Говаривал: Филипп (он звал меня
Всегда Филиппом), что ты скажешь? а?
Лет через двадцать, право, ты да я,
Мы будем глупы перед этим малым...
Пред вами, то есть...

Герцог

Мы теперь знакомство

Возобновим. Вы двор забыли мой.

Барон

Стар, государь, я нынче: при дворе
Что делать мне? Вы молоды; вам любы
Турниры, праздники. А я на них
Уж не гожусь. Бог даст войну, так я
Готов, кряхтя, взлезть снова на коня;
Еще достанет силы старый меч
За вас рукой дрожащей обнажить.

Герцог

Барон, усердье ваше нам известно;
Вы деду были другом; мой отец
Вас уважал. И я всегда считал
Вас верным, храбрым рыцарем — но сядем.
У вас, барон, есть дети?

Барон

Сын один.

Герцог

Зачем его я при себе не вижу?
Вам двор наскучил, но ему прилично
В его летах и званьи быть при нас.

Барон

Мой сын не любит шумной, светской жизни;
Он дикого и сумрачного нрава —
Вкруг замка по лесам он вечно бродит,
Как молодой олень.

Герцог

Нехорошо

Ему дичиться. Мы тотчас приучим
Его к весельям, к балам и турнирам.
Пришлите мне его; назначьте сыну
Приличное по званью содержание. . .
Вы хмуритесь, устали вы с дороги,
Быть может?

Барон

Государь, я не устал;

Но вы меня смутили. Перед вами
Я б не хотел сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сыне
То, что желал от вас бы утаить.
Он, государь, к несчастью, недостоин
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Он молодость свою проводит в буйстве,
В пороках низких. . .

Герцог

Это потому,

Барон, что он один. Уединенье
И праздность губят молодых людей.
Пришлите к нам его: он позабудет
Привычки, зарожденные в глуши.

Барон

Простите мне, но, право, государь,
Я согласиться не могу на это.

Герцог

Но почему ж?

Барон

Увольте старика...

Герцог

Я требую: откройте мне причину
Отказа вашего.

Барон

На сына я

Сердит.

Герцог

За что?

Барон

За злое преступленье.

Герцог

А в чем оно, скажите, состоит?

Барон

Увольте, герцог...

Герцог

Это очень странно,
Или вам стыдно за него?

Барон

Да... стыдно...

Герцог

Но что же сделал он?

Барон

Он... он меня
Хотел убить.

Герцог
Убить! так я суду
Его предам, как черного злодея.

Барон
Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждет он моей,
Хоть знаю то, что покушался он
Меня. . .

Герцог
Что?

Барон
Обокрасть.
Альбер бросается в комнату.

Альбер
Барон, вы лжете.

Герцог (*сыну*)
Как смели вы? . .

Барон
Ты здесь! ты, ты мне смел! . .
Ты мог отцу такое слово молвить! . .
Я лгу! и перед нашим государем! . .
Мне, мне. . . иль уж не рыцарь я?

Альбер
Вы лжец.

Барон
И гром еще не грянул, боже правый!
Так подыми ж, и меч нас рассуди!
(*Бросает перчатку, сын поспешно ее подымает.*)

Альбер
Благодарю. Вот первый дар отца.

Герцог
Что видел я? что было предо мною?
Сын принял вызов старого отца!

В какие дни надел я на себя
Цепь герцогов! Молчите: ты, безумец,
И ты, тигренок! полно.

(Сыну.)

Бросьте это;
Отдайте мне перчатку эту
(отымает ее).

Альбер (*a parte*)*
Жаль.

Герцог

Так и впился в нее когтями! — изверг!
Подите: на глаза мои не смейте
Являться до тех пор, пока я сам
Не призову вас.

(Альбер выходит.)

Вы, старик несчастный,
Не стыдно ль вам...

Барон

Простите, государь...
Стоять я не могу... мои колени
Слабеют... душно!.. душно!.. Где ключи?
Ключи, ключи мои!..

Герцог

Он умер. Боже!
Ужасный век, ужасные сердца!

* (В сторону). (Латинск.) — Ред.

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

СЦЕНА I

Комната.

С а л ь е р и

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолею
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить; но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять еще о славе.

Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, с легким дымом исчезали.
Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны),
Не бросил ли я всё, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?
Усильным, напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! никогда я зависти не знал,
О, никогда! — ниже, когда Пиччини
Пленить умел слух диких парижан,
Ниже, когда услышал в первый раз
Я Ифигении начальны звуки.
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

Входит Моцарт.

Моцарт

Ага! увидел ты! а мне хотелось
Тебя неожиданой шуткой угостить.

Сальери

Ты здесь! — Давно ль?

Моцарт

Сейчас. Я шел к тебе,
Нес кое-что тебе я показать;
Но, проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрипку... Нет, мой друг Сальери!
Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал... Слепой скрипач в трактире
Разыгрывал *voi che sapete*. * Чудо!
Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!

Входит слепой старик со скрипкой.

Из Моцарта нам что-нибудь.

Старик играет арию из Дон-Жуана;
Моцарт хохочет.

Сальери

И ты смеяться можешь?

Моцарт

Ах, Сальери!
Ужель и сам ты не смеешься?

Сальери

Нет.

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.
Пошел, старик.

* О вы, кому известно... (Итал.) — *Ред.*

Моцарт
Постой же: вот тебе,
Пей за мое здоровье.
Старик уходит.

Ты, Сальери,
Не в духе нынче. Я приду к тебе
В другое время.

Сальери
Что ты мне принес?

Моцарт
Нет — так; безделицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две, три мысли.
Сегодня их я набросал. Хотелось
Твое мне слышать мненье; но теперь
Тебе не до меня.

Сальери
Ах, Моцарт, Моцарт!
Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.

Моцарт (*за фортепиано*)
Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом — хоть с тобой, —
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак иль что-нибудь такое...
Ну, слушай же.

(*Играет.*)

Сальери
Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! — Боже!
Ты, Моцарт, недостойн сам себя.

Моцарт
Что ж, хорошо?

С а л ь е р и

Какая глубина!

Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

М о ц а р т

Ба! право? может быть...
Но божество мое проголодалось.

С а л ь е р и

Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.

М о ц а р т

Пожалуй;

Я рад. Но дай, схожу домой, сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.

(Уходит.)

С а л ь е р и

Жду тебя; смотри ж.

Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить — не то, мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше.

Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою —

И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой
И никогда на шопот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Всё медлил я.
Как жажда смерти мучила меня,
Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принесет незапные дары;
Быть может, посетит меня восторг
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое — и наслажуся им. . .
Как пировал я с гостем ненавистным,
Быть может, мнил я, злейшего врага
Найду; быть может, злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты —
Тогда не пропадешь ты, дар Изоры.
И я был прав! и наконец нашел
Я моего врага, и новый Гайден
Меня восторгом дивно упоил!
Теперь — пора! Заветный дар любви,
Переходи сегодня в чашу дружбы.

СЦЕНА II

Особая комната в трактире; фортепиано.
Моцарт и Сальери за столом.

Сальери

Что ты сегодня пасмурен?

Моцарт

Я? Нет!

Сальери

Ты, верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?
Обед хороший, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

Моцарт

Признаться,
Мой Requiem меня тревожит.

Сальери

А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцарт

Давно, недели три. Но странный случай...
Не сказывал тебе я?

Сальери

Нет.

Моцарт

Так слушай.

Недели три тому, пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего — не знаю,
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? Назавтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать — и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Но между тем я...

Сальери

Что?

Моцарт

Мне совестно признаться в этом...

Сальери

В чем же?

Моцарт

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третей
Сидит.

Сальери

И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти „Женитьбу Фигаро“».

Моцарт

Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него «Тарара» сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я всё твержу его, когда я счастлив...
Ла-ла-ла-ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?

Сальери

Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.

Моцарт

Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство —
Две вещи несовместные. Не правда ль?

Сальери

Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта.)

Ну, пей же.

Моцарт

За твое
Здоровье, друг, за искренний союз,
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии.

(Пьет.)

Сальери

Постой,
Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?

Моцарт *(бросает
салфетку на стол.)*

Довольно, сыт я.

(Идет к фортепиано.)

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem.

(Играет.)

Ты плачешь?

Сальери

Эти слезы

Впервые лью: и больно и приятно,
Как будто тяжкий совершил я долг,
Как будто нож целебный мне отсек
Страдавший член! Друг Моцарт, эти слезы...
Не замечай их. Продолжай, спеши
Еще наполнить звуками мне душу...

Моцарт

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль? Но я нынче нездоров,
Мне что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же!

Сальери

До свиданья.

(Один.)

Ты заснешь

Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство —
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Leporello. O statua gentilissima
Del gran' Commendatore!..

. . . . Ah, Padrone!

*Don Giovanni **

* Лепорелло. О любезнейшая статуя великого командора!..
Ах, хозяин! (*Дон Жуан*). (Итал.) — *Ред.*

СЦЕНА I

Дон Гуан и Лепорелло.

Дон Гуан .

Дождемся ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Мадрита! скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащом закрыв, а брови шляпой.
Как думаешь? узнать меня нельзя?

Лепорелло

Да! Дон Гуана мудрено признать!
Таких, как он, такая бездна!

Дон Гуан

Шутишь?

Да кто ж меня узнает?

Лепорелло

Первый сторож,
Гитана или пьяный музыкант,
Иль свой же брат, нахальный кавалер,
Со шпагою под мышкой и в плаще.

Дон Гуан

Что за беда, хоть и узнают. Только б
Не встретился мне сам король. А впрочем,
Я никого в Мадрите не боюсь.

Л е п о р е л л о

А завтра же до короля дойдет,
Что Дон Гуан из ссылки самовольно
В Мадрит явился, — что тогда, скажите,
Он с вами сделает?

Д о н Г у а н

Пошлет назад.

Уж верно головы мне не отрубят.
Ведь я не государственный преступник.
Меня он удалил, меня ж любя;
Чтобы меня оставила в покое
Семья убитого. . .

Л е п о р е л л о

Ну то-то же!

Сидели б вы себе спокойно там.

Д о н Г у а н

Слуга покорный! я едва-едва
Не умер там от скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо? . . точный дым.
А женщины? Да я не променяю,
Вот видишь ли, мой глупый Лепорелло,
Последней в Андалузии крестьянки
На первых тамошних красавиц — право.
Они сначала нравились мне
Глазами синими да белизною
Да скромностью — а пуще новизною;
Да, слава богу, скоро догадался —
Увидел я, что с ними грех и знаться —
В них жизни нет, всё куклы восковые;
А наши! . . Но послушай, это место
Знакомо нам; узнал ли ты его?

Л е п о р е л л о

Как не узнать: Антоньев монастырь
Мне памятен. Езжали вы сюда,
А лошадей держал я в этой роще.
Проклятая, признаться, должность. Вы
Приятнее здесь время проводили,
Чем я, поверьте.

Д о н Г у а н (*задумчиво*)

Бедная Инеза!

Ее уж нет! как я любил ее!

Л е п о р е л л о

Инеза! — черноглазую. . . о, помню.

Три месяца ухаживали вы

За ней; насилу-то помог лукавый.

Д о н Г у а н

В июле. . . ночью. Странную приятность

Я находил в ее печальном взоре

И помертвелых губах. Это странно.

Ты, кажется, ее не находил

Красавицей. И точно, мало было

В ней истинно прекрасного. Глаза,

Одни глаза. Да взгляд. . . такого взгляда

Уж никогда я не встречал. А голос

У ней был тих и слаб — как у больной —

Муж у нее был негодяй суровый,

Узнал я поздно. . . Бедная Инеза! . . .

Л е п о р е л л о

Что ж, вслед за ней другие были.

Д о н Г у а н

Правда.

Л е п о р е л л о

А живы будем, будут и другие.

Д о н Г у а н

И то.

Л е п о р е л л о

Теперь которую в Мадрите

Отыскивать мы будем?

Д о н Г у а н

О, Лауру!

Я прямо к ней бегу являться.

Л е п о р е л л о

Дело.

Д о н Г у а н

К ней прямо в дверь — а если кто-нибудь
Уж у нее — прошу в окно прыгнуть.

Л е п о р е л л о

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго нас покойницы тревожат.
Кто к нам идет?

Входит монах.

М о н а х

Сейчас она приедет
Сюда. Кто здесь? не люди ль Доны Анны?

Л е п о р е л л о

Нет, сами по себе мы господа,
Мы здесь гуляем.

Д о н Г у а н

А кого вы ждете?

· М о н а х

Сейчас должна приехать Дона Анна
На мужнину гробницу.

Д о н Г у а н

Дона Анна

Де-Сольва! как! супруга командора
Убитого... не помню кем?

М о н а х

Развратным,
Бессовестным, безбожным Дон Гуаном.

Л е п о р е л л о

Ого! вот как! Молва о Дон Гуане
И в мирный монастырь проникла даже.
Отшельники хвалы ему поют.

М о н а х

Он вам знаком, быть может?

Л е п о р е л л о

Нам? нимало.

А где-то он теперь?

М о н а х

Его здесь нет,

Он в ссылке далеко.

Л е п о р е л л о

И слава богу.

Чем далее, тем лучше. Всех бы их,
Развратников, в один мешок да в море.

Д о н Г у а н

Что, что ты врешь?

Л е п о р е л л о

Молчите: я нарочно...

Д о н Г у а н

Так здесь похоронили командора?

М о н а х

Здесь; памятник жена ему воздвигла
И приезжает каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

Д о н Г у а н

Что за странная вдова?

И недурна?

М о н а х

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны,
Но лгать грешно; не может и угодник
В ее красе чудесной не сознаться.

Д о н Г у а н

Недаром же покойник был ревнив.
Он Дону Анну взаперти держал,
Никто из нас не видывал ее.
Я с нею бы хотел поговорить.

М о н а х

О, Дона Анна никогда с мужчиной
Не говорит.

Д о н Г у а н

А с вами, мой отец?

М о н а х

Со мной иное дело; я монах.
Да вот она.

Входит Дона Анна.

Д о н а А н н а

Отец мой, отоприте.

М о н а х

Сейчас, сеньора; я вас ожидал.
Дона Анна идет за монахом.

Л е п о р е л л о

Что, какова?

Д о н Г у а н

Ее совсем не видно
Под этим вдовьим черным покрывалом,
Чуть узенькую пятку я заметил.

Л е п о р е л л о

Довольно с вас. У вас воображенье
В минуту дорисует остальное;
Оно у нас проворней живописца,
Вам всё равно, с чего бы ни начать,
С бровей ли, с ног ли.

Д о н Г у а н

Слушай, Лепорелло,
Я с нею познакомлюсь.

Л е п о р е л л о

Вот еще!

Куда как нужно! Мужа повалил
Да хочет поглядеть на вдовьи слезы.
Бессовестный!

Д о н Г у а н

Однако уж и смерклось.

Пока луна над нами не взошла
И в светлый сумрак тьмы не обратила,
Войдем в Мадрит.

(Уходит.)

Л е п о р е л л о

Испанский гранд, как вор.

Ждет ночи и луны боится — боже!
Проклятое житье. Да долго ль будет
Мне с ним возиться? Право, сил уж нет.

СЦЕНА II

Комната. Ужин у Лауры.

Первый гость

Клянусь тебе, Лаура, никогда
С таким ты совершенством не играла.
Как роль свою ты верно поняла!

Второй

Как развила ее! с какою силой!

Третий

С каким искусством!

Лаура

Да, мне удавалось
Сегодня каждое движенье, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью.
Слова лились, как будто их рождала
Не память рабская, но сердце...

Первый

Правда.

Да и теперь глаза твои блестят
И щеки разгорелись, не проходит
В тебе восторг. Лаура, не давай
Остыть ему бесплодно; спой, Лаура,
Спой что-нибудь.

Лаура

Подайте мне гитару.

(Поет.)

Все

O brava! brava! * чудно! бесподобно!

Первый

Благодарим, волшебница. Ты сердце
Чаруешь нам. Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь — мелодия. . . взгляни:
Сам Карлос тронут, твой угрюмый гость.

Второй

Какие звуки! сколько в них души!
А чьи слова, Лаура?

Лаура

Дон Гуана.

Дон Карлос

Что? Дон Гуан!

Лаура

Их сочинил когда-то
Мой верный друг, мой ветреный любовник.

Дон Карлос

Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец,
А ты, ты дура.

Лаура

Ты с ума сошел?
Да я сейчас велю тебя зарезать
Моим слугам, хоть ты испанский гранд.

Дон Карлос (встает)

Зови же их.

* Браво, браво. (Итал.) — Ред.

Первый
Лаура, перестань;
Дон Карлос, не сердись. Она забыла...

Лаура
Что? что Гуан на поединке честно
Убил его родного брата? Правда: жаль,
Что не его.

Дон Карлос
Я глуп, что осердился.

Лаура
Ага! сам сознаешься, что ты глуп.
Так помиримся.

Дон Карлос
Виноват, Лаура,
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

Лаура
А виновата ль я, что поминутно
Мне на язык приходит это имя?

Гость
Ну, в знак, что ты совсем уж не сердита,
Лаура, спой еще.

Лаура
Да, на прощанье,
Пора, уж ночь. Но что же я спою?
А, слушайте.

(Поет.)

Все
Прелестно, бесподобно!

Лаура
Прощайте ж, господа.

Гости
Прощай, Лаура.
Выходят. Лаура останавливает Дон Карлоса.

Лаура

Ты, бешеный! останься у меня,
Ты мне понравился; ты Дон Гуана
Напомнил мне, как выбранил меня
И стиснул зубы с скрежетом.

Дон Карлос

Счастливец!

Так ты его любила.

Лаура делает утвердительно знак.

Очень?

Лаура

Очень.

Дон Карлос

И любишь и теперь?

Лаура

В сию минуту?

Нет, не люблю. Мне двух любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

Дон Карлос

Скажи, Лаура,

Который год тебе?

Лаура

Осьмнадцать лет.

Дон Карлос

Ты молода. . . и будешь молода
Еще лет пять или шесть. Вокруг тебя
Еще лет шесть они толпиться будут,
Тебя ласкать, лелеять, и дарить,
И серенадами ночными тешить,
И за тебя друг друга убивать
На перекрестках ночью. Но когда
Пора пройдет, когда твои глаза
Впадут и веки, сморщась, почернеют
И седина в косе твоей мелькнет,
И будут называть тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?

Лаура

Тогда? Зачем
Об этом думать? что за разговор?
Иль у тебя всегда такие мысли?
Приди — открой балкон. Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух, ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной —
И сторожа кричат протяжно: *Ясно!* ..
А далеко, на севере — в Париже —
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует. —
А нам какое дело? слушай, Карлос,
Я требую, чтоб улыбнулся ты. . .
— Ну то-то ж! —

Дон Карлос
Милый демон!
Стучат.

Дон Гуан

Гей! Лаура!

Лаура
Кто там? чей это голос?

Дон Гуан
Отпри. . .

Лаура
Ужели! . . Боже! . .
Отпирает двери, входит Дон Гуан.

Дон Гуан
Здравствуй. . .

Лаура
Дон Гуан! . .
Лаура кидается к нему на шею.

Дон Карлос
Как! Дон Гуан! . .

Д о н Г у а н

Лаура, милый друг! . .

(Целует ее.)

Кто у тебя, моя Лаура?

Д о н К а р л о с

Я,

Дон Карлос.

Д о н Г у а н

Вот нечаянная встреча!

Я завтра весь к твоим услугам.

Д о н К а р л о с

Нет!

Теперь — сейчас.

Л а у р а

Дон Карлос, перестаньте!

Вы не на улице — вы у меня —

Извольте выдти вон.

Д о н К а р л о с (ее не слушая)

Я жду. Ну что ж,

Ведь ты при шпаге.

Д о н Г у а н

Ежели тебе

Не терпится, изволь.

Бьются.

Л а у р а

Ай! Ай! Гуан! . .

Кидается на постелю. Дон Карлос падает.

Д о н Г у а н

Вставай, Лаура, кончено.

Л а у р а

Что там?

Убит? прекрасно! в комнате моей!

Что делать мне теперь, повеса, дьявол?

Куда я выброшу его?

Дон Гуан

Быть может,

Он жив еще.

Лаура (*осматривает тело*)

Да! жив! гляди, проклятый,
Ты прямо в сердце ткнул — небось, не мимо,
И кровь нейдет из треугольной ранки,
А уж не дышит — каково?

Дон Гуан

Что делать?

Он сам того хотел.

Лаура

Эх, Дон Гуан,
Досадно, право. Вечные проказы —
А всё не виноват... Откуда ты?
Давно ли здесь?

Дон Гуан

Я только что приехал,
И то тихонько — я ведь не прощен.

Лаура

И вспомнил тотчас о своей Лауре?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не верю я. Ты мимо шел случайно
И дом увидел.

Дон Гуан

Нет, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою
За городом, в проклятой венте. Я Лауры
Пришел искать в Мадрите.

(*Целует ее.*)

Лаура

Друг ты мой!..
Постой... при мертвом!.. что нам делать с ним?

Д о н Г у а н

Оставь его: перед рассветом, рано,
Я вынесу его под епанчею
И положу на перекрестке.

Л а у р а

Только

Смотри, чтоб не увидели тебя.
Как хорошо ты сделал, что явился
Одной минутой позже! у меня
Твои друзья здесь ужинали. Только
Что вышли вон. Когда б ты их застал!

Д о н Г у а н

Лаура, и давно его ты любишь?

Л а у р а

Кого? ты, видно, бредишь.

Д о н Г у а н

А признайся,

А сколько раз ты изменяла мне
В моем отсутствии?

Л а у р а

А ты, повеса?

Д о н Г у а н

Скажи. . . Нет, после переговоров.

СЦЕНА III

Памятник Командора.

Д о н Г у а н

Всё к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным
Я скрылся здесь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею,
Мне кажется, замечен. До сих пор
Чинились мы друг с другом; но сегодня
Впущуся в разговоры с ней; пора.
С чего начну? «Осмелюсь»... или нет:
«Сеньора»... ба! что в голову придет,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни...
Пора б уж ей приехать. Без нее —
Я думаю — скучает командор.
Каким он здесь представлен исполином!
Какие плечи! что за Геркулес!..
А сам покойник мал был и щедеушен,
Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку
До своего он носу дотянуть.
Когда за Эскурьялом мы сошлись,
Наткнулся мне на шпагу он и замер,
Как на булавке стрекоза — а был
Он горд и смел — и дух имел суровый...
А! вот она.

Входит Дона Анна.

Д о н а А н н а

Опять он здесь. Отец мой,
Я развлекла вас в ваших помышленьях —
Простите.

Д о н Г у а н

Я просить прощенья должен
У вас, сеньора. Может, я мешаю
Печали вашей вольно изливаться.

Д о н а А н н а

Нет, мой отец, печаль моя во мне,
При вас мои моленья могут к небу
Смиренно возноситься. Я прошу
И вас свой голос с ними съединить.

Д о н Г у а н

Мне, мне молиться с вами, Дона Анна!
Я недостойн участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять —
Я только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда, склонившись тихо,
Вы черные волосы на мрамор бледный
Рассыплете — и мнится мне, что тайно
Гробницу эту ангел посетил,
В смущенном сердце я не обретаю
Тогда молений. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастлив, чей хладный мрамор
Согрет ее дыханием небесным
И окроплен любви ее слезами. . .

Д о н а А н н а

Какие речи — странные!

Д о н Г у а н

Сеньора?

Д о н а А н н а

Мне. . . вы забыли.

Д о н Г у а н

Что? что недостойный
Отшельник я? что грешный голос мой
Не должен здесь так громко раздаваться?

Д о н а А н н а

Мне показалось... я не поняла...

Д о н Г у а н

Ах вижу я: вы всё, вы всё узнали!

Д о н а А н н а

Что я узнала?

Д о н Г у а н

Так, я не монах —
У ваших ног прощенья умоляю.

Д о н а А н н а

О боже! встаньте, встаньте... Кто же вы?

Д о н Г у а н

Несчастный, жертва страсти безнадежной.

Д о н а А н н а

О боже мой! и здесь, при этом гробе!
Подите прочь.

Д о н Г у а н

Минуту; Дона Анна,
Одну минуту!

Д о н а А н н а

Если кто взойдет!..

Д о н Г у а н

Решетка заперта. Одну минуту!

Д о н а А н н а

Ну? что? чего вы требуете?

Д о н Г у а н

Смерти.

О пусть умру сейчас у ваших ног,
Пусть бедный прах мой здесь же похоронят,
Не подле праха, милого для вас,
Не тут — не близко — дале где-нибудь,
Там — у дверей — у самого порога,
Чтоб камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб
Пойдете кудри наклонять и плакать.

Д о н а А н н а

Вы не в своем уме.

Д о н Г у а н

Или желать

Кончины, Дона Анна, знак безумства?
Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце;
Когда б я был безумец, я бы ночи
Стал провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами ваш сон,
Не стал бы я скрываться, я, напротив,
Старался быть везде б замечен вами;
Когда б я был безумец, я б не стал
Страдать в безмолвии...

Д о н а А н н а

И так-то вы

Молчите?

Д о н Г у а н

Случай, Дона Анна, случай
Увлек меня — не то вы б никогда
Моей печальной тайны не узнали.

Д о н а А н н а

И любите давно уж вы меня?

Д о н Г у а н

Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И понял я, что значит слово счастье.

Д о н а А н н а

Подите прочь — вы человек опасный.

Д о н Г у а н

Опасный! чем?

Д о н а А н н а

Я слушать вас боюсь.

Д о н Г у а н

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому ваш вид одна отрада.
Я не питаю дерзостных надежд,
Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден.

Д о н а А н н а

Подите — здесь не место
Таким речам, таким безумствам. Завтра
Ко мне придите. Если вы клянетесь
Хранить ко мне такое ж уваженье,
Я вас приму; но вечером, позднее, —
Я никого не вижу с той поры,
Как овдовела...

Д о н Г у а н

Ангел Дона Анна!

Утешь вас бог, как сами вы сегодня
Утешили несчастного страдальца.

Д о н а А н н а

Подите ж прочь.

Д о н Г у а н

Еще одну минуту.

Д о н а А н н а

Нет, видно мне уйти... к тому ж моленье
Мне в ум нейдет. Вы развлекли меня
Речами светскими; от них уж ухо
Мое давно, давно отвыкло — завтра
Я вас приму.

Д о н Г у а н

Еще не смею верить,
Не смею счастью моему предаться...
Я завтра вас увижу! — и не здесь
И не украдкою!

Д о н а А н н а

Да, завтра, завтра.
Как вас зовут?

Д о н Г у а н

Диего де Кальвадо.

Д о н а А н н а

Прощайте, Дон Диего.

(Уходит.)

Д о н Г у а н

Лепорелло!

Лепорелло входит.

Л е п о р е л л о

Что вам угодно?

Д о н Г у а н

Милый Лепорелло!

Я счастлив!.. «Завтра — вечером, позднее...»
Мой Лепорелло, завтра — приготовь...
Я счастлив, как ребенок!

Л е п о р е л л о

С Доной Анной

Вы говорили? может быть, она
Сказала вам два ласкового слова
Или ее благословили вы.

Д о н . Г у а н
Нет, Лепорелло, нет! она свиданье,
Свиданье мне назначила!

Л е п о р е л л о
Неужто!
О вдовы, все вы таковы.

Д о н Г у а н
Я счастлив!
Я петь готов, я рад весь мир обнять.

Л е п о р е л л о
А командор? что скажет он об этом?

Д о н Г у а н
Ты думаешь, он станет ревновать?
Уж верно нет; он человек разумный
И верно присмирел с тех пор, как умер.

Л е п о р е л л о
Нет; посмотрите на его статую.

Д о н Г у а н
Что ж?

Л е п о р е л л о
Кажется, на вас она глядит
И сердится.

Д о н Г у а н
Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мне —
Нет, не ко мне — а к Доне Анне, завтра.

Л е п о р е л л о
Статую в гости звать! зачем?

Д о н Г у а н
Уж верно
Не для того, чтоб с нею говорить.

Проси статую завтра к Доне Анне
Придти попозже вечером и стать
У двери на часах.

Лепорелло
Охота вам
Шутить, и с кем!

Дон Гуан
Ступай же.

Лепорелло
Но...

Дон Гуан
Ступай.

Лепорелло
Преславная, прекрасная статуя!
Мой барин Дон Гуан покорно просит
Пожаловать... Ей-богу, не могу,
Мне страшно.

Дон Гуан
Трус! вот я тебя!..

Лепорелло
Позвольте.
Мой барин Дон Гуан вас просит завтра
Придти попозже в дом супруги вашей
И стать у двери...

Статуя кивает головой в знак согласия.

Ай!

Дон Гуан
Что там?

Лепорелло
Ай, ай!..
Ай, ай... Умру!

Дон Гуан
Что случилось с тобою?

Лепорелло (*кивая головой*)
Статуя... ай!..

Дон Гуан
Ты кланяешься!

Лепорелло

Нет,

Не я, она!

Дон Гуан
Какой ты вздор несешь!

Лепорелло

Подите сами.

Дон Гуан
Ну смотри ж, бездельник.
(*Статую.*)

Я, командор, прошу тебя придти
К твоей вдове, где завтра буду я,
И стать на стороже в дверях. Что? будешь?
Статуя кивает опять.

О боже!

Лепорелло
Что? я говорил...

Дон Гуан

Уйдем.

СЦЕНА IV

Комната Доны Анны.

Дон Гуан и Дона Анна.

Дона Анна

Я приняла вас, Дон Диего; только
Боюсь, моя печальная беседа
Скучна вам будет: бедная вдова,
Всё помню я свою потерю. Слезы
С улыбкою мешаю, как апрель.
Что ж вы молчите?

Дон Гуан

Наслаждаюсь молча,
Глубоко мыслью быть наедине
С прелестной Доной Анной. Здесь — не там,
Не при гробнице мертвого счастливец,
И вижу вас уже не на коленях
Пред мраморным супругом.

Дона Анна

Дон Диего,
Так вы ревнивы — муж мой и во гробе
Вас мучит?

Дон Гуан

Я не должен ревновать.
Он вами выбран был.

Д о н а А н н а

Нет, мать моя
Велела мне дать руку Дон Альвару,
Мы были бедны, Дон Альвар богат.

Д о н Г у а н

Счастливец! он сокровища пустые
Принес к ногам богини, вот за что
Вкусил он райское блаженство! Если б
Я прежде вас узнал — с каким восторгом
Мой сан, мои богатства, всё бы отдал,
Всё за единый благосклонный взгляд;
Я был бы раб священной вашей воли,
Все ваши прихоти я б изучал,
Чтоб их предупредить; чтоб ваша жизнь
Была одним волшебством беспрерывным.
Увы! — Судьба судила мне иное.

Д о н а А н н а

Диего, перестаньте: я грешу,
Вас слушая — мне вас любить нельзя,
Вдова должна и гробу быть верна.
Когда бы знали вы, как Дон Альвар
Меня любил! О, Дон Альвар уж верно
Не принял бы к себе влюбленной дамы,
Когда б он овдовел, — он был бы верн
Супружеской любви.

Д о н Г у а н

Не мучьте сердца
Мне, Дона Анна, вечным поминаньем
Супруга. Полно вам меня казнить,
Хоть казнь я заслужил, быть может.

Д о н а А н н а

Чем же?

Вы узами не связаны святыми
Ни с кем, — не правда ль? Полюбив меня,
Вы предо мной и перед небом правы.

Д о н Г у а н

Пред вами! Боже!

Д о н а А н н а

Разве вы виновны
Передо мной? Скажите, в чем же.

Д о н Г у а н

Нет!

Нет, никогда.

Д о н а А н н а

Диего, что такое?
Вы предо мной неправы? в чем, скажите.

Д о н Г у а н

Нет! ни за что!

Д о н а А н н а

Диего, это странно:
Я вас прошу, я требую.

Д о н Г у а н

Нет, нет.

Д о н а А н н а

А! Так-то вы моей послушны воле!
А что сейчас вы говорили мне?
Что вы б рабом моим желали быть.
Я рассержусь, Диего: отвечайте,
В чем предо мной виновны вы?

Д о н Г у а н

Не смею.

Вы ненавидеть станете меня.

Д о н а А н н а

Нет, нет. Я вас заранее прощаю,
Но знать желаю...

Д о н Г у а н

Не желайте знать
Ужасную, убийственную тайну.

Д о н а А н н а

Ужасную! вы мучите меня.
Я страх как любопытна — что такое?
И как меня могли вы оскорбить?
Я вас не знала. У меня врагов
И нет и не было. Убийца мужа
Один и есть.

Д о н Г у а н (*про себя*)

Идет к развязке дело!
Скажите мне: несчастный Дон Гуан
Вам незнаком?

Д о н а А н н а

Нет, отроду его
Я не видала.

Д о н Г у а н

Вы в душе к нему
Питаете вражду?

Д о н а А н н а

По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
От моего вопроса, Дон Диго, —
Я требую...

Д о н Г у а н

Что, если б Дон Гуана
Вы встретили?

Д о н а А н н а

Тогда бы я злодею
Кинжал вонзила в сердце.

Д о н Г у а н

Дона Анна,
Где твой кинжал? вот грудь моя.

Д о н а А н н а

Что вы? Диго!

Дон Гуан
Я не Диего, я Гуан.

Дона Анна
О боже! нет, не может быть, не верю.

Дон Гуан
Я Дон Гуан.

Дона Анна
Неправда.

Дон Гуан
Я убил
Супруга твоего; и не жалею
О том — и нет раскаянья во мне.

Дона Анна
Что слышу я? Нет, нет, не может быть.

Дон Гуан
Я Дон Гуан и я тебя люблю.

Дона Анна (*падая*)
Где я? . . . где я? мне дурно, дурно.

Дон Гуан
Небо!
Что с нею? что с тобою, Дона Анна?
Встань, встань, проснись, опомнись: твой Диего,
Твой раб у ног твоих.

Дона Анна
Оставь меня!
(*Слабо.*)
О, ты мне враг — ты отнял у меня
Всё, что я в жизни. . .

Дон Гуан
Милое созданье!
Я всем готов удар мой искупить,
У ног твоих жду только приказанья,

Вели — умру; вели — дышать я буду
Лишь для тебя...

Д о н а А н н а

Так это Дон Гуан...

Д о н Г у а н

Не правда ли, он был описан вам
Злодеем, извергом. — О, Дона Анна, —
Молва, быть может, не совсем неправа,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготее. Так, разврата
Я долго был покорный ученик,
Но с той поры, как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас полюбя, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.

Д о н а А н н а

О, Дон Гуан красноречив — я знаю,
Слыхала я; он хитрый искуситель.
Вы, говорят, безбожный развратитель,
Вы суший демон. Сколько бедных женщин
Вы погубили?

Д о н Г у а н

Ни одной доньне
Из них я не любил.

Д о н а А н н а

И я поверю,
Чтоб Дон Гуан влюбился в первый раз,
Чтоб не искал во мне он жертвы новой!

Д о н Г у а н

Когда б я вас обманывать хотел,
Признался ль я, сказал ли я то имя,
Которого не можете вы слышать?
Где ж видно тут обдуманность, коварство?

Д о н а А н н а

Кто знает вас? — Но как могли придти
Сюда вы; здесь узнать могли бы вас,
И ваша смерть была бы неизбежна.

Д о н Г у а н

Что значит смерть? за сладкий миг свиданья
Безропотно отдам я жизнь.

Д о н а А н н а

Но как же
Отсюда выдти вам, неосторожный!

Д о н Г у а н (*целуя ей руки*)

И вы о жизни бедного Гуана
Заботитесь! Так ненависти нет
В душе твоей небесной, Дона Анна?

Д о н а А н н а

Ах если б вас могла я ненавидеть!
Однако ж надобно расстаться нам.

Д о н Г у а н

Когда ж опять увидимся?

Д о н а А н н а

Не знаю.
Когда-нибудь.

Д о н Г у а н

А завтра?

Д о н а А н н а

Где же?

Д о н Г у а н

Здесь.

Д о н а А н н а

О Дон Гуан, как сердцем я слаба...

Д о н Г у а н

В залог прощенья мирный поцелуй...

Дона Анна

Пора, поди.

Дон Гуан
Один, холодный, мирный...

Дона Анна
Какой ты неотвязчивый! на, вот он.
Что там за стук? .. о скройся, Дон Гуан.

Дон Гуан
Прощай же, до свиданья, друг мой милый.
(Уходит и вбегает опять.)
А!..

Дона Анна
Что с тобой? А!..
Входит статуя командора
Дона Анна падает.

Статуя
Я на зов явился..

Дон Гуан
О боже! Дона Анна!

Статуя
Брось ее,
Всё кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан.

Дон Гуан
Я? нет. Я звал тебя и рад, что вижу.

Статуя
Дай руку:

Дон Гуан
Вот она... о, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти — пусти мне руку...
Я гибну — кончено — о Дона Анна!
Проваливаются,

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

*(Отрывок из Вильсоновой трагедии:
The city of the plague*)*

* Чумный город. (Англ.) — Ред.

Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих мужчин
и женщин.

Молодой человек

Почтенный председатель! я напому
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечанья,
Столь едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостя наша, насылает
На самые блестящие умы.
Тому два дня наш общий хохот славил
Его рассказы; невозможно быть,
Чтоб мы в своем веселом пированьи
Забыли Джексона. Его здесь кресла
Стоят пустые, будто ожидая
Весельчака,— но он ушел уже
В холодные подземные жилища. . .
Хотя красноречивейший язык
Не умолкал еще во прахе гроба,
Но много нас еще живых, и нам
Причины нет печалиться. Итак,
Я предлагаю выпить в его память
С веселым звоном рюмок, с восклицаньем,
Как будто б был он жив.

Председатель

Он выбыл первый
Из круга нашего. Пускай в молчаньи
Мы выпьем в честь его.

Молодой человек

Да будет так.

Все пьют молча.

Председатель

Твой голос, милая, выводит звуки
Родимых песен с диким совершенством;
Спой, Мери, нам уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Безумнее, как тот, кто от земли
Был отлучен каким-нибудь виденьем.

Мери (поет)

Было время, процветала
В мире наша сторона;
В воскресение бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, —
Тихо всё. Одно кладбище
Не пустеет, не молчит.

Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их.
Поминутно места надо.
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой.

Если ранняя могила
Суждена моей весне —

Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне, —
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей;
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.

И потом оставь селенье,
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

Председатель

Благодарим, задумчивая Мери,
Благодарим за жалобную песню.
В дни прежние чума такая ж, видно,
Холмы и доли ваши посетила,
И раздавались жалкие стенанья
По берегам потоков и ручьев,
Бегущих ныне весело и мирно
Сквозь дикий рай твоей земли родной;
И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв,
Едва оставил память о себе
В какой-нибудь простой пастушьей песне,
Унылой и приятной. . . Нет, ничто
Так не печалит нас среди веселий,
Как томный, сердцем повторенный звук.

Мери

О, если б никогда я не певала
Вне хижины родителей моих!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себе я, кажется, внимаю,
Поюшей у родимого порога. —
Мой голос слаще был в то время; он
Был голосом невинности.

Луиза

Не в моде

Теперь такие песни. Но всё ж есть
Еще простые души: рады таять
От женских слез и слепо верят им.
Она уверена, что взор слезливый
Ее неотразим — а если б то же
О смехе думала своим, то верно
Всё б улыбалась. Вальсингам хвалил
Крикливых северных красавиц: вот
Она и расстоналась. Ненавижу
Волос шотландских этих желтину.

Председатель

Послушайте: я слышу стук колес.

Едет телега, наполненная мертвыми телами.
Негр управляет ею.

Ага! Луизе дурно; в ней, я думал,
По языку судя, мужское сердце.
Но так-то — нежного слабей жестокий,
И страх живет в душе, страстями томимой.
Брось, Мери, ей воды в лицо. Ей лучше.

Мери

Сестра моей печали и позора,
Приляг на грудь мою.

Луиза (приходя в чувство)

Ужасный демон

Приснился мне: весь черный, белоглазый...
Он звал меня в свою тележку. В ней
Лежали мертвые — и лепетали
Ужасную, неведомую речь...
Скажите мне: во сне ли это было?
Проехала ль телега?

Молодой человек

Ну, Луиза,

Развеселись — хоть улица вся наша
Безмолвное убежище от смерти,

Приют пиров, ничем невозмутимых,
Но знаешь, эта черная телега
Имеет право всюду разъезжать.
Мы пропускать ее должны. Послушай
Ты, Вальсингам: для пресечения споров
И следствий женских обмороков, спой
Нам песню, вольную, живую песню,
Не грустную шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую песнь,
Рожденную за чашею кипящей.

П р е д с е д а т е л ь

Такой не знаю, но спою вам гимн
Я в честь чумы, — я написал его
Прошедшей ночью, как расстались мы.
Мне странная нашла охота к рифмам
Впервые в жизни. Слушайте ж меня:
Охрипый голос мой приличен песне.

М н о г и е

Гимн в честь чумы! слушаем его.
Гимн в честь чумы! прекрасно! bravo, bravo!

П р е д с е д а т е л ь (поет)

Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, —
Навстречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой.
Что делать нам? и чем помочь?

Как от проказницы Зимы,
Запремся также от Чумы,
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Итак, — хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье.
Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье, —
Быть может... полное Чумы.

Входит старый священник.

С в я щ е н н и к

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной!
Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц молюсь я на кладбище,
А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов — и землю
Над мертвыми телами потрясают.
Когда бы стариков и жен моленья

Не освятили общей смертной ямы, —
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

Несколько голосов
Он мастерски об аде говорит.
Ступай, старик! ступай своей дорогой.

Священник
Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души.
Ступайте по своим домам.

Председатель
Домá
У нас печальны — юность любит радость.

Священник
Ты ль это, Вальсингам? ты ль самый тот,
Кто три тому недели на коленях
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над ее могилой?
Иль думаешь, она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына,
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких вздыханий?
Ступай за мной!

Председатель
Зачем приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не должен
Я за тобой идти. Я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознаньем беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю, —
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,

И ласками (прости меня, господь)
Погибшего, но милого созданья. . .
Тень матери не вызовет меня
Отселе, — поздно, слышу голос твой,
Меня зовущий, — признаю усилья
Меня спасти. . . старик, иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдет.

Многие

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошел! пошел!

Священник

Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель (*встает*)

Клянись же мне, с поднятой к небесам
Увядшей, бледною рукой, — оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!
О, если б от очей ее бессмертных
Скрыть это зрелище! Меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным —
И знала рай в объятиях моих. . .
Где я? Святое чадо света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не достигнет уже. . .

Женский голос

Он сумасшедший, —
Он бредит о жене похороненной.

Священник

Пойдем, пойдем. . .

Председатель

Отец мой, ради бога,
Оставь меня.

Священник

Спаси тебя господь.
Прости, мой сын.

Уходит. Пир продолжается.
Председатель остается погружен в глубокую задумчивость.

*** РУСАЛКА**

БЕРЕГ ДНЕПРА. МЕЛЬНИЦА

Мельник, дочь его.

Мельник

Ох, то-то все вы, девки молодые,
Все глупы вы. Уж если подвернулся
К вам человек завидный, не простой,
Так должно вам его себе упрочить.
А чем? разумным, честным поведением;
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь обиняком
О свадьбе заговаривать, — а пуще
Беречь свою девическую честь —
Бесценное сокровище; она
Что слово — раз упустишь, не воротишь.
А коли нет на свадьбу уж надежды,
То всё-таки по крайней мере можно
Какой-нибудь барыш себе — или пользу
Родным да выгадать; подумать надо:
«Не вечно ж будет он меня любить
И баловать меня». — Да нет! куда
Вам помышлять о добром деле! кстати ль?
Вы тотчас одуреете; вы рады
Исполнить даром прихоти его;
Готовы целый день висеть на шее
У милого дружка, — а милый друг
Глядь и пропал, и след простыл; а вы
Остались ни с чем. Ох, все вы глупы!

Не говорил ли я тебе сто раз:
Эй, дочь, смотри; не будь такая дура,
Не прозевай ты счастья своего,
Не упускай ты князя, да спроста
Не погуби самой себя. — Что ж вышло? . .
Сиди теперь да вечно плачь о том,
Чего уж не воротить.

Д о ч ь

Почему же
Ты думаешь, что бросил он меня?

М е л ь н и к

Как почему? да сколько раз, бывало,
В неделю он на мельницу ездил?
А? всякий божий день, а иногда
И дважды в день — а там всё реже, реже
Стал приезжать — и вот девятый день
Как не видали мы его. Что скажешь?

Д о ч ь

Он занят; мало ль у него заботы?
Ведь он не мельник — за него не станет
Вода работать. Часто он твердит,
Что всех трудов его труды тяжеле.

М е л ь н и к

Да, верь ему. Когда князя трудятся,
И что их труд? травить лисиц и зайцев,
Да пировать, да обижать соседей,
Да подговаривать вас, бедных дур.
Он сам работает, куда как жалко!
А за меня вода! . . а мне покою
Ни днем, ни ночью нет, а там посмотришь:
То здесь, то там нужна еще починка,
Где гниль, где течь. Вот если б ты у князя
Умела выпросить на перестройку
Хоть несколько деньжонок, было б лучше.

Д о ч ь

Ах!

Мельник

Что такое?

Дочь

Чу! Я слышу топот
Его коня... Он, он!

Мельник

Смотри же, дочь,
Не забывай моих советов, помни...

Дочь

Вот он, вот он!
Входит князь. Конюший уводит его коня.

Князь

Здорово, милый друг.
Здорово, мельник.

Мельник

Милостивый князь,
Добро пожаловать. Давно, давно
Твоих очей мы светлых не видали.
Пойду тебе готовить угощенье.

(Уходит.)

Дочь

Ах, наконец ты вспомнил обо мне!
Не стыдно ли тебе так долго мучить
Меня пустым жестоким ожиданьем?
Чего мне в голову не приходило?
Каким себя я страхом не пугала?
То думала, что конь тебя занес
В болото или пропасть, что медведь
Тебя в лесу дремучем одолел,
Что болен ты, что разлюбил меня —
Но слава богу! жив ты, невредим,
И любишь всё попрежнему меня;
Не правда ли?

Князь

Попрежнему, мой ангел,
Нет, больше прежнего.

Любовница

Однако ты
Печален; что с тобою?

Князь

Я печален?
Тебе так показалось. Нет, я весел
Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она

Нет.

Когда ты весел, издали ко мне
Спешишь и кличешь: где моя голубка,
Что делает она? а там целуешь
И вопрошаешь: рада ль я тебе
И ожидала ли тебя так рано.
А нынче: слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь, не целуешь в очи,
Ты чем-нибудь встревожен, верно. Чем же?
Уж на меня не сердись ли ты?

Князь

От сокола не скрыться вороненку,
От глаз любви душе не утаиться.
Я не хочу притворствовать напрасно.
Ты права: в сердце я ношу печаль
Тяжелую — и ты ее не можешь
Ни ласками любовными рассеять,
Ни облегчить, ни даже разделить.

Она

Но больно мне с тобою не грустить
Одною грустью — тайну мне поведай.
Позволишь — буду плакать; не позволишь —
Ни слезкой я тебе не досажу.

Князь

Зачем мне медлить? чем скорей, тем лучше.
Мой милый друг, ты знаешь, нет на свете
Блаженства прочного: ни знатный род,

Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто беды не может миновать.
И мы, — не правда ли, моя голубка?
Мы были счастливы; по крайней мере
Я счастлив был тобой, твоей любовью.
И что вперед со мною ни случится,
Где б ни был я, всегда я буду помнить
Тебя, мой друг; того, что я теряю,
Ничто на свете мне не заменит.

Она

Я слов твоих еще не понимаю,
Но уж мне страшно. Нам судьба грозит,
Готовит нам неведомое горе,
Разлуку, может быть.

Князь

Ты угадала.
Разлука нам судьбою суждена.

Она

Кто нас разлучит? разве за тобою
Идти вослед я всюду не властна?
Я мальчиком оденусь. Верно буду
Тебе служить, дорогою, в походе
Иль на войне — войны я не боюсь —
Лишь видела б тебя. Нет, нет, не верю.
Иль выведать мои ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь.

Князь

Нет, шутки мне на ум нейдут сегодня,
Выведывать тебя не нужно мне,
Не снаряжаюсь я ни в дальный путь,
Ни на войну. Я дома остаюсь,
Но должен я с тобой навек проститься.

Она

Постой, теперь я понимаю всё...
Ты женишься.

Князь молчит.

Ты женишься!..

Князь

Что делать?

Сама ты рассуди. Князя не вольны,
Как девицы — не по сердцу они
Себе подруг берут, а по расчетам
Иных людей, для выгоды чужой.
Твою печаль утешит бог и время.
Не забывай меня; возьми на память
Повязку — дай, тебе я сам надену.
Еще с собой привез я ожерелье —
Возьми его. Да вот еще: отцу
Я это посулил. Отдай ему.

(Дает ей в руки мешок с золотом.)

Прощай.

Она

Постой; тебе сказать должна я
Не помню что.

Князь

Припомни.

Она

Для тебя

Я всё готова... нет, не то... Постой —
Нельзя, чтобы навеки в самом деле
Меня ты мог покинуть... Всё не то...
Да! вспомнила: сегодня у меня
Ребенок твой под сердцем шевельнулся.

Князь

Несчастная! как быть? хоть для него
Побереги себя; я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Со временем, быть может, сам приеду
Вас навестить. Утешься, не крушися.
Дай обниму тебя в последний раз.

(Уходя)

Ух! кончено — душе как будто легче.
Я бури ждал, но дело обошлось
Довольно тихо.

Уходит. Она остается неподвижною.

Мельник (входит)

Не угодно ль будет
Пожаловать на мельницу. . . Да где ж он?
Скажи, где князь наш? ба, ба, ба! какая
Повязка! вся в камнях дорогих!
Так и горит! и бусы! . . Ну, скажу:
Подарок царский. Ах он благодетель!
А это что? мошонка! уж не деньги ль?
Да что же ты стоишь, не отвечаешь,
Не вымолвишь словечка? али ты
От радости нежданой одурела,
Иль на тебя столбняк нашел?

Дочь

Не верю,
Не может быть. Я так его любила.
Или он зверь? Иль сердце у него
Косматое?

Мельник

О ком ты говоришь?

Дочь

Скажи, родимый, как могла его
Я прогневить? в одну недельку разве
Моя краса пропала? иль его
Отравой опоили?

Мельник

Что с тобою?

Дочь

Родимый, он уехал. Вон он скачет! —
И я, безумная, его пустила,
Я за полы его не уцепилась,
Я не повисла на узде коня!
Пушкой же б он с досады отрубил
Мне руки по локоть, пускай бы тут же
Он растоптал меня своим конем!

Мельник

Ты бредишь!

Дочь

Видишь ли, князя не вольны,
Как девицы, не по сердцу они
Берут жену себе... а вольно им,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: тебя я повезу
В мой светлый терем, в тайную светлицу
И наряжу в парчу и в бархат алый.
Им вольно бедных девушек учить
С полуночи на свист их подыматься
И до зари за мельницей сидеть.
Им любо сердце княжеское тешить
Бедами нашими, а там прощай,
Ступай, голубушка, куда захочешь,
Люби, кого замыслишь.

Мельник

Вот в чем дело.

Дочь

Да кто, скажи, разлучница моя?
Я доберусь — я ей скажу, злодейке:
Отстань от князя, — видишь, две волчихи
Не водятся в одном овраге.

Мельник

Дура!

Уж если князь берет себе невесту,
Кто может помешать ему? Вот то-то.
Не говорил ли я тебе...

Дочь

И мог он
Как добрый человек со мной прощаться,
И мне давать подарки — каково! —
И деньги! выкупить себя он думал,

Он мне хотел язык засеребрить,
Чтоб не прошла о нем худая слава
И не дошла до молодой жены.
Да, бишь, забыла я — тебе отдать
Велел он это серебро, за то,
Что был хорош ты до него, что дочку
За ним пускал таскаться, что ее
Держал не строго. . . Впрок тебе пойдет
Моя погибель.

(Отдает ему мешок.)

Отец *(в слезах)*

До чего я дожил!
Что бог привел услышать! Грех тебе
Так горько упрекать отца родного.
Одно дитя ты у меня на свете,
Одна отрада в старости моей.
Как было мне тебя не баловать?
Бог наказал меня за то, что слабо
Я выполнил отцовский долг.

Дочь

Ох, душно!
Холодная змия мне шею давит. . .
Змеей, змеей опутал он меня,
Не жемчугом.

(Рвет с себя жемчуг.)

Мельник

Опомнись.

Дочь

• Так бы я
Разорвала тебя, змею-злодейку,
Проклятую разлучницу мою!

Мельник

Ты бредишь, право, бредишь.

Д о ч ь (*сымает с себя повязку*)

Вот венец мой,

Венец позорный! вот чем нас венчал

Лукавый враг, когда я отреклася

Ото всего, чем прежде дорожила.

Мы развенчались. — Сгинь ты, мой венец!

(Бросает повязку в Днепр.)

Теперь всё кончено.

(Бросается в реку.)

С т а р и к (*падая*)

Ох, горе, горе!

КНЯЖЕСКИЙ ТЕРЕМ

Свадьба. Молодые сидят за столом.

Гости. Хор девушек.

С в а т

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, князь с княгиней молодой.
Дай бог вам жить в любви да совете,
А нам у вас почаще пировать.
Что ж, красные девицы, вы примолкли?
Что ж, белые лебедушки, притихли?
Али все песенки вы перепели?
Аль горлышки от пенья пересохли?

Х о р

Сватушка, сватушка,
Бестолковый сватушка!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Верее молилися:
Веря ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невесту ехати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся,
В мошне денежка шевелится,
К красным девушкам норовится.

С в а т

Насмешницы, уж выбрали вы песню!
На, на, возьмите, не корите свата.

(Дарит девушкам.)

О д и н г о л о с

По камушкам по желтому песочку
Пробегала быстрая речка,
В быстрой речке гуляют две рыбки,
Две рыбки, две малые плотицы.
А слышала ль ты, рыбка-сестрица,
Про вести-то наши, про речные?
Как вечер у нас красна девица топилась,
Утопая, мила друга проклинала.

С в а т

Красавицы! да это что за песня?
Она, кажись, не свадебная; нет.
Кто выбрал эту песню? а?

Д е в у ш к и

Не я —

Не я — не мы. . .

С в а т

Да кто ж пропел ее?
Шопот и смятение между девушками.

К н я з ь

Я знаю кто.

(Встает из-за стола и говорит тихо конюшему.)

Она сюда прокралась.
Скорее выведи ее. Да сведай,
Кто смел ее впустить.

Конюший подходит к девушкам.

К н я з ь *(садится, про себя)*

Она, пожалуй,
Готова здесь наделать столько шума,
Что со стыда не буду знать, куда
И спрятаться.

К о н ю ш и й
Я не нашел ее.

К н я з ь
Ищи. Она, я знаю, здесь. Она
Пропела эту песню.

Г о с т ь
Ай да мед!
И в голову и в ноги так и бьет —
Жаль, горек: подсластить его б не худо.
Молодые целуются. Слышен слабый крик.

К н я з ь
Она! вот крик ее ревнивый.
(*Конюшему*)
Что?

К о н ю ш и й
Я не нашел ее нигде.

К н я з ь
Дурак.

Д р у ж к о (*вставая*)
Не время ль нам княгиню выдать мужу
Да молодых в дверях осыпать хмелем?
Все встают.

С в а х а
Вестимо, время. Дайте ж петуха.
Молодых кормят жареным петухом, потом осыпают хмелем —
и ведут в спальню.

С в а х а
Княгиня душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.
Молодые уходят в спальню, гости все расходятся, кроме свахи
и дружка.

Д р у ж к о
Где чарочка? Всю ночь
Под окнами я буду разъезжать,
Так укрепиться мне вином не худо.

С в а х а (*наливает ему чарку*)
На, кушай на здоровье.

Д р у ж к о
Ух! спасибо.
Всё хорошо, не правда ль, обошлось,
И свадьба хоть куда.

С в а х а
Да, слава богу,
Всё хорошо, — одно не хорошо.

Д р у ж к о
А что?

С в а х а
Да не к добру пропели песню
Не свадебную, а бог весть какую.

Д р у ж к о
Уж эти девушки — никак нельзя им
Не попроказать. Статочно ли дело
Мутить нарочно княжескую свадьбу.
Пойти-ка мне садиться на коня.
Прощай, кума.

(*Уходит.*)

С в а х а
Ох, сердце не на месте!
Не в пору сладили мы эту свадьбу.

СВЕТЛИЦА

Княгиня и мамка.

Княгиня

Чу — кажется, трубят; нет, он не едет.
Ах, мамушка, как был он женихом,
Он от меня на шаг не отлучался,
С меня очей бывало не сводил.
Женился он, и всё пошло не так.
Теперь меня ранешенько разбудит
И уж велит себе коня седлать;
Да до ночи бог ведает где ездит;
Воротится, чуть ласковое слово
Промолвит мне, чуть ласковой рукой
По белому лицу меня потреплет.

Мамка

Княгинюшка, мужчина что петух:
Кири-куку! мах-мах крылом и прочь.
А женщина что бедная наседка:
Сиди себе да выводи цыплят.
Пока жених — уж он не насидится;
Ни пьет, ни ест, глядит не наглядится.
Женился — и заботы настают.
То надобно соседей навестить,
То на охоту ехать с соколами,
То на войну нелегкая несет,
Туда, сюда — а дома не сидится.

Княгиня

Как думаешь? уж нет ли у него
Зазнобы тайной?

М а м к а

Полно, не грехи:
Да на кого тебя он променяет?
Ты всем взяла: красою ненаглядной,
Обычаем и разумом. Подумай:
Ну в ком ему найти, как не в тебе,
Сокровища такого?

К н я г и н я

Когда б услышал бог мои молитвы
И мне послал детей. К себе тогда б
Умела вновь я мужа привязать. . .
А! полон двор охотниками. Муж
Домой приехал. Что ж его не видно?

Входит ловчий.

Что князь, где он?

Л о в ч и й

Князь приказал домой

Отъехать нам.

К н я г и н я

А где он сам?

Л о в ч и й

Остался

Один в лесу на берегу Днепра.

К н я г и н я

И князя вы осмелились оставить
Там одного; усердные вы слуги!
Сейчас назад, сейчас к нему скачите!
Сказать ему, что я прислала вас.

Ловчий уходит.

Ах боже мой! в лесу ночной порою
И дикий зверь, и лютый человек,
И леший бродит — долго ль до беды.
Скорей зажги свечу перед иконой.

М а м к а

Бегу, мой свет, бегу. . .

ДНЕПР. НОЧЬ

Р у с а л к и

Веселой толпою
С глубокого дна
Мы ночью всплываем,
Нас греет луна.

Любо нам порой ночью
Дно речное покидать,
Любо вольной головою
Высь речную разрезать,
Подавать друг дружке голос,
Воздух звонкий раздражать
И зеленый, влажный волос
В нем сушить и отряхать.

О д н а

Тише, тише! под кустами
Что-то кроется во мгле.

Д р у г а я

Между месяцем и нами
Кто-то ходит по земле.
Прячутся.

К н я з ь

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —
Вот мельница! Она уж развалилась;

Веселый шум ее колес умолкнул;
Стал жернов — видно, умер и старик.
Дочь бедную оплакал он недолго.
Тропинка тут вилась — она заглохла,
Давно-давно сюда никто не ходит;
Тут садик был с забором — неужели
Разросся он кудрявой этой рощей?
Ах, вот и дуб заветный, здесь она,
Обняв меня, поникла и умолкла. . .
Возможно ли? . .

Идет к деревьям, листья сыплются.

Что это значит? листья,
Поблекнув, вдруг свернулись и с шумом
Посыпались как пепел на меня.
Передо мной стоит он гол и черн,
Как дерево проклятое.

Входит старик, в лохмотьях и полунагой.

Старик

Здорово,

Здорово, зять.

Князь

Кто ты?

Старик

Я здешний ворон.

Князь

Возможно ль? Это мельник.

Старик

Что за мельник!

Я продал мельницу бесам запечным,
А денежки отдал на сохраненье
Русалке, вещей дочери моей.
Они в песку Днепра-реки зарыты,
Их рыбка-одноглазка стережет.

Князь

Несчастный, он помешан. Мысли в нем
Рассеяны как тучи после бури.

С т а р и к

Зачем вечер ты не приехал к нам?
У нас был пир, тебя мы долго ждали.

К н я з ь

Кто ждал меня?

С т а р и к

Кто ждал? вестимо, дочь.
Ты знаешь, я на всё гляжу сквозь пальцы
И волю вам даю: сиди она
С тобою хоть всю ночь, до петухов,
Ни слова не скажу я.

К н я з ь

Бедный мельник!

С т а р и к

Какой я мельник, говорят тебе,
Я ворон, а не мельник. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
В реку, я побежал за нею следом
И с той скалы прыгнуть хотел, да вдруг
Почувствовал, два сильные крыла
Мне выросли внезапно из подмышек
И в воздухе сдержали. С той поры
То здесь, то там летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилке
Сижу да каркаю.

К н я з ь

Какая жалость!

Кто ж за тобою смотрит?

С т а р и к

Да, за мною
Присматривать не худо. Стар я стал
И шаловлив. За мной, спасибо, смотрит
Русалочка.

К н я з ь

Кто?

Старик
Внучка.

Князь

Невозможно
Понять его. Старик, ты здесь в лесу
Иль с голоду умрешь, иль зверь тебя
Заест. Не хочешь ли пойти в мой терем
Со мною жить?

Старик

В твой терем? нет! спасибо!
Заманишь, а потом меня, пожалуй,
Удавишь ожерельем. Здесь я жив,
И сыт, и волен. Не хочу в твой терем.

(Уходит.)

Князь

И этому всё я виною! Страшно
Ума лишиться. Легче умереть.
На мертвеца глядим мы с уваженьем,
Творим о нем молитвы. Смерть равняет
С ним каждого. Но человек, лишенный
Ума, становится не человеком.
Напрасно речь ему дана, не правит
Словами он: в нем брата своего
Зверь узнает, он людям в посмеянье,
Над ним всяк волен, бог его не судит.
Старик несчастный! вид его во мне
Раскаянья все муки растравил!

Ловчий

Вот он. Насилу-то его сыскали!

Князь

Зачем вы здесь?

Ловчий

Княгиня нас послала.
Она боялась за тебя.

Князь

Несносна

Ее заботливость! иль я ребенок,
Что шагу мне ступить нельзя без няньки?
Уходит. Русалки показываются над водой.

Русалки

Что, сестрицы? в поле чистом
Не догнать ли их скорей?
Плеском, хохотом и свистом
Не пугнуть ли их коней?

Поздно. Рощи потемнели,
Холодеет глубина,
Петухи в селе пропели,
Закатилась луна.

Одна

Погодим еще, сестрица.

Другая

Нет, пора, пора, пора.
Ожидает нас царица,
Наша строгая сестра.

Скрываются.

ДНЕПРОВСКОЕ ДНО

Терем русалок.

Русалки прядут около своей царицы.

Старшая русалка

Оставьте пряжу, сестры. Солнце село.
Столбом луна блестит над нами. Полно,
Плывите вверх под небом поиграть,
Да никого не трогайте сегодня,
Ни пешехода щекотать не смейте,
Ни рыбакам их невод отягчать
Травой и тиной, ни ребенка в воду
Заманивать рассказами о рыбаках.

Входит русалочка.

Где ты была?

Дочь

На землю выходила
Я к дедушке. Всѣ просит он меня
Со дна реки собрать ему те деньги,
Которые когда-то в воду к нам
Он побросал. Я долго их искала;
А что такое деньги, я не знаю.
Однако же я вынесла ему
Пригоршню раковинок самоцветных.
Он очень был им рад.

Русалка

Безумный скряга!

Послушай, дочка. Нынче на тебя
Надеюсь я. На берег наш сегодня
Придет мужчина. Стереги его

И выдь ему навстречу. Он нам близок,
Он твой отец.

Д о ч ь

Тот самый, что тебя
Покинул и на женщине женился?

Р у с а л к а

Он сам; к нему нежнее приласкайся
И расскажи всё то, что от меня
Ты знаешь про свое рождение; также
И про меня. И если спросит он,
Забыла ль я его иль нет, скажи,
Что всё его я помню и люблю
И жду к себе. Ты поняла меня?

Д о ч ь

О, поняла.

Р у с а л к а

Ступай же.

(Одна).

С той поры,
Как бросилась без памяти я в воду
Отчаянной и презренной девчонкой
И в глубине Днепра-реки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло семь долгих лет — я каждый день
О мщеньи помышляю...
И ныне, кажется, мой час настал.

БЕРЕГ

Князь

Невольно к этим грустным берегам
Меня влечет неведомая сила.
Всё здесь напоминает мне былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повесть.
Здесь некогда любовь меня встречала,
Свободная, кипящая любовь;
Я счастлив был, безумец! .. и я мог
Так ветрено от счастья отказаться.
Печальные, печальные мечты
Вчерашняя мне встреча оживила.
Отец несчастный! как ужасен он!
Авось опять его сегодня встречу,
И согласится он оставить лес
И к нам переселиться. . .

Русалочка выходит на берег.

Что я вижу!

Откуда ты, прекрасное дитя?

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ

I

*** ВАДИМ**

В а д и м

Я ждал тебя, Рогдай; скажи, какую весть
О нашей родине ты можешь мне принести.
Ты видел Новгород; ты слышал глас народа;
Скажи, Рогдай, — жива ль славянская свобода,
Иль князя чуждого покорные рабы
Решились оправдать гонение судьбы.

Р о г д а й

Вадим, надежда есть, народ нетерпеливый,
Старинной вольности питомец горделивый,
Досадуя, влачит позорный свой ярем;
Как иноземный гость, неведомый никем,
Являлся я в домах, на стогнах и на вече.
Вражду к правительству я зрел на каждой встрече...
Уныние везде, торговли глас утих,
Встревожены умы, таится пламя в них.
Младые граждане кипят и негодуют —
Вадим, они тебя с надеждой именуют...

В а д и м

Безумные! Давно ль они в глазах моих
Встречали с торжеством властителей чужих
И вольные главы под иго преклоняли?
Изгнанию моему давно ль рукоплескали?..
Теперь зовут меня, — а завтра, может, вновь...
Неверна их вражда! неверна их любовь!
Но я не изменю

II

— Скажи, какой судьбой друг другу мы попались?
В одном углу живем, а месяц не видались.
Откуда и куда? — Я шел к тебе, сестра.
Хотелось мне с тобой увидеться. — Пора.
— Ей-богу, занят был. — Да чем? — Делами,
службой.

Я, право, дорожу, сестра, твоею дружбой.
Люблю тебя душой, и рад бы иногда
С тобою посидеть. . . Но, видишь ли, беда,
Ты дома — я в гостях, я дома — ты в карете, —
Никак не съедемся. — Но мы могли бы в свете
Видаться каждый день. — Конечно! я бы мог
Пуститься в свет, как ты. Нет, нет, избави бог!
По счастью, модный круг теперь совсем не в моде.
Ты знаешь ли, мы жить привыкли на свободе.
Не ездим в общества, не знаем наших дам.
Мы их оставили на жертву старикам,
Любезным баловням осьмнадцатого века.
А впрочем, не найдешь живого человека
В отборном обществе. — Хвалиться есть ли чем?
Что тут хорошего? Ну, я прощаю тем,
Которые, пускась в пятнадцать лет на волю,
Привыкли — как же быть? — лишь к пороху да
к полю.

Казармы нравятся им больше наших зал.
Но ты, который ввек в биваках не бывал,
Который не видал походной пыли сроду. . .
Зачем перенимать у них пустую моду?
Какая нужда в том? — В кругу своем они
О дельном говорят, читают Жомини.
— Да ты не читывал с тех пор, как ты родился.
Ты шлафорком одним да трубкою пленился.
Ты жить не можешь там, где должен быть одет,
Где вечно не курят, где только банка нет.

.

III

— Насилу выехать решились из Москвы.
— Здорова ль, душенька? — Здоровы ль, сударь, вы?

— Смешно: ни надписи, ни подписи — кому же? Вдове? не может быть! Ну, кто ж соперник мой? А! верно Сонюшке! смиреннице такой.
Пора ей хлопотать о муже.

— Ну, как живете в подмосковной?
Что Ольга Павловна? — Мы ждали, ждали вас.
Мы думали, ваш жар любовный
Уж и погас. . .

И с бельведера вдаль смотрели беспрестанно,
Не скачет.

Спешить бы слишком было странно —
Я не любовник, а жених.

А что ее сестра? — Ей, кажется, не скучно:
Эльвиров с нею неразлучно.

— Ага. — Вчера был здесь, сегодня ждет его.

— Так точно, от него. — Что с вами? — Ничего.

— Ей-богу, сердце не на месте.

— Пожалуй, милая, вот это письмецо
Тихонько подложи. — Кому? — Моей невесте.

Да, Ольге Павловне — что смотришь мне в лицо?

Не прямо в руки ей, конечно.

Не проболтайся ж, друг сердечный.

— Ей-богу, вас понять нельзя.

Она ведь знает вашу руку:

— Да письмецо писал не я.

— Вот что! . . Вы выдумали штуку!

Хотите испытать невесту? — Как не так!

Мне? ревновать! избави боже.

Я всё же не дитя, а пуще не дурак.

— А что же?

— Браслеты я купил — прикажешь, покажу.

Вот Ольге Павловне обновка.

А знаешь ли, что я тебе скажу:

Дарю ее тебе, прелестная плутовка.

— Помилуйте, да мне — и думать я не смела.

Мне совестно. . . я вся горю.

Покорно вас благодарю.

Я так. . . — Послушай! — улетела.

.

IV
(ИЗ ALFIERI)

Сомненье, страх, порочную надежду
Уже в груди не в силах я хранить;
Неверная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю! . .
Но как же зреть его и не любить.
Нрав пылкий, добрый, гордый, благородный,
Высокий ум, с наружностью прекрасной
Прекрасная душа. . . Зачем природа
И небеса таким тебя создали? . .
Что говорю? Ах! так ли я успею
Из глубины сердечной милый образ
Искоренить? — О, если пламень мой
Подозревать он станет! Перед ним
Всегда печальна я; но избегаю
Я встречи с ним; он знает, что веселье
В Испании запрещено. Кто может
В душе моей читать? Ах, и самой
Не можно мне; и он, как и другие,
Обманется, и станет, как других,
Он убегать меня. . . Увы, мне, бедной!
Другого нет мне в горе утешенья,
Окроме слез, и слезы — преступленье.
Иду к себе: там буду на свободе. . .
Что вижу? Карл! — Уйдем, мне изменить
И речь и взор — всё может: ах, уйдем.

V

* ИЗ КОМЕДИИ К. БОНЖУРА „МУЖ ВОЛОКИТА“

— Она меня зовет: поеду или нет?
Всё слезы, жалобы, упреки. . . мочи нет —
Откланяюсь, пора — она мне надоела.
К тому ж и без нее мне слишком много дела.
Я нынче отыскал за Каменным мостом
Вдову с племянницей; пойду туда пешком
Под видом будто бы невинного гулянья.
Ах! . . матушка идет. . . предвижу увещанья. . .
А, здравствуйте, тапап. . .

— Куда же ты, постой.

Я шла к тебе, мой друг, мне надобно с тобой
О деле говорить...

— Я знал.

— Возьми ж терпенье.

Мой друг, не нравится твое мне поведенье.

— А в чем же?

— Да во всем: во-первых, ты жены

Не видишь никогда — вы как разведены...

Адель всегда одна — всё дома — ты в карете,

На скачке, в опере, на балах, вечно в свете —

Или уже нельзя с женою посидеть?

— Да, право, некогда...

— Ты дома б мог иметь

Обеды, вечера — ты должен бы представить

Жену свою везде... Пора, пора исправить

Привычки прежние. — Нельзя ли сам собой

Отвыкнуть наконец от жизни холостой?

Я сделаю тебе другое замечанье...

· · · · ·

VI

ИЗ ДРАМЫ ШЕКСПИРА „МЕРА ЗА МЕРУ“

Д у к

Вам объяснять правления начала

Излишним было б для меня трудом.

Не нужно вам ничьих советов. Знаньем

Превыше сами вы всего. Мне только

Во всем на вас осталось положиться.

Народный дух, законы, ход правленья

Постигли вы верней, чем кто б то ни был.

Вот вам наказ: желательно б нам было,

Чтоб от него не отшатнулись вы.

Позвать к нам Анджело.

Каков он будет,

По мненью вашему, на нашем месте?

Вы знаете, что нами он назначен

Нас заменять в отсутствии, что мы

И милостью и страхом облекли

Наместника всей нашей власти, что же

Об нем вы мните?

Э с к а л

Если в целой Вене
Сей почести достоин кто-нибудь,
Так это Анджело.

Д у к

Вот он идет.

А н д ж е л о

Послушен вашей милостивой воле,
Спешу принять я ваши приказанья.

Д у к

Анджело, жизнь твоя являет
То, что с тобою совершится впредь.

VII

ОТРЫВКИ СТИХОТВОРНОГО НАЧАЛА „СЦЕН ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН“

I

Ой, горе мне, Мартын, Мартын!
Клянусь, ей-ей, ты мне не сын.
Моя покойница сшалила.
В кого она тебя родила?
Мой прадед был честной бочар,
Он передал свой сыну дар,
Дед то же был, отец был то же,
. прости им боже!
Я то ж, а ты, а ты-то что?

2

Эй, Франц, я говорю тебе в последний раз:
Я больше не хочу терпеть твоих проказ.
Уймись, или потом поплачешь, будь уверен.
— Да что ж я делаю?
— Ты? вовсе ничего,
И в том-то и беда. Ты, кажется, намерен
Хлеб даром есть. . . .

С К А З К И

ЖЕНИХ

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит
И гонит всех, и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! — говорит, —
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова.
И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
Нежданая приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный,

Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?»

Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец; —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не всё косатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет и хохочет.
В смятеньи сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Всё шумно, гости пьяны.

Ж е н и х

«А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу.
Недобрый сон меня крушит».
Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мне снилось, — говорит она, —
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу — молчат. Зову —
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —
Везде серебро да золото,
Всё светло и богато».

Ж е н и х

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на золото,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп,
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшей,
По леву голубица
Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье...»

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;

Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну, это, — говорит жених, —
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?» —
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит бледнея;
Смутились гости. — Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен,
И скоро смертью казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

**СКАЗКА О ПОПЕ
И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ**

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Поп ему в ответ: «Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?»
Балда говорит: «Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу».
Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский авось.
Поп говорит Балде: «Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моем подворье,
Окажи свое усердие и проворье».
Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,

Ест за четверых,
Работает за семерых;
Дó светла всё у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, всё заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попенок зовет его тятей;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько;
Время идет, и срок уж близенько.
Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье признается:
«Так и так: что делать остается?»
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив.
Попадья говорит: «Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:
Закажи Балде службу, чтоб стало ему

невмочь;

А требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь.
Тем ты и лоб от расправы избавишь
И Балду-то без расплаты отправишь».
Стало на сердце попа веселее.
Начал он глядеть на Балду посмелее.
Вот он кричит: «Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный».
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошел, сел у берега моря;
Там он стал веревку крутить
Да конец ее в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:

Бага

Инокор

но и манасини ив.

Онези Си

«Зачем ты, Балда, к нам залез?» —
«Да вот веревкой хочу море морщить,
Да вас, проклятое племя, корчить».
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?» —
«Как за что? Вы не плотите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот ужо будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха». —
«Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди; вышлю к тебе внука».
Балда мыслит: «Этого провести не штука!»
Вынырнул подосланный бесенок,
Замяукал он, как голодный котенок:
«Здравствуй, Балда мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть — возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору —
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок».
Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшего брата».
Пошел Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков, да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесенка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
«Попляши-тка ты под нашу балалайку;
Ты, бесенок, еще молоденек,
Со мною тягаться слабенец —
Это было б лишь времени трата,
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три!- догоняй-ка».

Пустились бесенок и зайка:
Бесенок по берегу морскому,
А зайка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесенок задыхаясь,
Весь мокрешенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь — а уж Балда братца гладит,
Приговаривая: «Братец мой любимый,
Устал, бедняжка! отдохни, родимый».
Бесенок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел,
На братца поглядывает боком.
«Погоди, — говорит, — схожу за оброком».
Пошел к деду, говорит: «Беда!
Обогнал меня меньшей Балда!»
Старый Бес стал тут думать думу.
А Балда наделал такого шуму,
Что всё море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесенок: «Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк —
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любимую мету.
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж! боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — «Да жду вон этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку».
Испугался бесенок да к деду,
Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
Да чертям веревкой грозит.
Вылез опять бесенок: «Что ты хлопочешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...»
«Нет, — говорит Балда, —
Теперь моя чередка,
Условия сам назначу,
Задам тебе, вражонок, задачу
Посмотрим, какова у тебя сила.

Видишь, там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу, оброк уж твой;
Не снесешь кобылы, ан будет он мой».
Бедненький бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул,
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: «Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног».
Сел Балда на кобылку верхом,
Да версту проскакал, так что пыль столбом.
Испугался бесенок и к деду
Пошел рассказывать про такую победу.
Делать нечего — черти собрали оброк
Да на Балду взвалили мешок.
Идет Балда, побрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка,
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

**СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ,
О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ
КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ
И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ**

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.

Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы.
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те-пюры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра-коня садясь,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;

Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Обождать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый

Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно, на море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Век тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,

А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак. —
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей. —
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет! . . «То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой —
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,

На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой —
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окиану
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальний;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».

И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног — всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустил
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна. —
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;

Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон:
Он прислал тебе поклон». —
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу». —
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит: —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут». —
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя! . . .» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;

Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завестъ
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право не безделка —
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободренной душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, — молвил он, —
Ай да лебедь — дай ей боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,

Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости:
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:

В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости.
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет

Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,

Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...
Зажжужал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел». —
«А какое ж это диво?» —
«Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,

Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор».
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;

Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе золотой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор

С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмехнувшись говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести;
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей;
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,

Нос ужалил богатырь;
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Не женат лишь я хожу». —
«А кого же на примете
Ты имеешь?» — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвести.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И подумав говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь

Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царевной обернулася:
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной

Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь недолго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,

Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унижает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя. —
Нынче ж еду!» Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:

По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкий:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.

Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косою луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу
И сынка и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

ОБАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У сáмого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришел невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришел невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод,
Пришел невод с одною рыбкой,
С не простою рыбкой, золотою.
Как взмолится золотая рыбка,
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забрала:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколось».

Вот пошел он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбрала меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилося синее море.)

Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит — мужа ругает.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю,
(Неспокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,

Парчевая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает:
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь!
Насмешишь ты целое царство».
Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью;
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты,
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вина;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, испугался;
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке,
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.

Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

**СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ
И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ**

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись гляючи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен:

Год прошел как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодлица
Уж и впрям была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И красуясь говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:

Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет! . .
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне на зло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать беременна сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую

Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Черт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? — сказала ей царица, —
Где красавица-девица?» —
«Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она. —
Крепко связаны ей локти;
Попадетса зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пес, залая,

Прибежал и смолк, играя.
В ворота вошла она —
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися:
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Ксли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломил
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу; не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит.
Им она не прекословит,

Не перечут ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так бога ради,
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сestroю.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит, —
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».

Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил поклонясь, —
Коли так, не заикнуса
Уж о том». — «Я не сержуся, —
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина».

Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей».
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!..»
Та призналася во всем:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,

Бабушка, постой немножко, —
Ей кричит она в окошко, —
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитяtko девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне». — Царевна хочет
Выдти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги — и лаает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выпался он худо, —
Ей царевна говорит, —
На ж, лови!» — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала:
«Благодарствую, — сказала. —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит. . .
Пес как прыгнет, завизжит. . .
Но царевна в обе руки
Хвать — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет, —
Благодарствуй за обед. . .» —
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воеет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?»

Ляг!» — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь.
Подождать она хотела
До обеда; не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, громко воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! —
Братья молвили, — печали
Не минуем». Прискакали,
Входят — ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной

Все поникли головой,
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградили;
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —
Я царевны не видало.
Знать, ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил,
Или след ее заметил».

Темной ночи Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Братец мой, —
Отвечает месяц ясный, —
Не видал я девы красной.

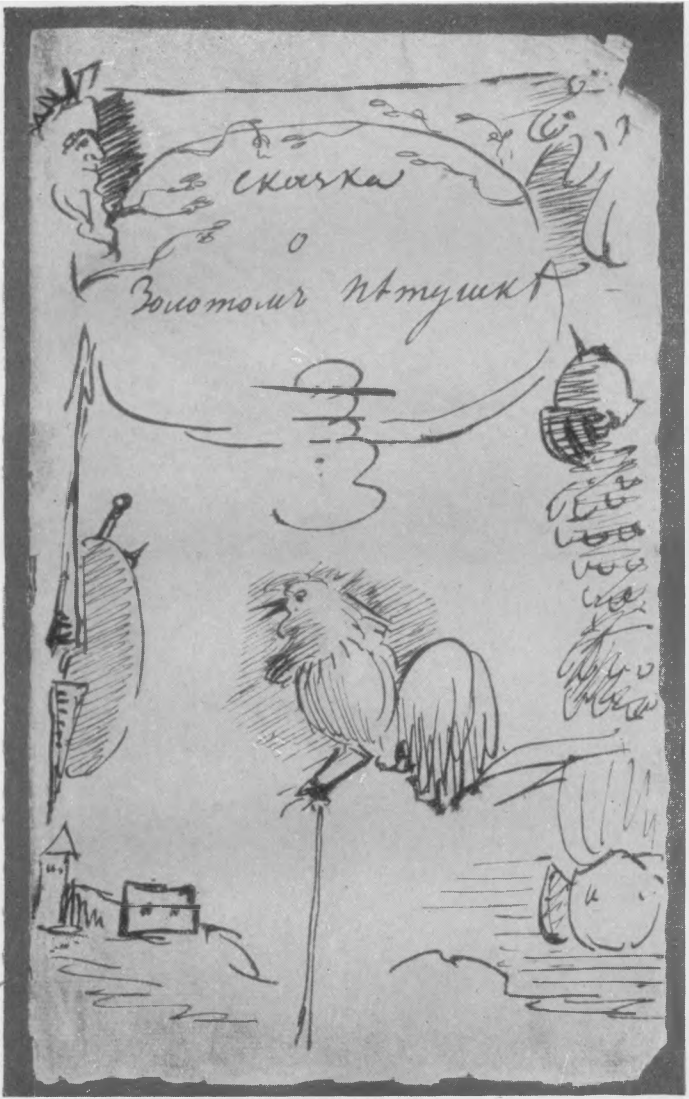
На сторо́же я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,
Пробежала». — «Как обидно!» —
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царицы молодой?
Я жених ее». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста».

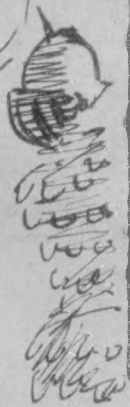
Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал,
И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;

Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Измученными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,

Скарка
Зуомор Нтмухт

И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятиом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут бывало с юга, — глядь, —
Ан с востока лезет рать!
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу.
Шлет за ним гонца с поклоном.

Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье, —
Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою».

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит всё смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден:
«Царь ты наш! отец народа!

Возглашает воевода, —
Государь! проснись! беда!» —
«Что такое, господа? —
Говорит Дадон, зевая, —
А? Кто там? беда какая?»
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит;
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку, — ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них!
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;
Петушок кричит опять;
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку
Сам, не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» — мыслит он.

Вот осьюмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит,
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущельи тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит. . .
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына;
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их среди луга,
По приотпанной траве,
По кровавой мураве. . .
Царь завыл: «Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадонем,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатер
Распахнулся. . . и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадонем
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала;
Уложила отдыхать
На парчевую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,

Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ, —
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон. . .
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
«А! здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?» —
«Царь! — отвечает мудрец, —
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу. . .»
Крайне царь был изумлен.
«Что ты? — старцу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся?
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего». —

«Не хочу я ничего.
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу», —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи-хи-хи! да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот — въезжает в город он. . .
Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился. . . и в то же время
С колесницы пал Дадон!
Охнул раз — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрый молодцам урок.

* СКАЗКА О МЕДВЕДИХЕ

Как весенней теплою порою
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу из дремучего
Выходила бурая медведиха
Со милыми детушками медвежатами
Погулять, посмотреть, себя показать.
Села медведиха под белой березою;
Стали медвежата промеж собой играть,
По муравушке валяться, обниматься,
Боротися, кувыркатися.
Отколь ни возьмись мужик идет,
Он во руках несет рогатину,
А нож-то у него за поясом.
А мешок-то у него за плечьями.
Как увидела медведиха
Мужика со рогатиной,
Заревела медведиха,
Стала кликать малых детушек,
Своих глупых медвежатушек:
«Ах вы, детушки, медвежатушки,
Перестаньте играть, валяться,
Боротися, кувыркатися.
Уж как, знать, на нас мужик идет.
Становитесь, хоронитесь за меня.
Уж как я вас мужику не выдам
И сама мужику выем».

Медвежатушки испугались,
За медведиху бросались,
А медведиха осержалася,
На дыбы подымалася.
А мужик-от он догадлив был,
Он пускался на медведиху,
Он сажал в нее рогатину
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медведиха о сыру землю,
А мужик-то ей брюхо порол,
Брюхо порол да шкуру сымал,
Малых медвежатушек в мешок поклат,
А поклавши-то, домой пошел.

«Вот тебе, жена, подарочек,
Что медвежия шуба в пятьдесят рублей,
А что вот тебе другой подарочек,
Трой медвежата по пять рублей».

Не звоны пошли по городу,
Пошли вести по всему по лесу,
Дошли вести до медведя чернобурого:
Что убил мужик его медведиху,
Распорол ей брюхо белое,
Брюхо распорол да шкуру сымал,
Медвежатушек в мешок поклат.
В ту пору медведь запечалился,
Голову повесил, голосом завыл
По свою ли по сударушку,
Чернобурую медведиху.
— Ах ты свет моя медведиха,
На кого меня покинула,
Вдовца печального,
Вдовца горемычного?
Уж как мне с тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрыватьи,
Милых детушек не родити,
Медвежатушек не качати,
Не качати, не баюкати. —

В ту пору звери собиралися
Ко тому ли медведю, к боярину.
Приходили звери большие,
Прибегали тут зверишки меньшие.
Прибегал туто волк-дворянин,
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходил тут бобр, торговый гость,
У него-то, бобра, жирный хвост.
Приходила ласточка-дворяночка,
Приходила белочка-княгинечка,
Приходила лисица-подьячиха,
Подьячиха, казначеиха,
Приходил скоморох горностаюшка,
Приходил байбак тут игумен,
Живет он, байбак, позадь гумен.
Прибегал тут зайка-смерд,
Зайка бедненький, зайка серенький.
Приходил целовальник еж,
Всё-то еж он ежится,
Всё-то он щетинится.

Л И Р И Б А

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ЛИЦЕЙСКИХ ЛЕТ**

(1813 — май 1817)

К НАТАЛЬЕ

Pourquoi craindrais-je de le dire?
C'est Margot qui fixe mon goût. *

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол:
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность — всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,

* К чему мне это скрывать?
Марго мне приглянулась. (Франц.) — *Ред.*

В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет — и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтаньи,
Вижу, в легком одеяньи
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой! . . .
Я один в беседке с нею,
Вижу. . . девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею. . .
И проснулся. . . вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Ипускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Всё к чему-то ум стремится. . .
А к чему? — никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой

Ты старалась меня
Удержать умильным взором.
Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полную грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть,
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья, ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? — Наталья!
Выслушай еще меня:

Не владетель я сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с цыгаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.
— Кто же ты, болтун влюбленный? —
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

МОНАХ

ШЕСНЬ ПЕРВАЯ

СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА

Хочу воспеть, как дух нечистый Ада
Оседлан был брадатый стариком,
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейской старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою золотую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему».
Нет, нет, Барков! скрипицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван-великий,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтирь и четки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой водки.
Взошедши в дом, где мирно жил монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаэль на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался.
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,
Весь божий день он в келье провождал,
«Помилуй мя» вполголоса читал,
Ел плотно, спал и всякий час молился.

А ты, монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый кармелит,
И ты стыдись, Печерской Лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель. . .
Но, лира! стой! — Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединенье,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитит нас от дьявола не может.

И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым картезьянцам
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем.
Черт прибежал амуров с целым роем,
И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.
У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно монаха осветила.
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны.
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый всё сидит.
«Уж будешь мой», — он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять, и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.

Монах скучал, монах тому дивился.
Век не зевал, как богу он молился.
Но — нет уж сил, кресты, псалтирь, слова, —
Всё позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг
проснулся,
Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь с постели он встает,
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж? — юбку видит он.

«Что вижу я! . . . иль это только сон? —
Вскричал монах, остолбенев, бледнея. —
Как! это что? . . .» — и, продолжать не смея,
Как вкопанный пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчевый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, вясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

Иль, как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать ее в объятия стремится,

Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно всё, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится,
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный ослабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастьем нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОН, СПАСИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ

Покамест ночь еще не удалилась,
Покамест свет лила еще луна,
То юбка всё еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылася она.

А наш монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он kota,
Не помнит он церковного налоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как, — мыслит он, — когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юбчонки,
Кто мог ее принести ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать... девчонки».
Монах краснел и делать что не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Всё тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер наступая
Зажег везде лампы и свечи.
Уже монах, с главы клобук снимая,
Ложился спать. — Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушенье,
Хотел уже навек лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик кряхтя на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.

Тотчас Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился.
Монах храпит и чудный видит сон.

Казалось ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
Иной смеясь льет в кубок пенны вины;
Зелёный плющ на черных волосах,
И виноград на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий, —
Всё говорит, что вечно юный Вакх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,
Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей, и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых дерев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшись любовники лежат.

Монах на всё взирал смятенным оком.
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,
Плешивый лоб с досадою чесал,
Стоя, как пень, и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И набекрень, взъярясь, клобук надвинув,
В зеленый лес, как белоусый паж,
Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрее орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
«Не дам, — ворчал, — я промаха в кольцо».
Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хватъ юбчонкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и нимф не видит он;
Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.
Монах один в степи глухой, безвестной,
Нахмуря взор; темнеет небосклон,
Вдруг грянул гром, монаха поражает, —
Панкратий: «Ах! . . .», и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты горя,
Уже восток румянила заря.
И юбки нет. — Панкратий встал, умылся
И, помолясь, он плакать сильно стал,
Сел под окно и горько горевал.
«Ах! — думал он, — почто ты прогневился?
Чем виноват, владыко, пред тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу тебе молиться,
Возьму псалтирь, а тут и юбку вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь мое усердное моленье,
Не дай мне впасть, господь, во искушенья!»

Услышал бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «нашел! нашел!»
«Ну! — думал он, — от бесов и юбочки
Избавлюсь я, — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.
Я заживу опять монах монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и всё пойдет на лад».
Так мыслил он — и очень ошибался.
Могущий Рок, вселенной господин,
Панкратием, как куклой, забавлялся.

Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он, — с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе,
И весь в жару, в грязи, в пыли и поте
Предупредить спешил восход луны.

ПЕСНЬ ТРЕТЯЯ
ПОЙМАННЫЙ БЕС

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак,
И за бюро, как девица за пяльцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан.

Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венки душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!

Иль краски б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышит ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы. . . и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь,
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плетью пустился.
Мартынов пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмогнул на Парнас.
Исполнившись геройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.

Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают. . .
Уж и луна мелькнула сквозь лесов. . .
Ни жив ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг бела, как вновь напавший снег
Москвы-реки на каменистый брег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка. . .
Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка,

Схватил кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо! . . вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
«Ура! — вскричал монах с усмешкой злою, —
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыль, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодез брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною». —
«Ты победил, почтенный старичок, —
Так отвечал смиренхонько Молок. —
Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану». —
«Всё так, всё так, да полезай в бутыль,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл». —
«Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою,
Как Банкова, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;
Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клубук, по моде причешу.
Всё променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колесами давить
И аглинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправлять жилет.
Потом всю знать (с министрами, с князьями

Ведь будешь жить, как с кровными друзьями)
Ты позовешь на пышный свой обед». —
«Не соблазнишь! тебя я не оставлю,
Без дальних слов сей час в бутылку иди». —
«Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жен тебе и красных дев доставлю». —
«Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о женах!
Смотри какой! но нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За всё про всё готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса злой!» —
«Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Ерусалим».
При сих словах монах себя не вспомнил.
«В Ерусалим!» — дивясь он бесу молвил.
«В Ерусалим! — да, да, свезу тебя». —
«Ну, если так, тебя избавлю я».

Старик, старик, не слушай ты Молока.
Оставь его, оставь Ерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится черт проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный Ад дорога широка.

НЕСЧАСТИЕ КЛИТА

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет,
Противу ямба, хоря злобой ужасною дышит;
Мера простая сия всё портит, по мнению Клита,
Смысл затмевает стихов и жар охлаждает пиита.
Спорить о том я не смею, пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит.

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
 Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
 За лаврами спешишь опасною стезей
 И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы,
 Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
 В холодных песенках любовью не пылай;
 Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
 Довольно без тебя поэтов есть и будет;
 Их напечатают — и целый свет забудет.
 Быть может, и теперь, от шума удалась
 И с глупой музою навек соединясь,
 Под сенью мирною Минервиной эгиды¹
 Сокрыт другой отец второй «Телемахиды».
 Страшися участи бессмысленных певцов,
 Нас убивающих громадою стихов!
 Потомков поздних дань поэтам справедлива;
 На Пинде лавры есть; но есть там и крапива.
 Страшися бесславия! — Что, если Аполлон,
 Услышав, что и ты полез на Геликон,
 С презреньем покачав кудрявой головою,
 Твой гений наградит — спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
 «Пожалуй, — скажешь мне, — не трать излишних
слов;

¹ Т. е. в школе.

Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне как хочет целый свет,
Сердись, кричи, бранись, — а я-таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну французов побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшись счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камознс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Ты, **кажется**, теперь задумался немного.
«Да что же, — говоришь, — судя о всех так строго,

Перебирая всё; как новый Ювенал,
Ты о поэзии со мною толковал;
А сам, поссорившись с парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел сюда стихами?
Что сделалось с тобой? В уме ли ты, иль нет?»
Арист, без дальних слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам. . .» —
«Послушайте, — сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте».

И мне то самое пришлось отвечать;
Я не хочу себя нисколько оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромптами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он. Арист, он — не пиит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет? . .
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое.

КОЛЬНА

(Подражание Оссиану)

(Фингал послал Тоскара воздвигнуть на берегах источника Кроны памятник победы, одержанной им некогда на сем месте. Между тем как он занимался сим трудом, Карул, соседственный государь, пригласил его к пиршеству; Тоскар влюбился в дочь его Кольну; нечаянный случай открыл взаимные их чувства и осчастливил Тоскара).

Источник быстрый Каломоны,
Бегущий к дальним берегам,
Я зрю, твои взмущенны волны
Потоком мутным по скалам
При блеске звезд ночных сверкают
Сквозь дремлющий, пустынный лес,
Шумят и корни орошают
Сплетенных в темный кров древес.
Твой мшистый брег любила Кольна,
Когда по небу тень лилась;
Ты зрел, когда, в любви невольна,
Здесь другу Кольна отдалась.

В чертогах Сельмы царь могущих
Тоскару юному вещал:
«Гряди во мрак лесов дремучих,
Где Крона катит черный вал,
Шумящей прохладен осиною.

Там ряд является могил;
Там с верной, храброю дружиной
Полки врагов я расточил,
И много, много сильных пало;
Их гробы черный вран стрежет.
Гряди — и там, где их не стало,
Воздвигни памятник побед!»
Он рек, и в путь безвестный, дальный
Пустился с бардами Тоскар,
Идет во мгле ночи печальной,
В вечерний хлад, в полдневный жар.
Денница красная выводит
Златое утро в небеса,
И вот уже Тоскар подходит
К местам, где в темные леса
Бежит седой источник Кроны
И кроется в долины сонны.
Воспели барды гимн святой;
Тоскар обломок гор кремнистых
Усильно мощною рукой
Влечет из бездны волн серебристых,
И с шумом на высокий берег
В густой и дикий злак поверг;
На нем повесил черны латы,
Покрытый кровью предков меч,
И круглый щит, и шлем пернатый
И обратил он к камню речь:

«Вещай, сын шумного потока,
О храбрых поздним временам!
Да в страшный час, как ночь глубока
В туманах ляжет по лесам,
Пришлец, дорогой утомленный,
Возлеги под надежный кров,
Вспомнит веки отдаленны
В мечтаньи сладком легких снов!
С рассветом алая денницы,
Лучами солнца пробужден,
Он узрит мрачные гробницы. . .
И, грозным видом поражен,
Вопросит сын иноплеменный:
„Кто памятник воздвиг надменный?“

И старец, летами согбен,
Речет: „Тоскар наш незабвенный,
Герой умчавшихся времен!“»

Небес сокрылся вечный житель,
Заря потухла в небесах;
Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках;
Уж ночь на холме — берег Кроны
С окрестной рощею заснул:
Владыко сильный Каломоны,
Иноплеменных друг, Карул
Призвал Морвенского героя
В жилище Кольны молодой
Вкусить приятности покоя
И пить из чаши круговой.

.

Близ пепелища все воссели;
Веселья барды песнь воспели;
И в пене кубок золотой
Кругом несется чередой.
Печален лишь пришелец Лоры,
Главу ко груди преклонил:
Задумчиво он страстны взоры
На нежну Кольну устремил —
И тяжело грудь его вздыхает,
В очах веселья блеск потух,
То огонь по членам пробегает,
То негою томится дух;
Тоскует, втайне ощущая
Волнение сильное в крови,
На юны прелести взирая,
Он полную чашу пьет любви.

Но вот уж дуб престал дымиться,
И тень мрачнее становится,
Чернеет тусклый небосклон,
И царствует в чертогах сон.

.

Редает ночь — заря багряна
Лучами солнца возжена;
Пред ней златится твердь румяна:
Тоскар покинул ложе сна;
Быстротекущей Каломоны
Идет по влажным берегам,
Спешит узреть долины Кроны
И внемлет плещущим волнам.
И вдруг из сени темной рощи,
Как в час весенней полунощи
Из облак месяц золотой,
Выходит ратник молодой.
Меч острый на бедре сияет,
Копье десницу вооружает;
Надвинут на чело шелом,
И гибкий стан покрыт щитом;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренний в долине пар.

«О юный ратник! — рек Тоскар, —
С каким врагом тебе сражаться?
Ужель и в сей стране война
Багрят ручьев струисты волны?
Но всё спокойно — тишина
Окрест жилища нежной Кольны». —
«Спокойны дебри Каломоны,
Цветет отчизны край златой;
Но Кольна там не обитает,
И ныне по стезе глухой
Пустыню с милым протекает,
Пленившим сердце красотой». —
«Что рек ты мне, младой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Поддай мне щит твой!» И Тоскар
Приемлет щит, пылая мщеньем.
Но вдруг исчез геройства жар;
Что зрит он с сладким восхищеньем?
Не в силах в страсти воздохнуть,
Пылая вдруг восторгом новым...
Лилейна обнажилась грудь,
Под грозным дышуща покровом...

«Ты ль это? . .» — возопил герой,
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

ЭВЛЕГА

Вдали ты зришь утес уединенный;
Пещеры в нем изрылась глубина;
Темнеет вход, кустами окруженный,
Вблизи шумит и пенится волна.
Вечор, когда туманилась луна,
Здесь милого Эвлега призывала;
Здесь тихий глас горам передавала
Во тьме ночной печальна и одна:

«Приди, Одульф, уж роща побледнела.
На дикий мох Одульфа ждать я села,
Пылает грудь, за вздохом вздох летит. . .
О! сладко жить, мой друг, душа с душою.
Приди, Одульф, забудусь я с тобою,
И поцелуй любовью возгорит.

Беги, Осгар, твои мне страшны взоры,
Твой грозен вид, и хладны разговоры.
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой в ночи со мною дремлет,
Уж на заре другой меня объемлет,
И сладостен его мне поцелуй.

Что ж медлит он свершить мои надежды?
Для милого я сбросила одежды!
Завистливый покров у ног лежит.
Но чу! . . . идут — так! это друг надежный!
Уж начались восторги страсти нежной,
И поцелуй любовью возгорит».

Идет Одульф; во взорах — упоенье,
В груди — любовь, и прочь бежит печаль;
Но близ его во тьме сверкнула сталь,
И вздрогнул он — родилось подозренье:
«Кто ты? — спросил, — почто ты здесь? Вещай,
Ответствуй мне, о сын угрюмой ночи!»

«Бессильный враг! Осгара убегай!
В пустынной тьме что ищут робки очи?
Страшись меня, я страстью воспален:
В пещере здесь Эвлега ждет Осгара!»
Булатный меч в минуту обнажен,
Огонь летит струями от удара...

Услышала Эвлега стук мечей
И бросила со страхом клад пещерный.
«Приди узреть предмет любви твоей! —
Вскричал Одульф подруге нежной, верной. —
Изменница! ты здесь его зовешь?
Во тьме ночной вас услаждает нега,
Но дерзкого в Валкале ты найдешь!»

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега
Падет на дерн, как клоч летучий снега,
Мятелицей отторженный со скал!
Друг на друга соперники стремятся,
Кровавый ток по камням побежал,
В кустарники с отчаяньем катятся.
Последний глас Эвлегу призывал,
И смерти клад их ярость оковал.

ОСГАР

По камням гробовым, в туманах полуночи,
Ступая трепетно усталую ногой,
По Лоре путник шел, напрасно томны очи
Ночлега мирного искали в тьме густой.
Пещеры нет пред ним, на берегу угрюмом
Не видит хижины, наследья рыбаля;
В дали дремучий бор качают ветры с шумом,
Луна за тучами, и в море спит заря.

Идет, и на скале, обросшей влажным мохом,
Зрит барда старого — веселье прошлых лет:
Склонясь седым челом над воющим потоком,
В безмолвии, времен он созерцал полет.
Зубчатый меч висел на ветви мрачной ивы.
Задумчивый певец взор тихий обратил
На сына чуждых стран, и путник боязливый
Содрогся в ужасе и мимо поспешил.

«Стой, путник! стой! — вещал певец веков
минувших, —

Здесь пали храбрые, почти их бранный прах!
Почти геройства чад, могилы сном уснувших!»
Пришлец главой поник — и, мнилось, на холмах
Восставший ряд теней главы окровавленны
С улыбкой гордою на странника склонял.
«Чей гроб я вижу там?» — вещал иноплеменный
И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу пригвожденный,
Бросали тусклый луч, луною озлатясь.

«Увы! здесь пал Осгар! — рек старец
вдохновенный. —

О! рано юноше настал последний час!
Но он искал его: я зрел, как в ратном строе
Он первая стрелы с весельем ожидал
И рвался из рядов, и пал в кипящем бое:
Покойся, юноша! ты в брани славной пал.

Во цвете нежных лет любил Осгар Мальвину,
Не раз он в радости с подругою встречал
Вечерний свет луны, скользкий на долину,
И тень, упавшую с приморских грозных скал.
Казалось, их сердца друг к другу пламенели;
Одной, одной Осгар Мальвиною дышал;
Но быстро дни любви и счастья пролетели,
И вечер горести для юноши настал.

Однажды, в темну ночь зимы порой унылой,
Осгар стучится в дверь красавицы младой
И шепчет: «Юный друг! не медли, здесь твой милый!»
Но тихо в хижине. Вновь робкою рукой
Стучит и слушает: лишь ветры с свистом веют:
«Ужели спишь теперь, Мальвина? — мгла вокруг,
Валится снег, волосы в тумане леденеют.
Услышь, услышь меня, Мальвина, милый друг!»

Он в третий раз стучит, со скрипом дверь шатнулась.
Он входит с трепетом. Несчастный! что ж узрел?
Темнеет взор его, Мальвина содрогнулась,
Он зрит — в объятиях изменницы Звигнел!
И ярость дикая во взорах закипела;
Немеет и дрожит любовник молодой.
Он грозный меч извлек, и нет уже Звигнела,
И бледный дух его сокрылся в тьме ночной!

Мальвина обняла несчастного колена,
Но взоры отвратив: «Живи! — вещал Осгар, —
Живи, уж я не твой, презренна мной измена,
Забуду, потушу к неверной страсти жар».
И тихо за порог выходит он в молчанье,
Окован мрачною, безмольною тоской, —
Исчезло сладкое навек очарованье!
Он в мире одинок, уж нет души родной.

Я видел юношу: поникнув головою,
Мальвины имя он в отчаяньи шептал;
Как сумрак, дремлющий над бездною морскою,
На сердце горестном унынья мрак лежал.
На друга детских лет взглянул он торопливо;
Уже недвижимый взор друзей не узнавал;
От пиршеств удален, в пустыне молчаливой
Он одиночеством печаль свою питал.

И длинный год провел Осгар среди мучений.
Вдруг грянул трубный глас! Оденев сын, Фингал,
Вел грозных на мечи, в кровавый пыл сражений.
Осгар послушал весть и бранью воспылал.
Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним бежала;
Покрытый ранами, здесь пал на грудь тел.
Он пал — еще рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел.

Побегли вспять враги — и тихий мир герою!
И тихо всё вокруг могильного холма!
Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая тьма,
В багровом облаке, одеянна туманом,
Над камнем гробовым уныла тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
И клен, зашевелиясь, таинственно шумит».

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
«Постой, — кричал, — прелестная! постой,
Скажи: «Люблю» — и бегать за тобой
Не стану я — клянуся в том Кипридой!»
«Молчи, молчи!» — Рассудок говорил,
А плут Эрот: «Скажи: ты сердцу мил!»

«Ты сердцу мил!» — пастушка повторила,
И их сердца огнем любви зажглись,
И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потупила.
«Беги, беги!» — Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: «Останься!» — говорил.

Осталася — и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
«Взгляни, — сказал, — с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густою!»
«Беги! беги!» — Рассудок повторил,
«Учись от них!» — Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах,
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала. . .
«Будь счастлива!» — Эрот ей прошептал,
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

К СЕСТРЕ

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт молодой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окриленный,
Оставил монастырь
И край уединенный,
Где непрерывный мир
Во мраке опустился
И в пустыни глухой
Безмолвно воцарился
С угрюмой тишиной. *

.
И быстрою стрелой
На невский брег примчуся,
С подругой обнимуся
Весны моей златой,
И, как певец Людмилы,
Мечты невольник милый,
Взошел под отчий кров,
Несу тебе не золото
(Чернец я небогатый),
В подарок пук стихов.

Тайком взошел в диванну,
Хоть помощью пера,

* После этого стиха нескольких стихов не сохранилось. — *Ред.*

О, как тебя застану,
Любезная сестра?
Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлиса ль пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой?
Иль с Греем и Томсоном
Ты пренеслась мечтой
В поля, где от дубравы
В дол веет ветерок,
И шепчет лес кудрявый,
И мчится величавый
С вершины гор поток?
Иль моську престарелу,
В подушках поседу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невою?
Иль звучным фортепяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини и Рамо?

Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре.
Всё тихо в мрачной кельи:

Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Стул ветхий, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот всё, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден,
Тобою пренесенный
К волшебной Иппокрене,
И в келье я блажен.

Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?
Знакомый с суетою,
Приятной для меня,
Увлечен в даль судьбою,
Я вдруг в глухих стенах,
Как Леты на берегах,
Явился заключенным,
Навеки погребенным,
И скрипнули врата,
Сомкнувшись за мною,
И мира красота
Оделась черной мглою! . .
С тех пор гляжу на свет,
Как узник из темницы
На яркий блеск денницы.
Светило ль дня взойдет,
Луч кинув позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радуется оно.
Иль позднею порою,
Как луч на небесах,
Покрытых чернотою,
Темнеет в облаках, —
С унынием встречаю
Я сумрачную тень

И с вздохом провожаю
Скрывающийся день! . .
Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки.

Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеша на новоселье,
Оставляю темну келью,
Поля, сады свои; .
Под стол клубук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
Тюльпанов гордо наклоненных,
Душистых ландышей, яминов и лилей,
Которых ты всегда любила
И прежде всякий день носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена! . .
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок! —
Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшись дугой,
Вперив в латинщину глубокий разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
Пускай молодой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,
У граций в отпуску и у любви в отставке,
Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает, —

А ты, прелестная! . . . но если уж табак
Так нравится тебе — о пыл воображенья! —
 Ах! если, превращенный в прах,
 И в табакерке, в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог,
 Тогда б в сердечном восхищеньи
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже . . . может быть . . . Но что! мечта пустая.
 Не будет этого никак.
 Судьба завистливая, злая!
 Ах, отчего я не табак! . . .

ЭПИГРАММА

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.

Мы ждали драму золотую.

И что же? дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу,
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалкую пиесу.

КАЗАК

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис: —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна серебрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девушка-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько клевету, клевету —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напой коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выдти мне из дому,
Коню дать воды».

«Ах! небось, девушка красна,
С милым подружись!» —
«Ночь красавицам опасна». —
«Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась;
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести стрóf;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро
И в лиру превращать не смею
Мое — гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслед Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.

Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,

Чтоб в битвах гром из рук метал
И чтоб победа за тобою,
Как древле Невскому герою,
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт
Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!
Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там — когда стигийский брег
Мелькнет в туманном отдаленьи,
Дай бог, чтоб в страстном упоеньи
Ты с томной сладостью в очах
Из рук молодого Купидона
Вступая в мрачный челн Харона,
Уснул... Ершовой на грудях!

ОПЫТНОСТЬ

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит.
Пусть не смейся, не резвись,
С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заступишь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
«Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!» —
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,
Оглянулся. . . и Эрот
Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой Паркой там прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться — мой закон.

Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны,
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот!

БЛАЖЕНСТВО

В роще сумрачной, тенистой,
Где, журча в траве душистой,
Светлый бродит ручеек,
Ночью на простой свирели
Пел влюбленный пастушок;
Томный гул унылы трели
Повторял в глуши долин. . .

Вдруг из глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Резвых фавнов господин,
Выбежал Эрмиев сын.
Розами рога обвиты,
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый,
У Сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись
Над искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой.

«Дни, протекшие в весельи!
(Пел в тоске пастух молодой)
Отчего, явясь мечтой,
Вы, как тень, от глаз исчезли
И покрылись вечной тьмой?»

Ах! когда во мраке ночи,
При таинственной луне,
В темну сень прохладной рощи,
Сладко спящей в тишине,
Медленно, рука с рукою,
С нежной Хлоей приходил,
Кто сравниться мог со мною?
Хлое был тогда я мил!

А теперь мне жизнь — могила,
Белый свет душе постыл,
Грустен лес, поток уныл. . .
Хлоя — другу изменила! . .
Я для милой. . . уж не мил! . .»

Звук исчез свирели тихой;
Смолк певец — и тишина
Воцарилась в роще дикой;
Слышно, плещет лишь волна,
И колышет повиликой
Тихо веющий зефир. . .
Древ оставя сень густую,
Вдруг является Сатир.
Чашу дружбы круговую
Пенистым сребря вином,
Рек с ослабленным лицом:
«Ты уныл, ты сердцем мрачен;
Посмотри ж, как сок прозрачен
Блещет, осветясь луной!
Выпей чашу — и душой
Будешь так же чист и ясен.
Верь мне: стон в бедах напрасен.
Лучше, лучше веселись,
В горе с Бахусом дружись!»
И пастух, взяв чашу в руки,
Скоро выпил всё до дна.
О, могущество вина!
Вдруг сокрылись скорби, муки,
Мрак душевный вмиг исчез!
Лишь фиал к устам поднес,
Всё мгновенно пременялось,

Вся природа оживилась,
Счастлив юноша в мечтах!
Выпив чашу золотую,
Наливает он другую;
Пьет уж третью. . . но в глазах
Вид окрестный потемнелся —
И несчастный. . . утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатир, меня, —
Говорит пастух со вздохом, —
Как могу бороться с роком?
Как могу счастливым быть?
Я не в силах вечно пить». —
«Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства *век* лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви;
Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!»

**ЛАИСА ВЕНЕРЕ,
ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО**

Вот зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет век,
Седого времени не страшна ей обида:
 Она — не смертный человек;
 Но я, покорствуя судьбине,
Не в силах зреть себя в прозрачности стекла,
 Ни той, которой я была,
 Ни той, которой ныне.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

Друзья, досужный час настал;
Всё тихо, всё в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино золотое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным — он нальет
И пунш и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!
Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale! *
Ты Эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.

* Будь здоров. (Латинск.) — *Ред.*

Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;
Бутыль вином налита,
За здравье нашей музыки пей,
Парнасский волокита.
Остряк любезный, по рукам!
Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее — завеса!
Хотя студент, хотя я пьян,
Но скромность почитаю;
Придвинь же пенистый стакан,
На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тотчас помиримся.

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь;

С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, —
Рассудок, бог с тобою!

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здоровье Платова,
В казачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова! . .

Приблизься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется! . .
Но мне ли страстью вздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрипеть тебе струной
Расстроенной скрипицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли? — это не беда:
Для пьяных всё ведь ладно!

Но что? . . я вижу всё вдвоем;
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком. . .
Где вы, товарищи, где я?
Скажите, Вакха ради. . .
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради. . .

Писатель за свои грехи,
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

БОВА

(Отрывок из поэмы)

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны Эллинския
И не смел осиплым голосом
С Шапеленом и с Рифматовым
Воспевать героев севера.
Несравненного Виргилия
Я читал и перечитывал,
Не стараясь подражать ему
В нежных чувствах и гармонии.
Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого!
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого.
За Мильтоном и Камоэнсом
Опасался я без крил парить:
Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаною обитать в раю,
Иль святую богородицу
Вместе славить с Афродитою.
Не бывал я греховодником!
Но вчера, в архивах рояся,
Отыскал я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизис остроумия,
Словом: Жанну Орлеанскую.

Прочитал — и в восхищении
Про Бову пою царевича.

О Вольтер! о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

Не запомню, сколько лет спустя
После рождества Спасителя,
Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира *Слабоумного*.
(Так бывало верноподданны
Величали королей своих,
Если короли беспечные
Не в постеле и не ночью
Почивали с камергерами).
Царь Дадон не Слабоумного
Был достоин злого прозвища,
Но тирана неусыпного,
Хотя, впрочем, не имел его.
Лень мне все его достоинства
И пороки вам показывать:
Вы слышали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного,
И в ничтожество низверженный
Александром, грозным ангелом,

Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором:
Вот таков-то был и царь Дадон.

Раз, собрав бородачей совет
(Безбородых не любил Дадон),
На престоле пригорюнившись,
Произнес он им такую речь:
«Вы, которые советами
Облегчили тяжесть скипетра,
Усладили участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
К вам прибегнуть я решаюся:
Что мне делать ныне? — Слушайте».

Все привстали, важно хмурясь,
Низко, низко поклонилися
И, подправя ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

«Вам известно, — продолжал Дадон, —
Что искусством и неправдою
Я достиг престола шаткого
Бендокира Слабоумного,
Сочетался с Милитрисою,
Милой женой Бендокировой,
И в темницу посадил Бову,
Принца крови, сына царского.
Легче, легче захватить было
Слабоумного золотой венец,
Чем, надев венец на голову,
За собою удержать его.
Вот уже народ бессмысленный,
Ходя в праздники по улицам,
Меж собой не раз говаривал:
Дай бог помочь королевицу.
Ведь Бова уже не маленький,
Не в отца своей головушкой,
Нужды нет, что за решеткою,
Он опасен моим замыслам.

Что мне делать с ним? скажите мне,
Не оставить ли в тюрьме его?»

Всё собранье призадумалось,
Все в молчаньи потупили взор.
То-то, право, золотой совет!
Не болтали здесь, а думали:
Арзамор, муж старый, опытный,
Рот открыл было (советовать,
Знать, хотелось поседелому),
Громко крикнул, но одумался
И в молчаньи закусил язык.
Ко лбу перст приставя тщательно,
Лекарь славный, Эскулапа внук,
Эзельдорф, обритый шваб, зевал,
Табакеркою поскрыпывал,
Но молчал, — своей премудрости
Он пред всеми не показывал.
Вихромах, Полкан с Дубынею,
Стража трона, славны рыцари,
Все сидели будто вкопаны.
Громобурь, известный силою,
Но умом непроницательный,
Думал, думал и нечаянно
Задремал. . . и захрапел в углу.
Что примера лучше действует?
Что людьми сильней ворочает?
Вот зевнули под перчаткою
Храбрый Мирозор с Ивашкою,
И Полкан, и Арзамор седой. . .
И ко груди преклонились
Тихо головами буйными. . .
Глядь, с Дадонем задремал совет. . .
Захрапели многомыслящи!

Долго спать было советникам,
Если б немцу не пришлось из рук
Табакерку на пол выронить.
Табакерка покатила
И о шпору вдруг ударила
Громобуря, крепко спавшего,
Загремела, раздвоилась,

Отлетела в разны стороны. . .
Храбрый воин пробуждается,
Озирает всё собрание. . .
Между тем табак рассыпался,
К носу рыцаря подьѣмлетя,
И чихнул герой с досадою,
Так что своды потрясаются,
Окна все дрожат и сыплются
И на петлях двери хлопают. . .
Пробуждается собрание!

«Что тут думать, — закричал герой, —
Царь! Бова тебе не надобен,
Ну, и к черту королевича!
Решено: ему в живых не быть.
После, братцы, вы рассудите,
Как с ним надобно разделаться».
Тем и кончил: храбры воины
Речи любят лаконически.

«Ладно! мы тебя послушаем, —
Царь промолвил, потянувшись, —
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте все домой».

Оплошал Дадон отсрочкою.
Не твердил он верно в азбуке:
*Не откладывай до завтраго,
Что сегодня можешь выполнить.*
Разошлись все придворные.
Ночь меж тем уже сгушалася,
Царь Дадон в постелю царскую
Вместе с милой лег супругою,
С несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился к ней:
В эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотелся.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая девица,
Ангел станом, взором, личиком,

Белой ручкой, нежной ножкою,
С госпожи сняв платье шелково,
Юбку, чепчик, ленты, кружева,
Всё под ключ в комодѣ спрятала
И пошла тихонько в девичью.
Там она сама разделася,
Подняла с трудом окошечко
И легла в постель пуховую,
Ожидая друга милого,
Светозара, пажа царского:
К темной ночке обещался он
Из окна прыгнуть к ней в комнату.
Ждет, пождет девица красная;
Нет как нет всё друга милого.
Чу! бьет полночь — что же Зоинька?
Видит — входят к ней в окошечко...
Кто же? друг ли сердца нежного?
Нет! совсем не то, читатели!
Видит тень иль призрак старого
Венценосца, с длинной шапкою,
В балахоне вместо мантии,
Опоясанный мочалкою,
Вид невинный, взор навывкате,
Рот разинут, зубы скалятся,
Уши длинные, ослиные
Над плечами громко хлопают;
Зоя видит и со трепетом
Узнает она, читатели,
Бендокира Слабоумного.

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колени Зоинька,
Съединила ручку с ручкою
Потупила очи ясные,
Прочитала скорым шопотом
То, что век не мог я выучить:
Отче наш и *Богородице*,
И тихохонько промолвила:
«Что я вижу? Боже! Господи...
О Никола! Савва мученик!
Осените беззащитную.
Ты ли это, царь наш батюшка?»

Отчего, скажи, оставил ты
Ныне царствие небесное?»

Глупым смехом осветившись,
Тень рекла прекрасной Зоиньке:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свет,
Не пугать тебя мне хочется,
Не на то сюда явился я
С того света привидением.
Весело пугать живых людей,
Но могу ли веселиться я,
Если сына Бендокирова,
Милого Бову царевича,
На костре изжарят завтра же?»

Бедный царь заплакал жалобно.
Больно стало доброй девушке.
«Чем могу, скажи, помочь тебе,
Я во всем тебе покорствую». —

«Вот что хочется мне, Зоинька!
Из темницы сына выручи,
И сама в жилище мрачное
Сядь наместо королевича,
Пострадай ты за невинного.
Поклонюсь тебе низехонько
И скажу: *спасибо, Зоинька!*»

Зоинька тут призадумалась:
За *спасибо* в темну яму сесть!
Это жестко ей казалось.
Но, имея чувства нежные,
Зоя втайне согласилась
На такое предложение.

Так, ты прав, оракул Франции,
Говоря, что жены, слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непритворное.
«Но скажи, о царь возлюбленный! —
Зоя молвила покойнику, —

Как могу (ну, посуди ты сам)
Пренестись в темницу мрачную,
Где горюет твой любезный сын?
Пятьдесят отборных воинов
Днем и ночью стерегут его.
Мне ли, слабой, робкой женщине,
Обмануть их очи зоркие?» —

«Будь покойна, случай найдетсЯ,
Поклянись лишь только, милаЯ,
Не отвергнуть сего случая,
Если сам тебе представится». —
«Я клянусь!» — сказала девица.
Вмиг исчезло привидение,
Из окошка быстро вылетев.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тут окошечко
И, в постеле успокоившись,
Скоро, скоро сном забылася.

К БАТЮШКОВУ

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонид!
Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом наконец?

Уже с венком из роз душистых,
Меж кудрей вьющихся, златых,
Под тенью тополов ветвистых,
В кругу красавиц молодых,
Здравным не стучишь фиалом,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный счастливым началом,
Цветов парнасских вновь не рвешь;
Не слышен наш Парни Российский.
Пой, юноша! — певец тиисский
В тебя влиял свой нежный дух.
С тобою твой прелестный друг,
Лилета, красных дней отрада:
Певцу любви любовь награда.
Настрой же лиру, по струнам
Летай игривыми перстами,
Как вешний зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шопотом любви
Лилету в свой шалаш зови;

И звезд ночных при бледном свете,
Плывущих в дальней вышине,
В уединенном кабинете
Волшебной внемя тишине,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливец милый, орошай;
Но, упоен любовью страстной,
И нежных муз не забывай!
Любви нет боле счастья в мире:
Люби — и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час
Друзья, знакомые сберутся
И вина пенные польются,
От плена с треском свободясь,
Описывай в стихах игривых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла;
И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал удара в лад,
Нестройным хором повторят.

Поэт! в твоей предметы воле!
Во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как росс, питомцем славы пал!
Ты пал и хладною косою
Едва скошенный не увял! ¹

Иль, вдохновенный Ювеналом,
Вооружись сатиры жалом;
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок,
Шутя показывай смешное
И, если можно, нас исправь,

¹ Кому неизвестны *Воспоминания на 1807 год?*

Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое;
Увы! довольно без него
Найдем бессмысленных поэтов,
Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Но что! .. цевницею моею,
Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею.
Прости — но помни мой совет:
Доколе, музами любимый,
Ты пиэрид горишь огнем,
Доколь, сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали,
Играй: тебя младой Назон,
Эрот и грации венчали,
А лиру строил Аполлон.

ЭПИГРАММА .

(Подражание французскому)

Супругою твоей я так пленился,
Что если б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане,
Чтоб третью лишь принять он согласился.

К Н. Г. ЛОМОНОСОВУ

И ты, любезный друг, оставил
Надежду пристань тишины,
Челнок свой весело направил
По влаге бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно светят небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправит *счастье* паруса.
Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал,
Чтоб бурный вихорь не вздувал
Пред челноком шумящи воды!
Дай бог под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С *любовью, дружбой* неразлучно!
Нет! ты не можешь их забыть!
Но что! Не скоро, может быть,
Увижусь я, мой друг, с тобою
Укромной хаты в тишине;
За чашей пунша круговую
Подчас вспомнишь обо мне;
Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: «Дай бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел».

• ЭПИГРАММА

Бывало, прежних лет герой,
Окончив славу брань с противной стороной,
Повесит меч войны среди отческа кущи;
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши.

РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздыхнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя, —
Меня навеки ты забудешь;
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей!

И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий. .
Прости, прости тогда меня.

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца.
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи: «Ее на свете нет,
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет».

Но что сказала я? . . быть может,
Виновную ты встретишь мать,
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой. . .
Но, может быть, пройдешь ты мимо,
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна. . .
С волнением сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

ЛЕДА
(Кантата)

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых,
В высоком тростнике, где частым жемчугом
 Вздучалась пена вод серебристых,
 Колелясь тихим ветерком,
 Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И прелести ее поток волной игривой
 С весельем оршал.

Житель рощи торопливый,
Будь же скромн, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Изменить страшитесь ей!

Леда робостью трепещет,
Тихо дышит снежна грудь,
Ни волна вокруг не плещет,
Ни зефир не смеет дуть.

В роще шорох утихает,
Всё в прелестной тишине;
Нимфа далее ступает,
Робкой вверившись волне.

Но что-то меж кустов прибрежных восшумело,
И чувство робости прекрасной овладело;
Невольнo вздрогнула, не в силах вздохнуть.
И вот пернатых царь из-под склоненной ивы,
 Расправя крылья горделивы,

К красавице плывет — веселья полна грудь;
С шумящей пеною отважно волны гонит,
Крылами воздух бьет,
То в кольца шею вьет,
То гордую главу, смирясь, пред Ледой клонит.

Леда смеется.
Вдруг раздается
Радости клик.
Вид сладострастный!
К Леде прекрасной
Лебедь приник.
Слышно стенанье,
Снова молчанье,
Нимфа лесов
С негою сладкой
Видит украдкой
Тайну богов.

Опомнясь наконец, красавица младая
Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая,
И что ж увидела? — На ложе из цветов
Она покоится в объятиях Зевеса;
Меж ними юная любовь, —
И пала таинства прелестного завеса.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды:

В темной рощице тaitся
Часто пламенный Эрот;
С хладной струйкою катится,
Стрелы прячет в пене вод.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины.

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Возрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
«Исчезло всё, великой нет!»
И, в думу углублен, над злачными брегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищеньи дух.

Он видит, окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяся крылами,
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикраты обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страхась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел.

Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре лютой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля,
И села мирные и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделось вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Всё рушат, всё свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрерывно,
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи. . .
Но клики раздались! . . идут в дали туманной! —
Звучат кольчуги и мечи! . .

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все местью, славой дышат,
Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный вседержитель
Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях галл кремля! ..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал! ..

Где ты, краса Москвы стоголавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли зданья вельможей и царей,
Всё пламене истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях берега и светлы рощи:
Всё мертво, всё молчит.

Утешься, мать градов России,
Возри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца,

Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей, с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас героям в честь прольется,
И струны гордые посыплют огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

ЛИЦИНИЮ

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
Венчанный лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой?
Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
Умильно вслед за ним стремится усердный взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые и старцы в сединах,
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленный,
Есть некий памятник почетный и священный.

О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулию! Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей;
Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий римлян царь! . . О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с поникшею главою,
В изорванном плаще, с дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?

«Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!» —
«Куда: не знаю сам; давно молчу и вижу;
Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу».

Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смиренно поклонясь Фортуне и мечтам,
Седого циника примером научиться?
С развратным городом не лучше ль нам проститься,
Где всё продажное: законы, правота,
И консул, и трибун, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Неопытность других в наемну ловит сеть!
Нам стыдно слабости с морщинами иметь;
Тщеславной юности оставим блеск веселий:
Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож Корнелий
Торгуют подлостью и с дерзостным челом
От знатных к богачам ползут из дома в дом!
Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных мудрецов, обманчивых красот!
Завистливой судьбы в душе презрев удары,
В деревню пренесем отеческие лары!
В прохладе древних рощ, на берегу морском,
Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в глуши уединенья.
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Вспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенный венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани.

И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

ГОРОДОК

(в ...)

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великий град Петра,
От утра до утра
Два года всё кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах;
Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у налоя
В великой четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной;
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,

Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный;
Здесь грома вовсе нет;
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожную клюкой
В калитку постучится. . .

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест, когда захочет,

О госте не хлопóчет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет — аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет — сладко спит,
На *Рифмова* склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Издетства стал пиит;
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук —
Скажу ль? . . . отец Кандида —
Он всё; везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.

В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекший в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя.
Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок).
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин.
За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полке
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенья
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненье. . .
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненья,
Презревшие печать.
Хвала вам, чады славы,
Враги парнасских уз!
О князь, наперсник муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил;
И ты, замысловатый

Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Талье дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я — с *Чернавкой*
Подщипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятенье
Плененные цари,
Забыв войну, сраженья,
Играют в кубари. . .
Но назову ль детину,
Что доброю порою
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплестать венки:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!

Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,
То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьёю волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен ввек пиит!»

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертнем льститься? . .
До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,

Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И, мною вдохновенный,
На лире вздохнет.

Покамест, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижусь я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию молодой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоли, где расцвел
Мой горестный удел? . .
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвения тропой;
И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огонь в сердца,

И граций стан прелестный
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях
Покоясь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилась она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах! . .
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет — и пропал
Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон,
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но всё ли, милый друг,
Быть счастья в упоеньи?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихую рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя злак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлеченья,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок

У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Всё сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку,
Играя, разломал, —
Старушка всё расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает всё свое;
А я сижусь смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда *Свистова*
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откусать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой

В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел навстречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю;
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Но, друг мой, если вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами
(И слово уж сдержу),
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.

К НАТАШЕ

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени;
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет-Наташа! где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней — позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

ВОДА И ВІНО

Люблю я в полдень воспаленный
Прохладу черпать из ручья
И в роще тихой, отдаленной
Смотреть, как плещет в брег струя.
Когда ж вино в края поскачет,
Напелясь в чаше круговой,
Друзья, скажите, — кто не плачет,
Заране радуясь душой?

Да будет проклят дерзновенный,
Кто первый грешною рукой,
Нечестьем буйным ослепленный,
О страх! .. смешил вино с водой!
Да будет проклят род злодея!
Пусть не в силах будет пить,
Или, стаканами владея,
Лафит с цымлянским различить!

ПЗМЕНЫ

«Всё миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил;
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Всё позабудь;
В новой сей доле
Счастливо будь.
Только весною
Зэфир младою
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец;
Ах! для тебя ли,

Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет? . .
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиренье
Черпать забвенья
И — для друзей
Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».

В скучной разлуке
Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весной
Юную Хлою
Вздумал любить;
Как ветерочек
Ранней порой
Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал.
Что же? — напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!

Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися
Грустью моей.
Тщетно взывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец. . .
Так! до могилы
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увитый
Цепи влачи. . .

БАТЮШКОВУ

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Иппокреной
С издетства напоенный,
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.

Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно;
Нескладно хоть играл,
Но музам не сучал.

А ты, певец забавы
И друг пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезею полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.

Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать не даром,
Бреду своим путем:
Будь всякий при своем.

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ (1815)

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна;

Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.

В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:

«Вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не вззоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн. . .

О, скоро ли, напелясь под рулями,
Меня помчит покорная волна,
И спящих вод прервется тишина? . .
Волнуйся, ночь, над эльбскими скалами!
Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные дружины,
Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!
Уж мир лежит в оковах предо мной!
Прейду я к вам сквозь черные пучины
И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими орлами
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щит! . .

Но вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не вззоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн. . .

О счастье! злобный обольститель,
И ты, как сладкий сон, сокрылось от очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громаы вокруг меня,
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом? . .

Но туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром! . .
Полнощи царь молодой! ты двинул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне — позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкий щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.

И тихо всё кругом. В безмолвии ночей
Напрасно чудится мне смерти завыванье,
И стук блистающих мечей,
И падших ярое стенанье —
Лишь плещущим волнам внимает жадный слух;

Умолк сражений клик знакомый,
Вражды кровавой гаснут громы,
И факел мщения потух.
Но близок час! грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай — твой бич восстал — и всё падет во прах,
Всё сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!»

Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал;
Восточная звезда играла в океане,
И зрелась ладья, бегущая в тумане
Под сводом эльбских грозных скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Всё смолкло. . . трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

К ПУЩИНУ

(4 мая)

Любезный именинник,
О Пущин дорогой!
Прибрел к тебе пустынный
С открытою душой;
С пришельцем обнимися —
Но доброго певца
Встречать не суетися
С парадного крыльца;
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты;
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостям пирушку;
На столик вощаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час.
Пускай ума светильник
Погаснет ныне в нас,
Пускай старик крылатый
Летит на почтовых!
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь одних.

Ты счастлив, друг сердечный:
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,
Проходит день за днем,
И ты в беседе граций,
Не зная черных бед,
Живешь, как жил Гораций,
Хотя и не поэт.
Под кровом небогатым
Ты вовсе не знаком
С зловещим Гиппократом,
С нахмуренным попом;
Не видишь у порогу
Толпящихся забот;
Нашли к тебе дорогу
Веселость и Эрот;
Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой,
И демон метроманов
Не властвует тобой.
Ты счастлив в этой доле;
Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Придется замолчать. . .

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок; наливай!
Веселье, будь до гроба . . .
Сопутник верный наш, . . .
И пусть умрем мы оба . . .
При стуке полных чаш!

К ГАЛИЧУ

Пускай угрюмый рифмотвор,
Повитый маком и крапивой,
Холодных од творец ретивый,
На скучный лад сплетая вздор,
Зовет обедать генерала, —
О Галич, верный друг бокала
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый,
Под отдаленный неги кров.
Давно в моем уединеньи,
В кругу бутылок и друзей,
Не зрели кружки мы твоей,
Подруги долгих наслаждений,
Острот и хохота гостей.
В тебе трудиться нет охоты;
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок.
Зайди к жиду Золотареву,
В его, всем общий, уголок;
Мы там, собравшись в кружок,
Прольем вина струю багрову,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое.
И хлынет пиво золотое,
И гордый на столе пирог
Друзей стесненными рядами,

Сверкая светлыми ножами,
С тобою храбро осадим
И мигом стены разгромим;
Когда ж, вином отягощенный,
С главой, в колени преклоненной,
Захочешь в мире отдохнуть
И, опускаясь в подушку,
Дабы спокойнее заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диван, —
Тогда послания, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты
Покинут скромный наш карман,
И крепок сон ленивца будет! . .
Но рюмок звон тебя разбудит,
Ты вскочишь с бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку —
И в келье снова пир горой.

О Галич, время невозвратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, послуша славы глас,
Покину кельи кров приятный,
Татарский сброшу свой халат.
Простите, девственные музы!
Прости, приют младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных муз —
В числе воюющих корнетов!
О Галич, Галич! поспедай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок полный через край!

МЕЧТАТЕЛЬ

По небу крадется луна,
На холме тьма седеет,
На воды пала тишина,
С долины ветер веет,
Молчит певица вешних дней
В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тих полет полнощи;

И мирный неги уголок
Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,
И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
Пред глиняным пенатом.

Главою на руку склонен,
В забвении глубоком,
Я в сладки думы погружен
На ложе одиноком;
С волшебной ночи темнотой,
При месячном сиянье,
Слетают резвою толпой
Крылатые мечтанья,

И тихий, тихий льется глас;
Дрожат золотые струны.
В глухой, безмолвный мрак час
Поет мечтатель юный;
Исполнен тайною тоской,
Молчаньем вдохновенный,
Летает резвою рукою
На лире оживленной.

Блажен, кто в низкий свой шалаш
В мольбах не просит счастья!
Ему Зевес надежный страж
От грозного ненастья;
На маках лени, в тихий час,
Он сладко засыпает,
И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает.

Пускай, ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой.

Нашел в глуши я мирный кров
И дни веду смиренно;
Дана мне лира от богов,
Поэту дар бесценный;
И муза верная со мной:
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.

На слабом утре дней золотых
Певца ты осенила,
Венком из миртов молодых
Чело его покрыла,

И, горним светом озарясь,
Влетела в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

О, будь мне спутницей молодой
До самых врат могилы!
Летай с мечтаньем надо мной,
Расправля легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Пленяйте ум... обманом,
И милой жизни светлу даль
Кажите за туманом!

И тих мой будет поздний час;
И смерти добрый гений
Шепнет, у двери постучась:
«Пора в жилище теней!..»
Так в зимний вечер сладкий сон
Приходит в мирны сени,
Венчанный маком и склонен
На посох томной лени... .

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ. ДРУЗЬЯМ

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь. . .
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приблизьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье!
Певец решил умереть.
Итак, с вечернею луною,
В саду нельзя ли дерн одеть
Узорной белой пеленою?
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши,
Нельзя ль, устроив длинный ход,
Нести наполненные чаши?
Зовите на последний пир
Спесивой Семелеи сына,
Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина.
Пускай веселье прибежит,
Махая резвою гремяшкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной пенистою кружкой.
Пускай игривую толпой
Слетят родные наши музы,
Им первый кубок круговой,
Друзья! священны нам их узы.

До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета
Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди;
В последний раз, томимый нежно,
Не вспомню вечность и друзей;
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней.

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте грозд Анакреона,
Он был учителем моим,
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона.
Простите, милые друзья!
Подайте руку, до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру,
Да будут музы над тобой! . .
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущин, ветренный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец.
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!

На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;

Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить. . .
Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
*«Здесь дремлет юноша-мудрец,
Питомец нег и Аполлона».*

К НЕЙ

Эльвина, милый друг! приди, подай мне руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи, увижу ли, на долгую ль разлуку
Я роком осужден?

Ужели никогда на друга друг не взглянет?
Иль вечной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина! почему в часы глубокой ночи
Я не могу тебя с восторгом обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой, в блаженствах наслажденья
Твой шопот сладостный и тихий стон внимать,
И тихо в скромной тьме для неги пробужденье
Близ милой засыпать?

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ

Ты не наследница Клероны;
Не для тебя свои законы
Владелец Пинда начертал;
Тебе не много бог послал,
Твой голосок, телодвиженья,
Немые взоров обращенья
Не стоят, признаюсь, похвал
И шумных плесков удивленья.
Жестокой суждено судьбой
Тебе актрисой быть дурной;
Но, Хлоя, ты мила собой,
Тебе вослед толпятся смехи,
Сулят любовникам утехи —
Итак, венцы перед тобой,
И несомнительны успехи.

Ты пленным зрителя ведешь,
Когда без такта ты поешь,
Недвижно стоя перед нами,
Поешь — и часто невпопад,
А мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:
«Bravo! bravissimo! чудесно!»
Свистки сатириков молчат,
И все покорствуют прелестной.

Когда в неловкости своей,
Ты сложишь руки у груди,

Или подынешь их и снова
На грудь положишь, застыдась;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для нас,
В любви без чувства уверяешь;
Или без памяти в слезах,
Холодный испуская *ах!*
Спокойно в кресла упадаешь,
Краснея и чуть-чуть дыша, —
Все шепчут: «*Ах! как хороша!*»
Увы! другую б освистали:
Велико дело красота.
О Хлоя, мудрые солгали:
Не всё на свете суета.

Пленяй же, Хлоя, красотой!
Стократ блажен любовник тот,
Который нежно пред тобою,
Осмелясь, о любви поет,
В стихах и прозою на сцене
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвечать,
Не смея молвить об измене;
Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой,
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой!

ВОСПОМИНАНИЕ

(К Пущину)

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

Как, укрывшись молчаливо
В нашем темном уголке,
С Вакхом нежились лениво,
Школьной стражи вдалеке?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли! . .
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали. . .

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.

Убегаем торопливо —
Вмиг исчез минутный страх!

Щек румяных цвет игривый,
Ум и сердце на устах,

Хохот чистого веселья,
Неподвижный, тусклый взор
Изменяли час похмелья,
Сладкий Вакха заговор!

О друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякий год в часы беспечны
Поминать его вином.

ПОСЛАНИЕ К ГАЛИЧУ

Где ты, ленивец мой?
Любовник наслажденья!
Ужель уединенья
Не мил тебе покой?
Ужели мне с тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнасского бродяги?
На Пинде мой сосед,
И ты от муз укрылся,
Минутный домосед,
С пенатами простился!
Уж темный уголок
И садик опустели,
Где мы под вечерок
За рюмками шумели;
Где Ком нас угощал
Форелью, пирогами,
И пенистый бокал
Нам Бахус подавал.
Бегут за днями дни
Без дружеских собраний;
Веселых пирований
Веселые сыны
С тобой разлучены;
И шумные беседы
И долгие обеды
Не столь оживлены.

Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,
Беседовать с тобой.
Уж темна ночь объемлет
Брега спокойных вод,
Мурлыча, в келье дремлет
Спесивый, старый кот;
Покамест сон прелестный,
Под сенью тихих крил,
В обители безвестной
Меня не усыпил,
Морфея в ожиданье,
В постеле я лежу
И беглое посланье
Без строгого старанья
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Где Фебовы сестрицы
Мне с негой вьют досуг,
Скажи: среди столицы
Чем занят ты, мой друг?
Ужель приют поэта
Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей
И ближних и друзей?
Ужель в театре шумном,
Где дюжий Аполлон
Партером полуумным
Прославлен, оглушен,
Измученный напевом
Бессмысленных стихов,
Ты спишь под страшным ревом
Актеров и смычков?
Или, мудрец придворный,
С улыбкою притворной
Пред лентою цветной
Поникнув головой,
С вертушкою слепой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столом

В куплете заказном
Трусливо величаешь? . .
Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден;
Он любит тишину;
Судьбе своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь веселым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.
Пускай не дружен он
С Фортуною коварной,
Но Вакхом награжден
Философ благодарный,
Когда сей бог молодой
Вечернею порой
Лафит и грог янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит,
Качаясь на ногах.
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведет,
И дружба молодая
Венки ему плетет,
И счастлив он, признаться,
На деле, не в мечтах,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылах,
Когда друзья-поэты
С утра до ночи с ним
Шумят, поют куплеты,
Пьют *мозель* разогретый,
Приателям своим
Послания читают
И трубку разжигают
Безрифминым лихим! . .

Оставь же город скучный,
С друзьями съединись
И с ними неразлучно
В пустыне уживись.
Беги, беги столицы,
О Галич мой, сюда!
Здесь розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом,
С тибурским мудрецом
Мы часто за бокалом
Проснемся — и заснем.
Смотри: тебе в награду
Наш Дельвиг, наш поэт,
Несет свою балладу,
И стансы винограду,
И к лилии куплет.
И полон становится
Твой малый, тесный дом;
Вот с милым остряком
Наш песельник тащится
По лестнице с гудком,
И все к тебе нагрянем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень.
Подруги молодые
Нас будут посещать;
Нам жизни дни златые
Не страшно расточать.
Поделится с забавой
Мы веком остальным,
С волшебницею-славой
И с Вакхом молодым.

МОЯ ЭПИТАФИЯ

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, ленью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
 Ей-богу, добрый человек.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря,
 Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынном клубится река,
Ленивой грядою идут облака,
 Меж ими луна золотая.

Чугунные латы на холме лежат,
Копье раздробленно, в перчатке булат,
 И щит под шоломом заржавым,
Вонзились шпоры в увлажненный мох:
Лежат неподвижно, и месяца рог
 Над ними в блистаньи кровавом.

Вкруг холма обходит друг сильного — конь;
В очах горделивых померкнул огонь,
 Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин
И смотрит на латы — конь верный один,
 И дико трепещет и стонет.

Во тьме заблудившись, пришелец идет,
С надеждою робость он в сердце несет,
 Склонясь над дорожной клюкою,
На холм он взобрался, и в тусклую даль
Он смотрит, и сходит — и звонкую сталь
 Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец, кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
 По камням шелом покатился,
Скрывался в нем череп. . . при звуке глухом
Заржал конь ретивый — скок лётном на холм,
 Взглянул. . . и главою склонился.

Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Всё мнится, что кости хрустят под ногой. . .
 Но утро денница выводит,
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
 И конь вокруг погибшего ходит.

Б ДЕЛЬВИГУ

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник:
Жилец полей пустынных,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою,
И я главой поник
Пред милою мечтою;
Мой дядюшка-поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я шалил,
Шутя стихи кроил,
А там их напечатал,
И вот теперь я брат
Бестолкову пустому,
Тому, сему, другому,
Да я ж и виноват!

Спасибо за посланье,
Но что мне пользы в нем?
На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом!
Изменник! с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть Прадоном
Отныне суждено.
Везде беды застану!

Увы мне, метроману!
Куда сокроюсь я?
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тиснению предают, —
Бумагу убивают!
Поэта окружают
С улыбкой остряки.
«Ах, сударь! мне сказали,
Вы пишете стишки;
Увидеть их нельзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечек,
Иль тихий ветерочек,
И рощи, и цветки. . .»

О Дельвиг! начертали
Мне музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?
В объятиях Морфея
Беспечный дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться, —
Я, право, неги сын!
А там, хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С Графовым восхищаться. . .
Помилуй, Аполлон!

РОЗА

Где наша роза,
Друзья мой?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

АЛЕКСАНДРУ

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый мир.
Свершилось! . . Русский царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполнил
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под собою.
Бежит. . . и мести гром слетел ему вослед;
И с трона гордый пал. . . и вновь восстал. . . и нет!

Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И мезтью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной стали!

«К мечам!» — раздался клик, и вихрем понеслись;
Знамена, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат; и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодною рукой! . .
А я . . вдали громов, в сени твоей надежной . . .
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!
Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился,
Когда на сильного с сынами устремился;
И, чела приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы? . . Ужели грозный пал? . .
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал? . .»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукою,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
Все лица радостью, любовью блестят.
Внемли — повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.

Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.
Ты наш, о русской царь! оставь же шлем стальной,
И грозный меч войны, и щит — ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной! . .
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изошренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся,
И молча некогда вокруг старца соберутся,
Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

*** БАКУНИНОЙ**

Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей.

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихую, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!..

СЛЕЗА

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
Мой храбрый спросил. —
Еще по ней ты, слава богу,
Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет *ее* со мною! ..»
Вздыхнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И канула в бокал.
«Дитя! ты плачешь о девице;
Стыдись!» — он закричал.

«Оставь, гусар. . . ох! сердцу больно.
Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
Чтоб отравить бокал! ..»

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

К БАР. М. А. ДЕЛЬВИГ

Вам восемь лет, а мне семнадцать било.
И я считал когда-то восемь лет;
Они прошли. В судьбе своей унылой,
Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было.
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне — мы спасены лишь верой.
Послушайте, Амур, как вы, хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож —
В мои лета вы будете Венерой.

Но если только буду жив
Всевышней благостью Зевеса
И столько же красноречив —
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства —
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: «Ради ваших глаз,
О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов».
Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму,
Удастся ль мне под старость дней
Вам посвятить эпиталаму?

МОЕМУ АРИСТАРХУ

Помилуй, трезвый Аристарх
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветреных стихах:
Плоды веселого досуга,
Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга,
Или для Хлои молодой.
Помилуй, сжался надо мной —
Не нужны мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки.
Конечно, беден гений мой:
За рифмой часто холостой,
На зло законам сочетанья,
Бегут трестопные толпой
На *аю*, *ает* и на *ой*.
Еще немногие признанья:
Я ставлю (кто же без греха?)
Пустые часто восклицанья,
И сряду лишних три стиха;
Нехорошо, но оправданья
Нельзя ли скромно принести?
Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?
Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беснуясь по ночам,

Окован стихотворной думой,
Покою жертвую стихам;
Что, бегая по всем углам,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовым жрецам
Сверкаю грозными очами,
Едва дыша, нахмуря взор
И засветив свою лампаду,
За шаткий стол, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трестопный вздор...
Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнаса,
Родитель стареньких стихов,
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных.

Люблю я праздность и покой,
И мне досуг совсем не бремя;
И есть и пить найду я время.
Когда ж нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота,
На славу дружбы иль Эрота, —
Тотчас я труд окончу свой.
Сижу ли с добрыми друзьями,
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю —
И никого уж не морю
Моими резвыми стихами...
Но ежели когда-нибудь,
Желая в неге отдохнуть,
Расположась перед камином,
Один, свободным господином,
Поймаю прежнюю мысль мою, —
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И их вполголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Как я беседую с тобой?
Беспечный Пинда посетитель,
Я с музой нежусь молодой. . .
Уж утра яркое светило
Поля и рощи озарило;
Давно пропели петухи;
Вполглаза дремля и зевая,
Шапеля в песнях призывая,
Пишу короткие стихи,
Среди приятного забвенья
Склонясь в подушку головой,
И в простоте, без украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал,
Или с улыбкой рисовал
В непринужденном упоенье
Уединенный свой чердак.
В таком ленивом положенье
Стихи текут и так и сяк.
Возможно ли в свое творенье,
Уняв веселых мыслей шум,
Тогда вперять холодный ум,
Отделкой портить небылицы,
Плоды бродящих резвых дум,
И сокращать свои страницы?

Анакреон, Шолье, Парни,
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в прежни дни
Своих любовниц воспевали.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой,
Но не блестящие дары
Поэзии трудолюбивой.
На верх Фессальския горы
Вели вас тайные извивы;

Веселых граций перст игривый
Младые лиры оживлял,
И ваши чела обвивал
Детей пафосских рой шутливый.
И я, неопытный поэт,
Небрежный ваших рифм наследник,
За вами крадуся вослед. . .
А ты, мой скучный проповедник,
Умерь ученый вкуса гнев,
Поди кричи, брани другого
И брось ленивца молодого,
Об нем тихонько пожалев.

ТЕНЬ ФОНВИЗИНА

В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх.
«Позволь на время удалиться, —
Владыке ада молвил он, —
Постыл мне мрачный Флегетон,
И к людям хочется явиться».
«Ступай!» — в ответ ему Плутон;
И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон
Челнок ко берегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот — выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился,
Всё идет той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,
Всё те же песенки поют,

Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь, в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Всё столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Вздыхнул Денис: «О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.
Но где же братии-поэты,
Мои парнасские клеветы,
Питомцы граций молодых?
Желал бы очень видеть их».
Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой набекрени,
Богов посланник молодой
Слетает вдруг к нему стрелой.
«Пойдем, — сказал Эрмий поэту, —
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных — лозами наградить,
Других — венком увить свирели».
Сказал, взвились и полетели.

Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень;

Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет,
И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокий;
Там Кропов в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумьи за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи.
«Кто он?» — «Издатель «Демокрита»!
Издатель, право, пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжело,
А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? смеяться над бедняжкой,
Ей-богу, братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить
И далее полет направить
К певцам российским записным?» —
«Быть так, Меркурий, полетим».
И оба путника пустились
И в две минуты опустились
Хвостову прямо в кабинет.
Он не спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте анненской табак,
Повсюду разлиты чернила,
Сопит себе Хвостов унылый.
«Ба! в полночь кто катит ко мне?
Не брежу, полно ль, я во сне!
Что случилось с бедной головою!
Фонвизин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно, он!» —

«Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружище!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?» —
«Увы! несчастному поэту, —
Нахмурясь отвечал Хвостов, —
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне с парнасского задору
Хоть удавись — так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад,
Пишу, пою на всякий лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В «Аспазии» боготворят.
А всё последний я в поэтах,
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хотят,
Куда ни сунусь, всюду свист —
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.
Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.
Никто не думает о том.
Но я — поставлю на своем.
Пускай мой перушкахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой,
Геройской вооружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой
И буду в аде век писать
И притчи дьяволам читать».
Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечой взмахнув крылами,
Во тьме с Фонвизинным пропал.

Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил —
Вздыхнул, зевнул, перекрестился,
Свой труд доканчивать пустился,
Поутру оду смастерил
И ею город усыпил.

Меж тем поклон отдал Хвостову,
Творец, списавший Простакову,
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем *боскете* князь Шальной,
Краса писателей-Морфеев,
Сидел за книжкой записной,
Рисуя в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,
О страх! он в обморок упал.
И ты славяно-росс надутый,
О Безглагольник пресловутый,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
Из рук упала *Петриада*,
И дикий взор оцепенел.
И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтири обученный,
Ужасный критикам старик!
Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страха пала ниц.
И ежемесячный вздыхатель,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет,
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгий тенью посещен;

Не спас ребенка Купидон;
Блюститель чести муз усердный
Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фонвизина рука!

«Довольно! нет во мне охоты, —
Сказал он, — у худых писцов
Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;
Но где певец Екатерины?» —
«На берегах поет Невы». —
«Итак, стигийские долины
Еще не видел он?» — «Увы!» —
«Увы? скажи, что значит это?» —
«Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел;
Ты всё увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика».
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фонвизин тотчас рассказал
Свои в том мире похождения.
«Так ты здесь в виде привиденья? .. —
Сказал Державин, — очень рад;
Прийми мои благословенья. . .
Брысь, кошка! . . сядь, усопший брат;
Какая тихая погода!
Но кстати вот на славу ода, —
Послушай, братец». — И старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье;
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленье
Внимала молча песнопенье,
Поникнув долу головой:

«Открылась тайн священных дверь! . .
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила! . .
Благословен господь наш бог!» . . .

«Ого! — насмешник мой воскликнул, —
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров;
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен;
Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь. . .
Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем — бешуся я невольно».
И мигом отлетел он прочь.

«Какое чудное явленье!» —
Фонвизин спутнику сказал.
«Оставь пустое удивленье, —
Эрмий с усмешкой отвечал. —
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора
И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его спокоеить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис предложить.
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?»

«Пора домой, — вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец, —
Оставим наскоро Россию;

Бродить устал я наконец». Но вдруг близ мельницы стучащей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой:
К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон
Грозит с усмешкой у порога.
«Конечно, здесь живет певец, —
Сказал обрадуясь мертвец, —
Взойдем!» Взошли и что ж узрели?
В приятной неге, на постеле
Певец пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом
С прелестной Лилою дремал
И, подрумяненный фиалом,
В забвеньи сладостном шептал.
Фонвизин смотрит изумленный.
«Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?»
«Он стоит их, — сказал Меркурий, —
Эрата, грации, амуры
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но лени связанный уздою,
Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он пиит». —
«Так я же разбужу повесу», —
Сказал Фонвизин, рассердясь,
И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещей глас,
С досадой, весь в пуху проснулся,
Лениво руки протянул,
На свет насили проглянул,
Потом в сторонку обернулся
И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?

Повеся нос идти к покою
И только про себя ворчать.
Я слышал, будто бы с досады
Бранил он русских без пощады
И вот изволил что сказать:
«Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет
И дело не пойдет на лад».

ГРОБ АНАКРЕОНА

Всё в таинственном молчаньи;
Холм оделся темнотою;
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине;
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец. . .
Други, здесь почиет в мире
Сладострастия мудрец.
Посмотрите: на порфире
Оживил его резец!
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: «Я сед и стар,
Жизнью дайте ж насладиться;
Жизнь, увы, не вечный дар!»
Здесь, подняв на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Долг последний заплатить:
Старец пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить.

Вкруг любовника седого
Девы скачут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы и хариты
В гроб любимца увели;
Плющем, розами увиты,
Игры вслед за ним пошли. . .
Он исчез, как наслажденье,
Как веселый сон любви.
Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

ПОСЛАНИЕ К ЮДИНУ

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.
Но можно ль резвому поэту,
Невольнику мечты молодой,
В картине быстрой и живой
Изобразить в порядке свету
Всё то, что в юности златой
Воображение мне кажет?

Теперь, когда в покое лень,
Укрыв меня в пустыню сень,
Своею цепью чувства вяжет,
И век мой тих, как ясный день,
Пустого неги украшенья
Не видя в хижине моей,
Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей
И, счастливый самим собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю *завтра*, ни *вчера*,
Доволен скромною судьбою
И думаю: «К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?
К чему им сукна Альбиона

И пышные чехлы Лиона
На модных креслах и столах,
И ложе шалевое в спальней?
Не лучше ли в деревне дальней
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь незнакома,
Где можно в праздник отдохнуть!»
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновиденья!
Ужель отрад уединенья
Ему вкушать не суждено?
Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона
И глухо тополы шумят.
Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах;
Вот здесь под дубом наклоненным
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах.
Вблизи ручей шумит и скачет,
И мчится в влажных берегах,
И светлый ток с досадой прячет
В соседних рощах и лугах.
Но вот уж полдень. В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.

Соседи шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чаш внимаем звону:
Все хвалят Вакха и Помону
И с ними красную весну. . .

Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит,
И — помнится — зовется славой, —
Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой. . .
Вот мой камин — под вечер темный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья. . .
Вот здесь. . . но быстро привиденья,
Родясь в волшебном фонаре,
На белом полотне мелькают;
Мечты находят, исчезают,
Как тень на утренней заре.
Меж тем как в келье молчаливой
Во плен отдался я мечтам,
Рукой беспечной и ленивой
Разбросив рифмы здесь и там,
Я слышу топот, слышу ржанье.
Блеснув узорным чепраком,
В блестящем ментии сиянье
Гусар промчался под окном. . .
И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,

Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската. . .
Трепещет бранью грудь моя
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор, — и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие лары,
Спасите юношу в боях!
Там свищет саблей он зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой на плечах
И, молча преклонясь ко гриве,
Он мчит стрелой по скользкой ниве
С цыгарой дымною в зубах. . .

Но, лаврами побед увиты,
Бойцы из чаши мира пьют.
Военной славою забытый,
Спешу в смиренный свой приют;
Нашед на поле битв и чести
Одни болезни, костыли,
Навек оставил саблю мести. . .
Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи темны,
Калитку, садик, ближний пруд,
И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мне приют
И, мир забыв и им забвенный,
Покой души вкушаю вновь. . .

Скажи, о сердцу друг бесценный,
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселе в резвости беспечной
Брели по розам дни мои;

В невинной ясности сердечной
Не знал мучений я любви,
Но быстро день за днем умчался;
Где ж детства ранние следы?
Прелестный возраст миновался,
Увяли первые цветы!
Уж сердце в радости не бьется
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьется
С дыханьем тихим ветерка,
И в беспокойстве непонятном
Пылаю, тлею, кровь горит,
И всё языком, сердцу внятным,
О нежной страсти говорит. . .
Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая Сушкова?
Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.
То на конце аллеи темной
Вечерней тихою порой
Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой,
Твой шалью стан не покровенный,
Твой взор, на груди потупленный,
В щеках любви стыдливый цвет.
Всё тихо; брезжит лунный свет;
Нахмурясь топол шевелится,
Уж сумрак тусклой пеленой
На холмы дальние ложится,
И завес рощицы струится
Над тихо-спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты в рощице со мною,
На костыли мои склоняясь,
Стоишь под ивою густою;
И ветер сумраков, резвясь,
На снежну грудь прохладой дует,
Играет локоном волос

И ногу стройную рисует
Сквозь белоснежный твой покров. . .
То часом полночи глубоким,
Пред теремом твоим высоким,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую —
Готовы сани; мрак густой;
Всё спит, один лишь я тоскую,
Зову часов ленивый бой. . .
И шорох чудится глухой,
И вот уж шопот слышу сладкий, —
С крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша; идет украдкой,
И дева друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По ветру гривы распустились,
Несутся в снежной глубине;
Прижалась робко ты ко мне,
Чуть-чуть дыша; мы обомлели,
В восторгах чувства онемели. . .
Но что! мечтанья отлетели!
Увы! я счастлив был во сне. . .

В отрадной музам тишине
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, молодых певцов удел.
Питомец муз и вдохновенья,
Стремясь фантазии вослед,
Находит в сердце наслажденья
И на пути грозящих бед.
Минуты счастья золотые
Пусть мне Клофо не совет:
В мечтах все радости земные!
Судьбы всемошнее поэт.

К ЖИВОПИСЦУ

Дитя харит и вдохновенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;

Красу невинности прелестной,
Надежды милые черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

СТАРИК
ИЗ МАРО

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста молодого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

К ЖУКОВСКОМУ

Благослови, поэт! . . В тиши парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени:
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкою смирить не в силах я влеченья;
Не грозный приговор на гибель внемлю я:
Сокрытого в веках священный судия,¹
Страж верный прошлых лет, наперсник муз любимый
И бледной зависти предмет неколебимый
Приветливым меня вниманьем ободрил;
И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил;
И славный старец наш, царей певец избранный,²
Крылатым гением и грацией венчаный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой,
И счастье мне предрек, неизвестное мной.
И ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела, —
Нет, нет! решился я — без страха в трудный путь,
Отважной верою исполнилася грудь;
Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья! . .

¹ Карамзин.

² Державин.

Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,
Лечу к *безвестному* отважною мечтой,
И, мнится, гений ваш промчался надо мной!

Но что? Под грозною парнасскою скалою
Какое зрелище открылось предо мною?
В ужасной темноте пещерной глубины
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенных творцов зоилы записные
Сидят — бессмыслицы дружины боевые.
Далеко диких лир несется резкий вой,
Варяжские стихи визжит варягов строй.
Смех общий им ответ; над мрачными толпами
Во мгле два призрака склонились главами.
Один на груди сел и прозы и стихов —
Тяжелые плоды полунощных трудов,
Усопших од, поэм забвенные могилы!
С улыбкой внемлет вой стопосложитель хилый:
Пред ним растерзанный стонает Тилемах;
Железное перо скрипит в его перстах
И тянет за собой гексаметры сухие,
Спондеи жесткие и дактилы тугие.
Ретивой музою прославленный певец,
Гордись — ты Мевия надутый образец!
Но кто другой, в дыму безумного куренья,
Стоит среди толпы друзей непросвещенья?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
Он — он под рифмою попрали и вкус и ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспоривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полунощное диво? . . .¹
Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?

¹ Ломоносов.

Страшилась грация цинической свирели,
И персты грубые на лире костенели.
Пусть будет Мевием в речах превознесен —
Явится Депрео, исчезнет Шапелен.

И что ж? всегда смешным останется смешное;
Невежду пестует невежество слепое.
Оно сокрыло их во мрачный свой приют;
Там прозу и стихи отважно все куют,
Там все враги наук, все глухи — лишь не немь,
Те слогом Никона печатают поэмы,
Одни славянских од громады громоздят,
Другие в бешеных трагедиях хрипят,
Тот, верный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зевающую музу,
Бессмертных гениев сорвать с Парнаса мнит.
Рука содрогнулась, удар его скользит,
Вотще бросается с завистливым кинжалом,
Куплетом ранен он, низвержен в прах журналом, —
При свистах критики к собратьям он бежит. . .
И маковый венец Феспису ими свит.
Все, руку положив на том «Тилемахиды»,
Клянутся отомстить сотрудников обиды,
Волнуясь восстают неистовой толпой.
Беда, кто в свет рожден с *чувствительной* душой!
Кто тайно мог пленить красавиц нежной лирой,
Кто смело просвистал шутливою сатирой,
Кто выражается правдивым языком
И русской глупости не хочет бить челом! . .
Он враг отечества, он сеятель разврата!
И речи сыплются дождем на сопостата.

И вы восстаньте же, парнасские жрецы,
Природой и трудом воспитанны певцы
В счастливой ереси и вкуса и ученья,
Разите дерзостных друзей непросвещения.
Отмститель гения, друг истины, поэт!
Лиющая с небес и жизнь и вечный свет,
Стрелою гибели десница Аполлона
Сражает наконец ужасного Пифона.
Смотрите: поражен враждебными стрелами,

С потухшим факелом, с недвижными крылами
К вам Озерова дух взывает: други! месть! . .
Вам оскорбленный вкус, вам знания дали весть —
Летите на врагов: и Феб и музы с вами!
Разите варваров кровавыми стихами;
Невежество, смирясь, потупит хладный взор,
Спесивых риторов безграмотный собор. . .

Но вижу: возвещать нам истины опасно,
Уж Мевий на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговор талантам возгремел.
Гонения терпеть ужель и мой удел?
Что нужды? смело *в даль*, дорогою прямою,
Учению руку дав, поддержанный тобою,
Их злобы не страшусь; мне твердый Карамзин,
Мне ты пример. Что крик безумных сих дружин?
Пускай беседуют отверженные Феба;
Им прозы, ни стихов не послан дар от неба.
Их слава — им же стыд; творенья — смех уму;
И в тьме возникшие низвергнутся во тьму.

ЭЛЕГИИ

I

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Всё те же вы, но сердце уж не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Уж я не тот. . . невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.
Веселие рассталось с душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смех, и резвость, и покой —
Я всё забыл; печали молчаливой
Покров лежит над юною главой. . .
Напрасно вы беседу шутилой
И нежностью души красноречивой
Мой тяжкий сон хотите перервать,
Всё кончилось, — и резвости счастливой
В душе моей изгладилась печать.
Чтоб удалить угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне;
Минувших дней погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.

Перед собой одну печаль я вижу!
Мне страшен мир, мне скучен дневный свет;
Пойду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак, — я радость ненавижу;
Во мне застыл ее минутный след.
Опали вы, листья вчерашней розы!
Не доцвели до месячных лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.

О дружество! предай меня забвенью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам.

II

ОСЕННЕЕ УТРО

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с образом любовницы драгой
Последнее слетело сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, блистает бледный день —
А вокруг меня глухое запустенье. . .
Уж нет ее. . . я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее — и глас уединенный
Пустых долин позвал ее вдали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ незабвенный.
Уж нет ее! . . До сладостной весны

Простился я с блаженством и с душою.
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых;
Там день и ночь кружится желтый лист,
Стоит туман на волнах охладелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

III

К МОРФЕЮ

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

IV

Любовь одна — веселье жизни хладной,
Любовь одна — мучение сердец:
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету,
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!

Но кто любви не жертвовал собою?
Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть — и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий и пристрастный,
Вам терния и мирты раздавал;
С пермесскими царицами согласный,
Иным из вас на радость указал;
Других навек печалью связал
И в дар послал огонь любви несчастной.

Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость;
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,
В объятиях любовниц умирайте;
Стихи любви тихонько вздыхайте! . .
Завидовать уже не смею вам.

Певцы любви! вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли;
Вы свой конец с волненьем призывали;
Пришел конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,
И мукою бессмертны вы своей!

Не тот удел судьбою мне назначен:
Под сумрачным навесом облаков,
В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.
В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сон,
Поэзии зажжется ль упоенье, —
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.

Пускай она прославится другим,
Один люблю, — он любит и любим! . .
Люблю, люблю! . . но к ней уж не коснется
Страдальца глас; она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру
Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий скрылся дым.

V

МЕСЯЦ

Зачем из облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сиянье тусклое наводишь?
Явленьем пасмурным своим
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасные страданья
И строгим разумом моим
Чуть усыпленные желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь темный завес пронизало
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назад?
Почто, минуты, вы летели
Тогда столь быстрой чередой?
И тени легкие редели
Пред неожиданной зарей?
Зачем ты, месяц, укатился
И в небе светлом утонул?

Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился?

VI

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет;
Кого луны туманный луч
Ведет в полночи сладострастной;
Кому тихонько верный ключ
Отворит дверь его прекрасной!

Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слезы!

VII

РАЗЛУКА

Когда пробил последний счастьем час,
Когда в слезах над бездной я проснулся
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся —
Да! помню всё; я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль,
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль.
Забудемся, в мечтах потонет мука;
Уныние, губительная скука
Пустынника приют не посетят;
Мою печаль усладой муза встретит;

Утешусь я — и дружбы тихий взгляд
Души моей холодный мрак осветит».

Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горестям отрады не приводят
И не несут забвения фиал.
О милая, повсюду ты со мною:
Но я уныл и втайне я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —
Я всё тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю,
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышен мне.
Рассеянный сижусь между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнает уж их мой хладный взор!

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь любви ты голос не забыла! . .
О верная, грусти, грусти со мной,
Пусть твои небрежные напевы
Изобразят уныние мое,
И, слушая бряцание твое,
Пусть вздохнут задумчивые девы.

VIII

ДРУЗЬЯМ

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.

Играйте, пойте, о друзья!
Утраťте вечер скоротечный:
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

IX

слово милой

Я Лилу слушал у клавира;
Ее прелестный, томный глас
Волшебной грустью нежит нас,
Как ночью веянье зефира.
Упали слезы из очей,
И я сказал певице милой:
«Волшебен голос твой унылый,
Но слово милья моей
Волшебней нежных песен Лилы».

X

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас
мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.
Я мнил покоиться близ верных берегов,
Уж издали смотреть, указывать рукою.
На парус бедственный пловцов,
Носимых яростной грозою.
И я сказал: «Стократ блажен,
Чей век, свободный и прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страсть ю не был омрачен,
Кто не страдал в любви напрасной,
Кому неведом грустный плен.
Блажен! но я блаженней боле.
Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе... я на воле —
И жизни сумрачное поле
Веселый блеск очаровал!»

Но что я говорил. . . несчастный!
 Минуту я заснул в неверной тишине,
 Но мрачная любовь таилась во мне,
 Не угасал мой пламень страстный.
 Весельем позванный в толпу друзей моих,
 Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
 Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
 Веселье, Вакха и Дельфиру.
 Напрасно! . . я молчал; усталая рука
 Лежала, томная, на лире непослушной,
 Я всё еще горел — и в грусти равнодушной.
 На игры младости взирал издалека.
 Любовь, отравя наших дней,
 Беги с толпой обманчивых мечтаний.
 Не сожигай души моей,
 Огонь мучительных желаний.
 Летите, призраки. . . Амур, уж я не твой,
 Отдай мне радости, отдай мне мой покой: . .
 Брось одного меня в бесчувственной природе,
 Иль дай еще летать надежды на крылах,
 Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
 Мечтать о сладостной свободе.

XI

Я видел смерть; она в молчаньи села
 У мирного порогу моего;
 Я видел гроб; открылась дверь его;
 Душа, померкнув, охладела. . .
 Покину скоро я друзей,
 И жизни горестной моей
 Никто следов уж не приметит;
 Последний взор моих очей
 Луча бессмертия не встретит,
 И погасающий светильник юных дней
 Ничтожества спокойный мрак осветит.

 Прости, печальный мир, где темная стезя
 Над бездной для меня лежала,
 Где вера тихая меня не утешала,
 Где я любил, где мне любить нельзя!

Прости, светило дня, прости, небес завеса,
Немая ночи мгла, денницы сладкий час,
Знакомые холмы, ручья пустынный глас,
 Безмолвие таинственного леса,
 И всё... прости в последний раз.
А ты, которая была мне в мире богом,
Предметом тайных слез и горестей залогом,
Прости! минуло всё... Уж гаснет пламень мой,
 Схожу я в хладную могилу,
 И смерти сумрак роковой
С мученьями любви покроеет жизнь унылу.

А вы, друзья, когда, лишенный сил,
Едва дыша, в болезненном бореньи,
Скажу я вам: «О други! я любил! . . .»
И тихий дух умрет в изнеможеньи,
Друзья мои, — тогда подите к ней;
 Скажите: взят он вечной тьмою. . .
И, может быть, об участи моей
Она вздохнет над урной гробовою. .

ХИ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокий
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.

Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моления:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

ХІІІ

ЖЕЛАНИЕ

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье —
Пускай умру, но пусть умру любя!

ХІV

ОКНО

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел — дева у окна
Одна задумчиво сидела,

Дышала в тайном страхе грудь,
Она с волнением глядела
На темный под холмами путь.

«Я здесь!» — шепнули торопливо,
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо. . .
Луна покрылась темнотой.
«Счастливец! — молвил я с тоскою, —
Тебя веселье ждет одно.
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?»

ХV

НАЕЗДНИКИ

Глубокой ночи на полях
Давно лежали покрывала,
И слабо в бледных облаках
Звезда пустынная сияла.
При умирающих огнях,
В неверной темноте тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченных высотах.
Всё спит; лишь волн мятежный ропот
Разносится в тиши ночной,
Да слышен из дали глухой
Булата звон и конской топот.
Толпа наездников младых
В дубраве едет молчаливой;
Дрожат и пышут кони их,
Главой трясут нетерпеливой.
Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкой,
Коней ласкают и смирят
И с гордой шепчутся улыбкой.
Их лица радостью горят,
Огнем пылают гневны очи;
Лишь ты, воинственный поэт,
Уныл, как сумрак полуночи,
И бледен, как осенний свет.

С главою, мрачно преклоненной,
С укрытой горестью в груди,
Печальной думой увлеченный,
Он едет молча впереди.

«Певец печальный, что с тобою?
Один пред боем ты уныл;
Поник бесстрашную главою,
Бразды и саблю опустил!
Ужель, невольник праздной неги,
Отрадней мир твоих полей,
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?
Тебя мы зрели под мечами
С спокойным, дерзостным челом,
Всегда меж первыми рядами,
Всё там, где битвы падал гром.
С победным съединяясь кликом,
Твой голос нашу славу пел;
А ныне — ты в уныньи диком,
Как беглый ратник, онемел».

Но медленно певец печальный
Главу и взоры приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный
И вздохом грудь поколебал.

«Глубокий сон в долине бранной;
Одни мы мчимся в тьме ночной,
Предчувствую конец желанный,
Меня зовет последний бой!
Расторгну цепь судьбы жестокой,
Влечу я с братьями в огонь;
Удар падет... — и одинокий
В долину выбежит мой конь.

О вы, хранимые судьбами
Для сладостных любви наград;
Любви бесценными слезами
Благословится ль ваш возврат!
Но для певца никто не дышит,

Его настигнет тишина;
Эльвина смерти весть услышит
И не вздохнет об нем она...
В минуты сладкого спасенья,
О други, вспомните певца,
Его любовь, его мученья
И славу грозного конца!»

НАСЛАЖДЕНЬЕ

В неволе скучной увядает
Едва развитый жизни цвет,
Украдкой младость отлетает,
И след ее — печали след.
С минут бесчувственных рожденья
До нежных юношества лет
Я всё не знаю наслажденья,
И счастья в томном сердце нет.

С порога жизни в отдаленье
Нетерпеливо я смотрел:
«Там, там, — мечтал я, — наслажденье!»
Но я за призраком летел.
Златые крылья развивая,
Волшебной нежной красотой
Любовь явилась молодая
И полетела предо мной.

Я вслед. . . но цели отдаленной,
Но цели милой не достиг! . . .
Когда ж весельем окриленный
Настанет счастья быстрый миг?
Когда в сияньи возгорится
Светильник тусклый юных дней
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

СОН

(Отрывок)

Пускай поэт с камильницей наемной
Гоняется за счастьем и молвой,
Мне страшен свет, проходит век мой темный
В безвестности, заглохшею тропой.
Пускай певцы гремящими хвалами
Полубогам бессмертие дают,
Мой голос тих, и звучными струнами
Не оглашу безмолвия приют.
Пускай любовь Овидии поют,
Мне не дает покоя Цитерея,
Счастливых дней амуры мне не вьют:
Я сон пою, бесценный дар Морфея,
И научу, как должно в тишине
Покоиться в приятном, крепком сне.

Приди, о лень! приди в мою пустыню.
Тебя зовут прохлада и покой;
В одной тебе я зрю свою богиню;
Готово всё для гостыи молодой.
Всё тихо здесь; докучный шум укрылся
За мой порог; на светлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И в темный ниш, где сумрак воцарился,
Чуть крадется неверный свет дневной.
Вот мой диван; приди ж в обитель мира;
Царицей будь, я пленник ныне твой.

Учи меня, води моей рукой,
Всё, всё твое: вот краски, кисть и лира.

А вы, друзья моей прелестной музыки,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли,
Конечно, сон спокойный предпочли,
О мудрецы! дивиться вам умея,
Для вас одних я ныне трон Морфея
Поэзии цветами обовью,
Для вас одних блаженство воспою.
Внемлите же с улыбкой снисхожденья
Моим стихам, урокам наслажденья.

В назначенный природой неги час
Хотите ли забыться каждый раз
В ночной тиши, средь общего молчанья,
В объятиях игривого мечтанья?
Спешите же под сельский мирный кров,
Там можно жить и праздно и безопасно,
Там прямо рай; но прочь от городов,
Где крик и шум ленивцев мучит вечно.
Согласен я: в них можно целый день
С прелестницей ловить веселья тень;
В платок зевать, блистая в модном свете;
На бале в ночь вертеться на паркете,
Но можно ли вкушать отраду снов?
Настала тень, — уснуть лишь я готов,
Обманутый призраками ночными,
И вот уже, при свете фонарей,
На бешеной четверке лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится *Спесь* под окнами моими.
Я дремлю вновь, вновь улица дрожит.
На скучный бал *Рассеянье* летит. . .
О боже мой! ужели здесь ложатся,
Чтобы всю ночь бессонницей терзаться?
Еще стучат, а там уже светло,
И где мой сон? не лучше ли в село?
Там рощица листочков трепетаньем,
В лугу поток таинственным журчаньем,
Златых полей, долины тишина —

В деревне всё к томленью клонит сна.
О сладкий сон, ничем не возмущенный!
Один петух, зарею пробужденный,
Свой резкий крик подымет, может быть;
Опасен он — он может разбудить.
Итак, пускай, в сералах удаленны,
Султаны кур гордятся заключенны
Иль поселян сзывают на поля:
Мы спать хотим, любезные друзья.
Стократ блажен, кто может сном забыться
Вдали столиц, карет и петухов!
Но сладостью веселой ночи снов
Не думайте вы даром насладиться
Средь мирных сёл, без всякого труда.
Что ж надобно? — Движенье, господа!

Похвальна лень, но есть всему пределы.
Смотрите: Клит, в подушках поседельный,
Размученный, изнеженный, больной,
Весь век сидит с подагрой и тоской.
Наступит день; несчастный, задыхаясь,
Кряхтя, ползет с постели на диван;
Весь день сидит; когда ж ночной туман
Подернет свет, во мраке расстилаясь,
С дивана Клит к постеле поползет.
И как же ночь несчастный проведет?
В покойном сне, в приятном сновиденьи?
Нет! сон ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроет томны очи,
И медленной проходят чередой
Для бедного часы угрюмой ночи.
Я не хочу, как общий друг Бершу,
Предписывать вам тяжкие движенья:
Упрямый плуг, охоты наслажденья.
Нет, в рощи я ленивца приглашу:
Друзья мои, как утро здесь прекрасно!
В тиши полей, сквозь тайну сень дубрав
Как юный день сияет гордо, ясно!
Светлеет всё; друг друга перегнав,
Журчат ручьи, блестят берега безмолвны;
Еще роса над свежей муравой;

Златых озер недвижно дремлют волны.
Друзья мои! возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,
И в долгу ночь глубоок ваш будет сон.

Как только тень оденет небосклон,
Пускай войдет отрада жизни нашей,
Веселья бог с широкой, полной чашей,
И царствуй, Вакх, со всем двором своим.
Умеренно пируйте, други, с ним:
Стакана три шипящими волнами
Румяных вин налейте вы полней;
Но толстый Ком с надутыми щеками,
Не приходи стучаться у дверей.
Я рад ему, но только за обедом,
И дружески я в полдень уберу
Его дары; но, право, ввечеру
Гораздо я дружнее с его соседом.
Не ужинать — святой тому закон,
Кому всего дороже легкий сон.
Брегитесь вы, о дети мудрой лени!
Обманчивой успокоенья тени.
Не спите днем: о горе, горе вам,
Когда дремать привыкли по часам!
Что ваш покой? бесчувствие глубоко.
Сон истинный от вас уже далёко.
Не знаете веселой вы мечты;
Ваш целый век — несносное томленье,
И скучен сон, и скучно пробужденье,
И дни текут средь вечной темноты.

Но ежели в глуши, близ водопада,
Что под горой клокочет и кипит,
Прелестный сон, усталости награда,
При шуме волн на дикий берег слетит,
Покроет взор туманной пеленою,
Обнимет вас, и тихую рукою
На мягкий мох преклонит, осенит, —
О! сладостно близ шумных вод забвенью.
Пусть долее продлится ваш покой,
Завидно мне счастливица наслажденью.

Случалось ли ненастной вам порой
Дня зимнего, при позднем, тихом свете,
Сидеть одним, без свечки в кабинете:
Всё тихо вокруг; березы больше нет;
Час от часу темнеет окон свет;
На потолке какой-то призрак бродит;
Бледнеет уголь, и синеватый дым,
Как легкий пар, в трубу, виась, уходит;
И вот, жезлом невидимым своим
Морфей на всё неверный мрак наводит.
Темнеет взор; «Кандид» из ваших рук,
Закрывшись, упал в колени вдруг;
Вдохнули вы; рука на стол валится,
И голова с плеча на грудь катится,
Вы дремлете! над вами мира кров:
Нежданный сон приятней многих снов!

Душевных мук волшебный исцелитель,
Мой друг Морфей, мой давний утешитель!
Тебе всегда я жертвовать любил,
И ты жреца давно благословил.
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный неги час,
Когда, в углу под вечер притаюсь,
Я призывал и ждал тебя в покое?
Я сам не рад болтливости своей,
Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шопотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы. . .
От ужаса не шелохнись бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, —
Всё в душу страх невольный поселяло.

Я трепетал — и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум. . .

Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности уж возраст наступил. . .
Подайте мне Альбана кисти нежны,
И я мечту молодой любви вкусил.
И где ж она? Восторгами родилась,
И в тот же миг восторгом истребилась.
Проснулся я; ищу на небе день,
Но всё молчит; луна во тьме сокрылась,
И вокруг меня глубокой ночи тень.
Но сон мой тих! беспечный сын Парнаса,
В ночной тиши я с рифмою не бьюсь,
Не вижу ввек ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый двор каких-то старых муз.

Я не герой, по лаврам не тоскую;
Спокойствием и негой не торгую,
Не чудится мне ночью грозный бой;
Я не богач — и лаем пес привратный
Не возмущал мечты моей приятной;
Я не злодей, с волненьем и тоской
Не зрю во сне кровавых привидений,
Убийственных детей предрассуждений,
И в поздний час ужасный бледный *Страх*
Не хмурится угрюмо в головах.

ПЕВЕЦ

Слыхали ль вы, за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали;
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель — лекарем моим.

УСЫ

(Философическая ода)

Глаза скосив на ус кудрявый,
Гусар с улыбкой величавой
На палец завитки мотал;
Мудрец с обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохом усачу сказал:

«Гусар! всё тленно под луною;
Как волны следом за волною,
Проходят царства и века.
Скажи, где стены Вавилона?
Где драмы тощие Клеона?
Умчала всё времен река.

За уши ус твой закрученный,
Вином и ромом окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурьюю,
Расправлен гребнем и рукой.

Чтобы не смять уса лихого,
Ты к ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
В подушку носом лечь не смеешь,
И в крепком сне его лелеешь,
И утром вновь его завьешь.

На долгих ужинах веселых,
В кругу гусаров поседелых
И черноусых удальцов,
Веселый гость, любовник пылкий,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавиц и усов.

Сраженья страшный час настанет,
В ряды ядро со треском грянет;
А ты, над ухарским седлом,
Рассудка, памяти не тратишь:
Сперва кудрявый ус ухватишь,
А саблю верную потом.

Окованный волшебной силой,
Наедине с красоткой милой
Ты маешься — одной рукой,
В восторгах неги сладострастной,
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный ус крутишь другой.

Гордись, гусар! но помни вечно,
Что всё на свете скоротечно —
Летят губительны часы,
Румяны щеки пожелтеют,
И черны кудри поседеют,
И старость выщиплет усы».

• ИЗ ПИСЬМА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом,
И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами;
Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает...
И не во сне, а наяву
Свою любовницу ласкает!..

*** ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ**

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель;
Чтобы Шихматовым на зло
Воскреснул новый Буало —
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et caetera.

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,
И все, которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно!

ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ

Довольно битвы мчался гром,
Тупился меч окровавленный
И смерть погибельным крылом
Шумела грозно над вселенной!

Свершилось. . . взорами царей
Европы твердый мир основан;
Оковы свергнувший злодей
Могущей бранью снова скован.

Узрел он в пламени Москву —
И был низвержен ужас мира,
Покрыла падшего главу
Благословенного порфира.

И мглой повлекся окружен;
Притек, и с буйной вдруг изменой
Уж воздвигал свой шаткой трон. . .
И пал отторжен от вселенной.

Утихло всё. — Не мчится гром,
Не блещет меч окровавленный,
И брань погибельным крылом
Не мчится грозно над вселенной.

Хвала, о юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вел в последний бой
И мстил за лилии Бурбона.

Пред ним мятежных гром гремел,
Текли вослед щиты кровавы;
Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

Его текла молодая кровь,
На нем сияет язва чести:
Венчай, венчай его, любовь!
Достойный был он воин мести.

ЭКСПРОМПТ НА ОГАНЕВУ

В молчаньи пред тобой сижу,
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того уж верно не скажу,
Что говорит воображенье.

ИСТИНА

Издавна мудрые искали
Забытых истины следов
И долго, долго толковали
Давнишни толки стариков.
Твердили: «Истина нагая
В колодезь убралась тайком»,
И, дружно воду выпивая,
Кричали: «Здесь ее найдем».

Но кто-то, смертных благодетель
(И чуть ли не старик Силен),
Их важной глупости свидетель,
Водой и криком утомлен,
Оставил невидимку нашу,
Подумал первый о вине
И, осушив до капли чашу,
Увидел истину на дне.

НА ПУЧКОВУ

Пучкова, право, не смешна:
Пером содействует она
Благотворительным газет недельных видам,
Хоть в смех читателям, да в пользу инвалидам.

НА НЕЕ ЖЕ

Зачем кричишь ты, что ты *дева*,
На каждом девственном стихе?
О, вижу я, певица Ева,
Хлопочешь ты об женихе.

ДЯДЕ, НАЗВАВШЕМУ СОЧИНТЕЛЯ БРАТОМ

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических, шатаюсь на Пегасе,
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет, вы мне совсем не брат:
Вы дядя мой и на Парнасе.

К МАШЕ

Вчера мне Маша приказала
В куплеты рифмы набросать
И мне в награду обещала
Спасибо в прозе написать.

Спешу исполнить приказанье,
Года не смеют погодить:
Еще семь лет — и обещанье
Ты не исполнишь, может быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
В собраниях будете сидеть
И, жертвуя богине скуки,
С воксала в маскарад лететь —

И уж не вспомните поэта! ..
О Маша, Маша, поспеши —
И за четыре мне куплета
Мою награду напиши!

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК

Кубок янтарный
Полон давно,
Пеной угарной
Блещет вино.
Света дороже
Сердцу оно;
Но за кого же
Выпью вино?

Здравие славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья.
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

Жители неба
Феба жрецы,
Здравие Феба
Пейте, певцы!
Резвой камены
Ласки — беда;
Ток Иппокрены
Просто вода.

Пейте за радость
Юной любви —

Скроется младость,
Дети мои. . .
Кубок янтарный
Полон давно.
Я — благодарный —
Пью за вино.

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ

Тебе, наперсница Венеры,
Тебе, которой Купидон
И дети резвые Цитеры
Украшили цветами трон,
Которой нежные примеры,
Улыбка, взоры, нежный тон
Красноречивей, чем Вольтеры,
Нам проповедают закон
И Аристипов и Глицеры, —
Тебе приветливый поклон,
Любви венок и лиры звон.
Презрев Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасен,
И стал апостол мудрой веры
Анакреонов и Нинон, —
Всего... но лишь известной меры.
Я вижу: хмурится Зенон,
И вся его седая свита,
И мудрый друг вина Катон,
И скучный раб Эпафродита,
Сенека, даже Цицерон
Кричат: «Ты лжешь, профан! мученье —
Прямое смертных наслажденье».
Друзья, согласен: плач и стон
Стократ, конечно, лучше смеха;
Терпеть — великая утеха;
Совет ваш вовсе не смешон;
Но мне он, слышите ль, не нужен,
Затем, что слишком он мудрен;

Дороже мне хороший ужин
Философов трех целых дюжин;
Я вами, право, не прельщен.
Собор угрюмый рассержен;
Но пусть кричат на супостата,
Их спор — лишь времени утрата;
Кто их примером обольщен?
Люблю я доброго Сократа:
Он в мире жил, он был умен;
С своею важностью притворной
Любил пиры, театры, жен;
Он, между прочим, был влюблен
И у Аспазии в уборной
(Тому свидетель сам Платон),
Невольник робкий и покорный,
Вздыхал частехонько в хитон,
И ей с улыбкою придворной
Шептал: «Всё призрак, ложь и сон:
И мудрость, и народ, и слава.
Что ж истинно? одна забава,
Поверь: одна любовь не сон!»
Так ладан жег прекрасной он,
И ею... бедная Ксантипа,
Твой муж, совместник Аристипа,
Бывал до неба вознесен.
Меж тем, на милых грозно лая,
Злой циник, негу презирая,
Один, всех радостей лишен,
Дышал от мира отлучен.
Но, с бочкой странствуя пустою
Вослед за мудростью слепою,
Пустой чудак был ослеплен;
И, воду черпая рукою,
Не мог зачерпнуть счастья он.

АМУР И ГИМЕНЕЙ

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого? . . Вот? Помилуй, Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп:
Но шалуну пришла ж охота,
Чтоб, людям на смех и на зло,
Его безумие вело.
Безумие ведет Эрота:
Но вдруг, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею. . .
А что такое Гименей?
Он сын Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и ленивый,
Ворчит и дремлет целый век,
А впрочем, добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно подремать не мог;
Всё трусил маленького брата,
За ним подсматривал тайком
И караулил супостата
С своим докучным фонарем.

Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умней!
Забудь, товарищ мой любезный,
Раздор смешной и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари!»
И что ж? Поверил бог унылый.
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.
Гимена скучные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотам;
Спокоен он, но, брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет неблагодарный
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает
И сам счастливица провожает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь. . .
Пойми меня, мой друг Елена,
И мудрой повести поверь!

ФИАЛ АНАКРЕОНА

Когда на поклоненье
Ходил я в древний Пафос,
Поверьте мне, я видел
В уборной у Венеры
Фиал Анакреона.
Вином он был наполнен;
Кругом висели розы,
Зеленый плющ и мирты,
Сплетенные рукою
Царицы наслаждений.
На краюшке я видел
Печального Амура —
Смотрел он пригорюнясь
На пенистую влагу.
«Что смотришь ты, проказник,
На пенистую влагу? —
Спросил я Купидона, —
Скажи, что так утихнул?
Не хочешь ли зачерпнуть,
Да ручкой не достанешь?»
«Нет, — отвечал малютка, —
Играя, в это море
Колчан, и лук, и стрелы
Я уронил, и факел
Погас в волнах багряных.
Вон, вон на дне блистают;
А плавать не умею.

Ох, жалко мне, послушай,
Достань мне их оттуда!»
«О нет, — сказал я богу, —
Спасибо, что упали;
Пускай там остаются».

ШИШКОВУ

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Тибулл, Мелецкий и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их лирой соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотою —
Вот жребий мой; ему я следовать готов,
Но, милый, сжался надо мною,
Не требуй от меня стихов!
Не вечно нежиться в приятном ослепленьи:
Докучной истины я поздний вижу свет.
По доброте души я верил в упоеньи
Мечте, шепнувшей: ты поэт, —
И, презря мудрые угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, я, трезвый меж друзьями,
Бывало, пел вино водяными стихами;
Мечтательных Дорид и славил и бранил,
Иль дружбе плел венок, и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало.
Но долго ли меня лелеял Аполлон?
Душе наскучили парнасские забавы;
Недолго снились мне мечтанья муз и славы;

И, строгим опытом невольно пробужден,
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся:
И полно мне писать.

ПОГРЕБ

О, сжальтесь надо мною,
Товарищи друзья!
Красоткой удалою
Вконец измучен я.

Всечасно я тоскую,
Горька моя судьба,
Несите ж круговую,
Откройте погребя.

Там, там во льду хранится
Бутылок гордый строй,
И портера таится
Бочонок выписной.

Нам Либер, заикаясь,
К нему покажет путь, —
Пойдемте все, шатаясь,
Под бочками заснуть!

В них сердца утешенье,
Награда для певцов,
И мук любви забвенье,
И жар моих стихов.

ЭПИГРАММА

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород, про время золотое,
И наконец про Грозного царя...»
— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».

К КАВЕРИНУ

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Всё чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь легкий сон
Часто, негой утомленный,
Слышу я твой тихий стон?
Почему, в любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взор недвижимый, боязливый
Устремляешь в темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморок любви,
Иногда я замечаю
Слезы тайные твои?
Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей. . .
О бесценная подруга!
Вечно ль слезы проливать,
Вечно ль мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Беспробуден хладный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон;
Не для них надгробны розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов. . .

Рано друг твой незабвенный
Вздохом смерти вздохнул
И, блаженством упоенный,
На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец;
Верь любви — невинны мы.
Нет, разгневанный ревнивец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

БЕЗВЕРИЕ

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленья:
Имеет он права на ваше снисхожденье,
На слезы жалости; внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, собою страждет он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы! он первого лишился утешенья!
Взгляните на него — не там, где каждый день
Тщеславие на всех наводит ложную тень,
Но в тишине семьи, под кровлею родною,
В беседе с дружеством иль темною мечтою.
Найдите там его, где илистый ручей
Проходит медленно среди нагих полей,
Где сосен вековых таинственные сени,
Шумя, на влажный мох склонили вечны тени.
Взгляните — бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льет, то слезы сожаленья.
Напрасно ищет он унынью развлеченья;
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет божества, а сердце не находит.

Настигнет ли его глухих судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,

В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор отпавший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира. . .

Несчастья, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб, родясь, осуждены.
Всечасно бранных уз готово разрушенье;
Наш век — неверный день, всечасное волненье.
Когда, холодной тьмой объемя грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муки —
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда, беседуя с отвязанной душой,
О вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь
И ободренную с надеждой отпускаешь. . .
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье.
«Настанет! — говорит, — назначено свиданье!»

А он (слепой мудрец!), при гробе стонет он,
С усладой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает. . . нет ответа!

Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видали ль вы его над хладною могилой,
Где нежной Делии таится пепел милый?
К почившим позванный вечерней тишиной,
К кресту приникнул он бесчувственной главой,
Стенанья изредка глухие раздаются,
Он плачет — но не те потоки слез лиются,
Которы сладостны для страждущих очей
И сердцу дороги свободою своей,
Но слез отчаянья, но слез ожесточенья.
В молчаньи ужаса, в безумстве исступленья,
Дрожит, и между тем под сенью темных ив,

У гроба матери колена преклонив,
Там дева юная в печали безмятежной
Возводит к небу взор болезненный и нежный,
Одна, туманною луной озарена,
Как ангел горести является она;
Вздыхает медленно, могилу обнимает —
Всё тихо вокруг его, а, кажется, внимает.
Несчастный на нее в безмолвии глядит,
Качает головой, трепещет и бежит,
Спешит он далее, но вслед унынье бродит.

Во храм ли высшего с толпой он молча входит,
Там умножает лишь тоску души своей.
При пышном торжестве старинных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье.
Он бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливыцы! — мыслит он, — почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред богом!»

Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Влечет несчастного до хладных врат могилы.
И что зовет его в пустыне гробовой —
Кто ведает? но там лишь видит он покой.

ДЕЛЬВИГУ

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.
Наперснику богов не страшны бури злые:
Над ним их промысел высокий и святой;
Его баюкают камни молодые
И с перстом на устах хранят его покой.
О милый друг, и мне богини песнопенья
Еще в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья!
Как дым исчез мой легкий дар.
Как рано зависти привлек я взор кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжал!
Нет, нет, ни счастьем, ни славой,
Ни гордой жаждою похвал
Не буду увлечен! В бездействии счастливым
Забуду милых муз, мучительниц моих;
Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

СТАНСЫ
(Из Вольтера)

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!

Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит
Уж время скрыться мне велит
И за руку меня выводит.

Пред ним смириться должно нам.
Кто применяться не умеет
Своим переменчивым годам,
Тот горесть их одну имеет.

Счастливым резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно рассудку отдадим.

Ужель навек вы убежали,
Любовь, мечтанья первых дней —
Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей?

Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем —
Вот смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

На сумрачном моем закате,
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов сладостной мечты.

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала,
Она любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Веселых юношества дней,
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей!

ПУШКИНУ

Отрывок

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав и нег и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!

ПИСЬМО К ЛИДЕ

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихий свой покров
И время к полночи придвинет
Стрелу медлительных часов,
Когда не спит в тиши природы
Одна счастливая любовь, —
Тогда моей темницы вновь
Покину я немые своды. . .
Летучих остальных минут
Мне слишком тягостна потеря —
Но скоро Аргусы заснут,
Замкам предательным поверя,
И я в обители твоей. . .
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смелым, трепетным рукам,
По воспаленному дыханью
И жарким, ласковым устам
Узнай любовника — настали
Восторги, радости мои! . .
О Лида, если б умирала
С блаженства, неги и любви!

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной.
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.
Где вы, лета беспечности недавней?
С надеждами во цвете юных лет,
Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый и славный, —
Моя стезя печальна и темна;
И нежная краса тебе дана,
И нравиться блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спеши любить и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастлив осторожно;
Амур велит — и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу венчай. . .
О, скольких слез, предвижу, ты виновник!
Измены друг и ветреный любовник,
Будь верен всем — пленяйся и пленяй.

А мой удел. . . но пасмурным туманом
Зачем же мне грядущее скрывать?

Увы! нельзя мне вечным жить обманом
И счастья тень, забывшись, обнимать.
Вся жизнь моя — печальный мрак ненастья.
Две-три весны, младенцем, может быть,
Я счастлив был, не понимая счастья;
Они прошли, но можно ль их забыть?
Они прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навек, —
На краткий путь, усыпанный цветами,
Которым я так весело протек,
Я слезы лью, я трачу век напрасно,
Мучительным желанием горя.

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя ж, мой друг, — осенняя заря.
Я знал любовь, но я не знал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
Безумный сон покинул томны вежды,
Но мрачные я грезы не забыл.
Душа полна невольной грустной думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час — и одинок умру.
И не придет друг сердца незабвенный
В последний миг мой томный взор сомкнуть,
И не придет на холм уединенный
В последний раз любовью вздохнуть!
Ужель моя пройдет пустынно младость?
Иль мне чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не ведая, что радость?
Зачем же жизнь дана мне от богов?
Чего мне ждать? В рядах забытый воин,
Среди толпы затерянный певец,
Каких наград я в будущем достоин
И счастья какой возьму венец?

Но что? . . . Стыжусь! . . . Нет, ропот — униженье.
Нет, праведно богов определенье!
Ужель лишь мне не ведать ясных дней?
Нет! и в слезах сокрыто наслажденье,
И в жизни сей мне будет в утешенье
Мой скромный дар и счастье друзей.

В АЛЬБОМ

Пройдет любовь, умрут желанья;
Разлучит нас холодный свет;
Забудешь тайные свиданья,
Мечты, восторги прежних лет? ..
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им свой легкий след.

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ

Мой друг! неславный я поэт,
Хоть христианин православный.
Душа бессмертна, слова нет,
Моим стихам удел неравный —
И песни музыки своенравной,
Забавы резвых, юных лет,
Погибнут смертью забавной,
И нас не тронет здешний свет!

Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.

Не властны мы в судьбе своей,
По крайней мере, нет сомненья,
Сей плод небрежный вдохновенья,
Без подписи, в твоих руках
На скромных дружества листках
Уйдет от общего забвенья. . .
Но пусть напрасен будет труд,
Твоею дружбой оживленный,
Мои стихи пускай умрут —
Глас сердца, чувства неизменны
Наверно их переживут!

ТОВАРИЩАМ

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волнением гордых, юных дум.
Иной под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один. . .
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,

Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ БОЛЬНИЦЫ

Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную; шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья...
Что было и не будет вновь...
И с тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой друг! она прошла... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он!

Б ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

К ПИСЬМУ

В нем радости мои; когда померкну я,
Пусть оно груди бесчувственной коснется:
 Быть может, милые друзья,
 Быть может, сердце вновь забьется.

СНОВИДЕНИЕ

Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем, царем я зрел себя;

Мечталось, я любил тебя —

И сердце билось наслажденьем.

Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял.

Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?

Но боги не всего теперь меня лишили:

Я только — царство потерял.

ОНА

«Печален ты; признайся, что с тобой». —
«Люблю, мой друг!» — «Но кто ж тебя пленила?» —
«Она». — «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лиля?» —
«О нет!» — «Кому ж ты жертвуешь душой?» —
 «Ах! ей!» — «Ты скромн, друг сердечный!
Но почему ж ты столько огорчен?
И кто виной? Супруг, отец, конечно...» —
«Не то, мой друг!» — «Но что ж?» — «Я ей не он».

РАЗЛУКА

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, друг,
С свободою и Фебом!
Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли берегах родимого ручья,
Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

К ДЕЛИИ

О Делия драгая!
Спеши, моя краса;
Звезда любви золотая
Взошла на небеса;
Безмолвно месяц покатился;
Спеши, твой Аргус удалился,
И сон сомкнул его глаза.

Под сенью потаенной
Дубравной тишины,
Где ток уединенный
Сребристыя волны
Журчит с унылой Филомелой,
Готов приют любви веселый
И блеском освещен луны.

Накинут тени ночи
Покровы нам свои,
И дремлют сени рощи,
И быстро миг любви
Летит, — я весь горю желаньем,
Спеши, о Делия! свиданьем,
Спеши в объятия мои.

ДЕЛИЯ

Ты ль передо мною,
Делия моя!
Разлучен с тобою —
Сколько плакал я!
Ты ль передо мною,
Или сон мечтою
Оболястил меня?

Ты узнала ль друга?
Он не то, что был;
Но тебя, подруга!
Всё ж не позабыл —
И твердит унылый:
«Я любим ли милой,
Как бывало был?»

Что теперь сравнится
С долею моей!
Вот слеза катится
По щеке твоей —
Делия стыдится? . .
Что теперь сравнится
С долею моей!

ФАВН И ПАСТУШКА

Картины

I

С пятнадцатой весною,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет;
И томное дыханье,
И взоров томный свет,
И груди трепетанье,
И розы нежный цвет —
Всё юность изменяет.
Уж Лилу не пленяет
Веселый хоровод:
Одна у сонных вод,
В лесах она таится,
Вздыхает и томится,
И с нею там Эрот.
Когда же ночью темной
Ее в постеле скромной
Застанет тихий сон
С волшебницей мечтою,
И тихую тоскою
Исполнит сердце он —
И Лиля в сновиденье
Вкушает наслажденье
И шепчет «О Филон!»

II

Кто там, в пещере темной,
Вечернею порой,
Окован ленью томной
Покоится с тобой?
Итак, уж ты вкусила
Все радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волнение в крови,
И с трепетом, смятением,
С пылающим лицом
Ты дышишь упоением
Амура под крылом.
О жертва страсти нежной,
В безмолвии гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари.
Для вас поток игривый
Угрюмой тьмой одет
И месяц молчаливый
Туманный свет лиет;
Здесь розы наклонились
Над вами в темный кров;
И ветры притаились,
Где царствует любовь. . .

III

Но кто там, близ пещеры,
В густой траве лежит?
На жертвенник Венеры
С досадой он глядит;
Нагнулась меж цветами
Косматая нога;
Над грустными очами
Нависли два рога.
То Фавн, угрюмый житель
Лесов и гор крутых,
Докучливый гонитель
Пастушек молодых.
Любимца Купидона —

Прекрасного Филона
Давно соперник он. . .
В приюте сладострастья
Он слышит вздохи счастья
И неги томный стон.
В безмолвии несчастный
Страданья чашу пьет
И в ревности напрасной
Горючи слезы льет.
Но вот ночей царица
Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавн в дремучий бор
Бежит сокрыть печали
В ущельях диких гор.

IV

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро ль, мрак ночной,
С прекрасною луной
Ты небом овладеешь?
О, скоро ль, темный лес,
В туманах засинеешь
На западе небес?»
Но шорох за кустами
Ей слышится глухой,
И вдруг — сверкнул очами
Пред нею бог лесной!
Как вешний ветерочек,
Летит она в лесочек;
Он гонится за ней.
И трепетная Лила
Все тайны обнажила
Младой красы своей;
И нежна грудь открылась
Лобзаньям ветерка,

И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая над травой,
Пастушка робко дышит;
И Фавна за собой
Всё ближе, ближе слышит.
Уж чувствует она
Огонь его дыханья. . .
Напрасны все старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Река — ее могила. . .
Нет! Лила спасена.

V

Эроты златокрылы
И нежный Купидон
На помощь юной Лилы
Летят со всех сторон;
Все бросили Цитеру,
И мирных сёл Венеру
По трепетным волнам
Несут они в пещеру —
Любви пустынный храм.
Счастливец был уж там.
И вот уже с Филоном
Веселье пьет она,
И страсти легким стоном
Прервалась тишина. . .
Спокойно дремлет Лила
На розах нег и сна,
И луч свой угасила
За облаком луна.

VI

Поникнув головою,
Несчастный бог лесов
Один с вечерней тьмою
Бродил у берегов:

«Прости, любовь и радость! —
Со вздохом молвил он. —
В печали тратить младость
Я роком осужден!»
Вдруг из лесу румяный,
Шатаясь, перед ним
Сатир явился пьяный
С кувшином круговым;
Он смутными глазами
Пути домой искал
И козьими ногами
Едва переступал;
Шел, шел и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смехом отшатнулся,
Склонился на него. . .
«Ты ль это, брат любезный? —
Вскричал Сатир седой, —
В какой стране безвестной
Я встретился с тобой?»
«Ах! — молвил Фавн уныло, —
Завяли дни мои!
Всё, всё мне изменило,
Несчастен я в любви». —
«Что слышу? От Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бедокура
И ты боготворишь?
Возможно ль? Так забвеньё
В кувшине почерпай,
И чашу в утешеньё
Наполни через край!»
И пена засверкала
И на краях шипит,
И с первого фиала
Амур уже забыт.

VII

Кто ж, дерзостный, владеет,
Твоею красотой?
Неверная, кто смеет

Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать
И с Лилою прекрасной
В восторгах умирать?
Итак, ты изменила?
Красавица, пленяй,
Спеши любить, о Лила!
И снова изменяй.

VIII

Прошли восторги, счастье,
Как с утром легкий сон;
Где тайны сладострастья?
Где нежный Палемон?
О Лила! вянут розы
Минутная любви:
Познай же грусть и слезы,
И ныне терны рви.
В губительном стремленьи
За годом год летит,
И старость в отдаленьи
Красавице грозит.
Амур уже с поклоном
Расстался с красотой,
И вслед за Купидоном
Веселья скрылся рой.
В лесу пастушка бродит
Печальна и одна:
Кого же там находит?
Вдруг Фавна зрит она.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал.
Хоть Фавн и не находка
Для Лилы прежних лет,
Но вздумала красotka
Любви раскинуть сеть:

Подкралась, устремила
На Фавна томный взор
И, слышал я, клонила
К развязке разговор.
Но Фавн с улыбкой злою,
Напеля свой фиал,
Качая головою,
Красавице сказал:
«Нет, Лила! я в покое —
Других, мой друг, лови;
Есть время для любви,
Для мудрости — другое.
Бывало я тобой
В безумии пленялся,
Бывало восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлея страстью,
К тебе меня влекло.
Бывало. . . но, по счастью,
Что было — то прошло».

«Больны вы, дядюшка? Нет мочи,
Как беспокоюсь я! три ночи,
Поверьте, глаз я не смыкал». —
«Да, слышал, слышал: в банк играл».

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Что ж нового?» — «Ей-богу, ничего». —
«Эй, не хитри: ты, верно, что-то знаешь.
Не стыдно ли, от друга своего,
Как от врага, ты вечно всё скрываешь.
Иль ты сердит: помилуй, брат, за что?
Не будь упрям: скажи ты мне хоть слово. . .» —
«Ох! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не ново».

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ

С благоговейною душой
Приблизься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту.
Здесь ею счастлив был я раз —
В восторге пламенном погас,
И время самое для нас
Остановилось на минуту.

Вот Виля — он любовью дышит,
Он песни пишет зло,
Как Геркулес, сатиры пишет,
Влюблен, как Буало.

НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКОГО

Ах! боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь ленту голубую.
— Бог с ним! я недруг никому:
Дай бог и царствие небесное ему.

НА БАБОЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ

Прекрасная! пускай восторгом насладится
В объятиях твоих российский полубог.

Что с участью твоей сравнится?

Весь мир у ног его — здесь у твоих он ног.

*Пожарский, Минин, Гермоген,
или Спасенная Россия.*
Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки словеса пустые.

**ЭПИГРАММА
НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА**

Покойник Клит в раю не будет:
Творил он тяжкие грехи.
Пусть бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

ТВОЙ И МОЙ

Бог весть, за что философы, пииты
На *твой* и *мой* давным-давно сердиты.
Не спорю я с ученой их толпой,
Но и бранить причины не имею
То, что дарит мне радость и покой.
Что, ежели б ты не была *моею*?
Что, ежели б я не был, Ниса, *твой*?

Тошней идиллии и холодней, чем ода,
От злости мизантроп, от глупости поэт —
Как страшно над тобой забавилась природа,
 Когда готовила на свет.
Боишься ты людей, как черного недуга,
О жалкий образец уродливой мечты!
Утешься, злой глупец! иметь не будешь ты
 Век ни любовницы, ни друга.

**ИЗ ДРУГИХ
РЕДАКЦИЙ**

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

БОРИС ГОДУНОВ

В сцене «Красная площадь» (стр. 15) в черновике читаем (вместо реплики «Другого»):

Он обещал с боярами радеть
Попрежнему — а царство без царя
Как устоит? подымется раздор,
А хищный хан набег опять готовит
И явится внезапно под Москвой.
Кто отразит поганую орду?
Кто сдвинет Русь в грозящую дружину?
О, горе нам!

В сцене «Девичье поле. Новодевичий монастырь» (стр. 17) в черновике было исключено из белого текста место:

Другой
И силюсь, брат,
Да не могу.

Первый
Дай ущипну тебя
Иль вырву клоч из бороды.

Второй
Молчи,
Не во-время ты шутишь.

Первый
Нет ли луку?

и т. д.

На отдельном листке сохранился монолог Самозванца, который предполагалось включить после сцены у монастырской ограды:

После сцены VI.

Где ж он? где старец Леонид?
Я здесь один и всё молчит,
Холодный дух в лицо мне дует
И ходит холод по главе...
Что ж это? что же знаменует?
Беда ли мне, беда ль Москве?
Беда тебе, Борис лукавый!
Царевич тению кровавой
Войдет со мной в твой светлый дом.
Беда тебе! главы преступной
Ты не спасешь ни покаяньем,
Ни мономаховым венцом.

Сцена «Царские палаты» (стр. 45) начиналась следующим образом:

Ксения (держит портрет)

Что ж уста твои
Не промолвили,
Очи ясные
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясные
Закатилися?..

Братец — а братец! скажи: королевич похож был на мой образок?

Феодор

Я говорю тебе, что похож.

Ксения (целует портрет)

*Далее как в основном тексте.
Значительное сокращение сделано в сцене «Краков. Дом Вишневецкого»,
где первоначально имелся следующий диалог (стр. 55).*

Самозванец

...Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там уже Борис со мной и с вами
Расплатится. Что ж нового в Москве?

Хрущов

Всё тихо там еще. Но уж народ
Спасение царевича проведаль.
Уж грамоту твою везде читают.

Все ждут тебя. Недавно двух бояр
Борис казнил за то, что за столом
Они твое здоровье тайно пили.

С а м о з в а н е ц

О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорят о нем?

Х р у щ о в

Он удалился
В печальные свои палаты. Грозен
И мрачен он. Ждут казней. Но недуг
Его грызет. Борис едва влачится,
И думают, его последний час
Уж недалек.

С а м о з в а н е ц

Как враг великодушный,
Борису я желаю смерти скорой;
Не то беда злодею. А кого
Наследником наречь намерен он?

Х р у щ о в

Он замыслов своих не объявляет,
Но кажется, что молодого сына,
Феодора — он прочит нам в цари.

С а м о з в а н е ц

В расчетах он, быть может, ошибется.
Ты кто?

К а р е л а

Казак. К тебе я с Дона послан

.....
В этой же сцене сокращено следующее место (стр. 56):
.....

И я люблю парнасские цветы
(читает про себя).

Х р у щ о в (тихо Пушкину)

Кто сей?

Пушкин

Пинт.

Хрущов

Какое ж это званье?

Пушкин

Как бы сказать? по-русски — виршеписец
Иль скоморох.

Самозванец

Прекрасные стихи!

Я верую в пророчества пинтов.

.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Первая сцена первоначально оканчивалась (стр. 145):

Куда как нужно — мужа повалил
Да поглядеть идет на вдовьи слезы.

Дон Гуан

Что ты ворчишь?

Лепорелло

Я говорю, что трудно
Вам до нее добраться будет. Люди
Узнают вас.

Дон Гуан

А здесь?

Лепорелло

Над гробом мужа?

Дон Гуан

Что ж? думаешь: он станет ревновать?

Лепорелло

Бессовестный; не сдобровать ему!

Дон Гуан

Ступай же ты в деревню, знаешь, в ту,
Где мельница, да жди меня. Я буду
Сам — иль пришло.

Лепорелло

А как же? у Лауры
Не будем мы сегодня?

Дон Гуан

Убирайся.

(Уходит.)

Лепорелло

Прощайте. Жди теперь, пока придет.
Проклятое житье. Да долго ль будет
Мне с ним возиться? Право, сил уж нет.

В последней сцене после обморока Доны Анны (стр. 167) следовало:

Дона Анна

Оставь меня.

Дон Гуан

О, как она прекрасна в этом виде!
В лице томленье, взор полузакрытый,
Волненье груди, бледность этих уст...

(Целует ее.)

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

В черновой рукописи (после стиха «Не садися не в свои сани!» — стр. 257) имеется следующий эпизод, не включенный Пушкиным в окончательный текст:

Проходит другая неделя,
Вздурилась опять его старуха,
Отыскать мужика приказала —
Приводят старика к царице,
Говорит старику старуха:
«Не хочу я быть вольною царицей,
Я хочу быть римскою папой!»
Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Пошел он к синему морю,
Видит: бурно черное море,
Так и ходят сердитые волны,
Так и воют воем зловещим.
Стал он кликать золотую рыбку.

—
Добро, будет она римскою папой.

—
Воротился старик к старухе,
Перед ним монастырь латынский,
На стенах латынские монахи
Поют латынскую обедню.

—
Перед ним вавилонская башня.
На самой . . . на макушке
Сидит его старая старуха.

На старухе сарачинская шапка,
На шапке венец латынский,
На венце тонкая спица,
На спице Строфилус птица.
Поклонился старик старухе,
Закричал он голосом громким:
«Здравствуй, ты, старая баба,
Я чай, твоя душенька довольна?»
Отвечает глупая старуха:
«Врешь ты, пустое городишь,
Совсем душенька моя не довольна,
Не хочу я быть римскою папой,
А хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была бы у меня на посылках».

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

(стр. 302)

После стиха: «Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон» в рукописи:

«Постойте, — скажешь ты, — ведь я не однодворец;
Могу я быть богат, хотя я стихотворец.
Согласен — будь богат и ты, как тот поэт, *
Который, именем наполнив целый свет,
Развратной прозою, опасными стихами
Успешно торговал с голландскими купцами.
Но разве бедность лишь заставит слезы лить?
Иль зависть богача не смеет уязвить?
Что, если вооружась шипящей клеветою,
Всечасно ползая повсюду за тобою,
Наполнит горечью всю чашу бытия,
Покроет мраком жизнь и ввергнет в гроб тебя?»

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

(стр. 334)

В первоначальной редакции после стиха «Завядовать студентам» следовало:

Виват, наш дружеский союз!
Виват, виват, студенты!
Ненадобны питомцу муз
Ни золото, ни ленты;
Пускай с профессором седым
Я в сутки час зеваю;

* Вольтер. — Ред.

Зато с бокалом круговым
Весь век не унываю.
Виват, веселья бог молодой,
Семелы сын румяный!
Виват и пестун твой седой!
Виват... и всякий пьяный!

После стиха «И пить давайте снова!..»

Друзья! приятен звон струны
Средь радостной пирушки,
Где, влагой пенистой полны,
Стучат веселья кружки.

К БАТЮШКОВУ

(«Философ резвый и пиит»)
(стр. 346).

После стиха «Пера достойных твоего!» *в рукописи:*

Скажи по милости Графону,
Ползком ползушу к Геликону,
Чтоб перестал писать, писать
И бедных нас морить со скуки.
Скажи ему, что наши внуки
Не станут вздор его читать.
Всё, всё позволено поэту:
Скажи всему, коль хочешь, свету,
Что Висковатов не попад,
Уродов выставя на сцену,
Визжать заставил Мельпомену;
Что Клит был добрый человек,
Тихонько проводил свой век,
Своим домком спокойно правил
И жил без горя, без забот,
Покамест не печатал од,
Где здравый смысл вверх дном поставил,
Где вы навидитесь всего,
Где все чудовища геенны —
На жертву агнцы обреченны...
Где нет лишь смысла одного;
Что с горя ныне иссыхает;
Что неуклюжий славянин,
Изменник ревностных дружин,
Варяжски песни затевает

Теперь на дудочке простой
И слогом древности седой
В деревню братьев приглашает,
Сошел с ума — и в пастухи!
Вот какво писать стихи!

К НАТАШЕ

(«Вянет, вянет лето красно»)
(стр. 375)

Первоначально в стихотворении была еще одна строфа, заключительная:

Ах, Наташа, помни вечно
Нежности, любви закон:
Если радостью сердечной
Юности горит огонь,
То не трать ни полминуты!
Скоро, старостью согнуты,
Будем тихо мы бродить!
И тогда ли нам любить?

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

В первой редакции были еще две строфы; вторая:

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вдруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с топодем сплелась молодая ива
И отразилась в кристале зыбких вод;
Царицей средь полей Лилея горделива
В роскошной красоте цветет.

Предпоследняя строфа:

Достойный внук Екатерины!
Почто небесных аонид,
Как наших дней певец, славянский бард дружины,
Мой дух восторгом не горит?
О, если б Аполлон пинтов дар чудесный
Влиял мне ныне в груди! Тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен.

К ДЕЛЬВИГУ
(«Послушай, муз невинных»)
(стр. 407)

В рукописи после стиха «Да я ж и виноват»:

Да ты же мне в досаду
(Что скажет белый свет?)
Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслед:
«Смотрите: вот поэт!..»

После стиха «Указывать перстом!»:

Когда б подобны были
Моим твои стихи,
То скоро б все забыли,
Что Пушкин за грехи
В поэзию влюбился,
Покою поклонился,
И ходит на Парнас
И пишет в добрый час.

ДРУЗЬЯМ
(«Богам вам еще даны»)
(стр. 451)

В первоначальной (лицейской) редакции стихотворение начиналось стихами:

Среди беседы вашей шумной
Один уныл и мрачен я...
На пир раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любил и я когда-то с вами
Под звон бокалов пировать
И гармонически стихами
Пиров веселье воспевать.
Но пролетел миг упоений, —
Я радость светлую забыл,
Меня печали мрачный гений
Крылами черными покрыл...
Не кличьте ж вы меня с собою
Под звон бокалов пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.

Во второй лицейской редакции стихотворение начиналось:

К чему, веселые друзья,
Мое тревожить вам молчанье?
Запев последнее прощанье,
Уж муза смолкнула моя;
Напрасно лиру брал я в руки
Бряцать веселье на пирах
И на ослабленных струнах
Искал потерянные звуки...
Богами вам еще даны

и т. д.

ОКНО
(стр. 455)

При обработке стихотворения Пушкин отбросил две первые строфы:

Где мир, одной мечте послушный?
Мне настоящий опустел!
На всё взираю равнодушно,
Дышать уныньем мой удел;
Напрасно летнею порою
Любовник рощиц и лугов
Колышет розой полевою,
Летя с тенистых берегов.

Напрасно поздняя зарница
Мерцает в темноте ночной,
Иль в зябких облаках денница
Разлита пламенной рекой.
Иль день багряный вечереет,
И тихо тускнет неба свод,
И клен на месяце белеет,
Склонясь на берег синих вод.

ДЯДЕ, НАЗВАВШЕМУ СОЧИНТЕЛЯ БРАТОМ
(стр. 478)

Стихотворение является извлечением из следующего письма:

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт, —
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса.

Защитник вкуса, грозный *Вот!*
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.

В письме Вашем Вы называли меня братом; но я не осмелился назвать Вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм бахических шатаюсь на Пегасе.
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад, —
Нет, нет, вы мне совсем не брат.
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира, можно ли мне надеяться, что Вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?

Да, каюсь я, конечно, перед вами
Совсем неправ пустынный-рифмоплет;
Он в лености сравнится лишь с богами,
Он виноват и прозой и стихами,
Но старое забудьте в новый год.

Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем — обещательные и извинительные; первые в начале годовой переписки, а последние при последнем ее издыхании. К тому же приметил я, что и вся она состоит из двух посланий, — это мне кажется непростительным.

Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать,
И с гневной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,
И мучить бледного Ослова
Священным Феба языком,
И лоб угрюмый Шутовского
Клеймить единственным стихом!

О вы! которые умели
Любить, обедать и писать,
Скажите искренно, ужели
Вы не умеете прощать?

28 декабря 1816 года.

Р. С. Напоминаю себя моим незабвенным. Не имею более времени писать; но — надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце и которые любите еще меня.

Шапель Андреевич, конечно,
Меня забыл давным давно,
Но я люблю его сердечно
За то, что любит он беспечно
И пить, и пить свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться — право, пресмешно.

ШИШКОВУ

(«Шалун, увенчанный Эратой и Венерой»
(стр. 488))

Лицейская редакция:

К ШИШКОВУ

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Шолье с Мелецким и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их пеньем соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
И ныне, в юности прекрасной,
С тобою верные сопутницы твои.
Брячай, о трубадур, на арфе сладострастной
Мечтанье раннее любви,
Пой сердца юного кипящее желанье,

Красавицы твоей упорство, трепетанье,
Со груди сорванный завистливый покров,
Стыдливости последнее роптанье
И страсти торжество на ложе из цветов, —
Пой, в неге устремив на деву томны очи,
Ее волшебные красы,
В объятиях любви утраченные ночи —
Блаженства быстрые часы. . .
Мой друг, *она* — твоя, *она* твоя награда,
Таинственной любви бесценная отрада!
Дерзну ль тебя я воспевать,
Когда гнетет меня страданье,
Когда на каждое мечтанье
Унынье черную кладет свою печать.
Нет, нет! Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотой —
Вот жребий мой: ему я следовать готов,
Покорствую судьбам, но сжался надо мною,
Не требуй от меня стихов.
Не вечно нежиться в прелестном ослепленьи,
Уж хладной истины докучный вижу свет.
По доброте души я верил в упоеньи
Волшебнице-мечте, шепнувшей: ты поэт, —
И, презря мудрости угрозы и советы,
С небрежной легкостью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, с веселыми друзьями
Бывало пел вино водяными стихами,
В дурных стихах дурных писателей бранил,
Иль дружбе плел венок — и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало,
И даже, — каюсь я, — пустынный согрешил, —
Я первый пел любви невинное начало,
Но так таинственно, с таким разбором слов,
С такою скромностью стыдливой,
Что, не краснея боязливо,
Меня бы выслушал и девственный Козлов.
Но скрылись от меня парнасские забавы! . . .
Не долго был я усыплен,
Не долго снились мне мечтанья муз и славы:
Я строгим *опытом* невольно пробужден.
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,

Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся —
И полно мне писать.

К КАВЕРИНУ

(«Забудь, любезный мой Каверин»)

(стр. 492)

Лицейская редакция:

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои гусарские грехи.
Прослыть апостолом Зенонова ученья,
Быть может, хорошо — но ни тебе, ни мне.
Я знаю, что страстей волненья
И шалости, и заблужденья
Пристали наших дней блистательной весне.
Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы станем иногда —
Пока без лишнего стыда
Дурачиться нам будет можно.
Всему пора, всему свой миг,
Всё чередой идет определенной:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Насытись жизнью у юных дней в гостях,
Простимся навсегда с веселием шумливым,
С Венерой пылкою и с Вакхом прихотливым,
Вздохнем об них, как о друзьях,
И старость удивим поклоном молчаливым.
Теперь в безопасности живи,
Люби друзей, храни об них воспоминанье,
Молись и Кому и любви,
Минуту юности лови
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не ведает, что можно дружно жить
С стихами, с картами, с Платоном и с бокалом,
Что резвых шалостей под легким покрывалом
И ум возвышенный и сердце можно скрыть.

ДЕЛЬВИГУ

(«Любовью, дружеством и ленью»)

(стр. 498)

Лицейская редакция:

К ДЕЛЬВИГУ

Блажен, кто с юных лет увидел пред собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто жизни в тайный путь с невинною душою
 Пустился пленником мечты!
Наперснику богов безвестны бури злыс,
Над ним их промысел, безмолвною порой
Его баюкают камни молодые
И с перстом на устах хранят певца покой.
Стыдливой Грации внимает он советы
И, чувствуя в груди огонь еще молодой,
Восторженный поет на лире золотой:
 О Дельвиг! счастливы поэты!
Мой друг, и я певец! и мой смиренный путь
В цветах украсила богиня песнопенья,
 И мне в младую боги грудь
 Влияли пламень вдохновенья.
В младенчестве моем я чувствовать умел,
 Всё жизнью вокруг меня дышало,
 Всё резвый ум обворожало,
И первую черту я быстро пролетел.
 С какую тихую красою
 Минуты детства протекли;
Хвала, о боги! вам, вы мощною рукою
От ярых гроз мирских невинность отвели,
И были дни мои посвящены покою.
 Но всё прошло — и скрылись в темну даль
 Свобода, радость, восхищенье;
 Другим и юность наслажденье:
 Она мне мрачная печаль!
Так рано зависти увидеть зрак кровавый
И низкой клеветы во мгле сокрытый яд.
 Нет, нет! ни счастьем, ни славой
Не буду ослеплен. Пускай они манят
На край погибели любимцев обольщенных.
 Исчез священный жар!
Забвенью сладких песней дар

И голос струн одушевленных!
Во прах и лиру и венец!
Пушай не буду знать, что некогда певец,
Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погиб на утре лет,
Как ранний на поляне цвет,
Косой безвременно сраженный.
И тихо проживу в безвестной тишине;
Потомство грозное не вспомнит обо мне,
И гроб несчастного, в пустыне мрачной, дикой,
Забвенья порастет ползущей повиликой!

В первоначальной редакции после стиха «О, Дельвиг! Счастливы поэты!» находилось семь следующих стихов, впоследствии переделанных в четыре начальных стиха окончательной редакции:

Певец! в безвестности глухой
Живи под дружественной сенью;
Страшись увидеть свет; неопытной душой
Не жертвуй ослепленью!
Воспитанный в тиши, не зная грозных бед,
С любовью, дружеством и ленью
В уединении ты счастлив, — ты поэт!

ПУШКИНУ

(«Что восхитительней, живей»)

(стр. 501)

В лицейской редакции стихотворение начинается и кончается следующим образом:

ПОСЛАНИЕ В. Л. ПУШКИНУ

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?
Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,
За честь не смеет без стыда
Жечь порох на войне с гусаром
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера,
Вот, кажется, святая вера
Дней наших всякого певца.
Я шлюсь на русского Буфлера
И на Дениса храбреца,

Но не на Глинку офицера,
Довольно плоского певца;
Не нужно мне его примера...
Ты скажешь: «Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья —
Всё это оды не внушит,
А только душу иссушит,
И к Марину для награжденья,
Быть может, прямо за Коцит
Пошлют читать его творенья.
Послушай дяди, милый мой:
Ступай себе к слепой Фемиде
Иль к дипломатике косою!
Кропай, мой друг, посланья к Лиде,
Оставь военные грехи
И в сладостях успокоенья
Пиши сенатские решенья
И пятистопные стихи;
И не с гусарского корнета —
Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света,
И плен могучего Мегмета,
И мужа модного рога,
Который, милостию бога,
Министр и сладостный певец,
Был строгой чести образец,
Как образец он будет слога».
Всё так, почтенный дядя мой,
Почтен, кто глупости людской
Решит запутанные споры;
Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашу судьбой.
Смешон, конечно, мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных «Святках» он достоин.
Но что прелестней и живей

и т. д.

Конец послания (после стиха «Меж верной сабли и седла»):

Но вы, враги трудов и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вам на ухо: вы правы,
И с вами соглашаюсь я!
Бог создал для себя природу,
Свой рай и счастье глупцам,
Злословие, мужчин и моду,
Конечно, для забавы дам,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всех, — а нам
Уединенье и свободу!

ФАВН И ПАСТУШКА (стр. 518)

*Основные отличия ранней редакции сводятся к следующему.
Последние стихи первой картины читались:*

Когда же в скромной хате
Пастушку на кровати
Застанет тихий сон,
В полуночном молчаньи
При месячном сияньи
Слетает Купидон
С волшебною мечтою
И тайною тоскою
Исполнит сердце он.

Картина VII читалась:

Что, Лила? Что с тобою?
В пещерной глубине
Покрытая тоскою
Ты плачешь в тишине:
Грустишь уединенно
И свет тебе постыл!
Где ж сердца друг бесценный?
Увы, он изменил!
О Лила! вянут розы
Минутныя любви.

Познай печали слезы
И терны ныне рви.

Картина VIII начиналась со стиха: «В губительном стремленьи», и начинала с седьмого стиха читалась:

И вслед за Купидоном
Влюбленных скрылся рой,
Ах! грустно сердцу Лилы
Печальной и одной
Без милого к могиле
Тащиться над клюкой.
В лесу пастушка бродит
Безмолвна и грустна.
Кого же там находит?

и т. д.

*Кроме того, картины имели названия: I. Пастушка; II. Пещера; III. Фавн;
IV. Река; V. Чудо; VI. Фиал; VII. Очередь; VIII. Философ.*

П Р И М Е Ч А Н И Я

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Одним из первых больших опытов Пушкина была комедия. 10 декабря 1815 года Пушкин записал в своем дневнике: «Начал я комедию, не знаю, кончу ли ее». Через месяц, 16 января 1816 года, его товарищ Илличевский писал своему другу Фуссу: «Кстати о Пушкине: он пишет теперь комедию в пяти действиях, в стихах, под названием «Философ». План довольно удачен, и начало, т. е. 1-е действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее, стихи и говорить нечего, а острых слов сколько хочешь!». Комедия осталась недописанной и до нас не дошла. Затем Пушкин отвлекся от драматических замыслов. Петербургские театральные впечатления отразились только в набросках неоконченных драматических произведений 1821—1822 годов. Сюда относятся комедия об игроке и трагедия «Вадим».

Первым большим драматургическим произведением Пушкина был «Борис Годунов», писанный в Михайловском в 1825 году. Вслед за этой трагедией Пушкин собирался написать еще несколько пьес, являвшихся, по замыслу Пушкина, прямым продолжением «Бориса Годунова», — «Дмитрий и Марина», «Василий Шуйский». Эти пьесы не были написаны.

К 1826—1828 годам относится сохранившийся случайно список задуманных Пушкиным пьес: «Скупой, Ромул и Рем, Моцарт и Сальери, Дон Жуан, Иисус, Беральд Савойский, Павел I, Влюбленный бес. Димитрий и Марина, Курбский». В 1830 году, осенью, Пушкин осуществил три замысла, названных в этом списке, и присоединил к ним еще перевод сцены из трагедии Вильсона «Чумной город». Таким образом составил цикл психологических «маленьких трагедий». Все эти пьесы написаны в течение двух недель: с 23 октября по 6 ноября 1830 года. Такой короткий срок заставляет предполагать, что Пушкин приехал в Болдино уже с ранее заготовленными набросками к этим пьесам. Около этого времени начата была и народно-сказочная драма «Русалка». К 30-м годам относится несколько драматических набросков и сцен. Наиболее значительна из них канва большого драматического произведения, напечатанного уже после смерти Пушкина под условным названием «Сцены из рыцарских времен». Пьеса осталась неоконченной.

Борис Годунов (стр. 7). Трагедия написана в 1825 и напечатана отдельной книгой в 1831 году. Замысел трагедии возник у Пушкина по прочтении двух томов (X и XI) «Истории Государства Российского» Карамзина, вышедших в марте 1824 года и содержащих историю царствования Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Федора Годунова и Дмитрия Самозванца. Пушкин нашел, что история народных движений начала XVII века и борьба за власть напоминают его время. В конце 1824 года Пушкин начал составлять комплект событий по Карамзину, а в декабре написал впервые первые четыре сцены и начало пятой (Келья). Здесь наступил некоторый перерыв в работе, и только к июлю 1825 года была написана первая часть трагедии, кончая сценой в Корчме. В состав этой первой части входила и опущенная в печатной редакции сцена «Ограда монастырская» (Григорий и злой чернец), следовавшая за сценой в келье. После этого Пушкин работал над пьесой непрерывно. Вторую часть, кончая сценой у фонтана, Пушкин закончил 13 сентября. Сюда входила и пропущенная в печатной редакции сцена в уборной Марины (Марина и Рузя), начинавшая собой три сцены в замке Мнишка. Пушкин предполагал написать еще две части, но в ходе работы сократил окончание до одной третьей части, которую окончил 7 ноября. В первой редакции сцена «Площадь перед собором в Москве» предшествовала сцене «Равнина близ Новгорода-Северского». Написав первую часть, Пушкин сочинил и стилизованное название пьесы «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве, писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Воронище» (Ворониц — прежнее название всей местности, где находилось Михайловское и Тригорское; позднее — село около Тригорского). В печати Пушкин отказался от деления трагедии на части. Основным источником сведений, на основании которых написан «Борис Годунов», была «История Государства Российского» Карамзина. Пушкин вполне доверял истинности фактов, сообщенных Карамзиным, хотя и отказывался от его религиозно-монархического истолкования событий. Лишь немногие эпизоды трагедии основаны на источниках, не отразившихся в рассказе Карамзина (например, описание смерти царя Федора, рассказ об исцелении слепца). Некоторые эпизоды и лица вообще не основаны на исторических данных: так, в истории не упоминаются ни Афанасий Пушкин, ни молодой Курбский. Отказавшись от системы «намеков» и «применений», Пушкин тем не менее не скрыл своего отношения к событиям. В трагедии подчеркнута роль народа, «народного мнения», «народного суда», хотя народ и представлен колеблющимся, легко поддающимся внушению.

Пушкин писал в иноказательной форме Вяземскому сразу после окончания трагедии: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» Последние слова не имеют прямого отношения к роли Юродивого в трагедии, так как объясняются шутками в письмах Вяземского, предлагавшего Пушкину «выехать в лицах юродивого».

Пушкин привез трагедию в Москву и читал ее несколько раз у знакомых. Бенкендорф затребовал трагедию для представления

Николаю I. Рукопись была дана на отзыв Ф. Булгарину, и тот сделал несколько критических замечаний и заключал: «Литературное достоинство гораздо ниже, нежели мы ожидали... У Пушкина это разговоры, припоминающие разговоры Вальтера Скотта. Кажется, будто это состав вырванных листов из романа Вальтера Скотта!» На основании рецензии Булгарина Николай сделал такую надпись: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очинением переделал комедию свою в историческую повесть или роман наподобие Вальтер Скотта». Пушкин отказался переделать раз написанное, и трагедия оказалась запрещенной. Неудачной оказалась и вторая попытка провести трагедию через царскую цензуру, предпринятая в 1829 году. Только в 1830 году наконец Пушкину разрешено было печатать трагедию, и она появилась в печати к началу 1831 года. Издание это печаталось в отсутствие Пушкина, под наблюдением Жуковского, которому принадлежат и некоторые переделки и сокращения цензурного порядка. Наиболее существенные изменения, внесенные в печатное издание, — отсутствие сцены «Девичье поле. Новодевичий монастырь», а также цензурные сокращения и изменения, особенно в сценах «Равнина близ Новгорода-Северского» и «Площадь перед собором в Москве». Кроме того, в рукописи заключением всей пьесы вместо ремарки «Народ безмолвствует» было:

Н а р о д

Да здравствует царь Димитрий Иванович!

До выхода в свет полного текста трагедии в печати появились две сцены: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» в «Московском вестнике» 1827 года и «Граница Литовская» в «Северных цветах» на 1828 год. В бумагах Пушкина сохранилось несколько набросков предисловия для предполагавшегося, но неосуществленного издания. Приводим наиболее полный набросок:

«Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким светским влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богаты! Умел ли ими воспользоваться, не знаю, по крайней мере труды мои были ревностны и добросовестны.

Долго не мог я решиться напечатать свою драму. Хороший иль худой успех моих стихотворений, благосклонное или строгое решение журналов о какой-нибудь стихотворной повести донныне слабо тревожили мое самолюбие. Критики слишком лестные не ослепляли его. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнения критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения. И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы il est indifférent,* что такая-то глава «Онегина»

* Безразлично. (Франц.) — *Red.*

выше или ниже другой. Но, признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина, и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены («Ермак» А. С. Хомякова есть более произведение лирическое, чем драматическое. Успехом своим оно обязано прекрасным стихам, коими оно писано).

Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами. У нас первый пример оному находим мы, кажется, в «Аргивянах»; А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии, писанной стихами вольными,* преимущественно употребляет его. Я сохранил цезуру французского пентаметра на второй стопе — и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия. Есть шутки грубые, сцены простонародные. Хорошо, если поэт может их избежать — поэту не должно быть площадным из доброй воли, — если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным.

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, *сop amoge***, но без всякой дворянской спеси. Изю всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристокрацию нашу составляет дворянство новое; древнее же пришло в упадок, права уравниены с правами прочих состояний, великие имения давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже самые потомки и проч. Принадлежать старой аристокрации не представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нареkanie в странности или бессмысленном подражании иностранцам».

В конце 1833 года в одном немецком журнале, издававшемся в Дерпте (Тарту), «*Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst*», появилась пропущенная в издании сцена — «Ограда монастырская», вместе с немецким переводом Е. Розена. В примечании говорилось, что Пушкин намеревался поместить эту сцену во втором издании.

Скупой рыцарь (стр. 105). Беловой автограф пьесы датирован Пушкиным «23 октября 1830. Болдино». Напечатана пьеса с небольшими отличиями от автографа в журнале «Современник», 1837, т. I, стр. 111—136, за подписью «Р.». Пьеса готовилась к постановке на Александринском театре в Петербурге, и первое представление было назначено на 1 февраля 1837 года, но по случаю смерти Пушкина спектакль был снят, так как правительством боялось выражения общественного негодования, вызванного обстоятельствами смерти Пушкина. Замысел пьесы относится к январю 1826 года. В бумагах Пушкина этого времени имеется запись: «Жид

* «Аргивяне» — трагедия В. Кюхельбекера. Пьеса А. Жандра «Венцеслав» (вольный перевод трагедии Ротру) известна была по отрывку, напечатанному в альманахе «Русская Галия» 1825 года. — *Ред.*

** С увлечением. (Итал.) — *Ред.*

и сын. Граф». Название «Скупой» находится и в списке задуманных пьес (1826—1828). Ссылка Пушкина на «Трагикомедию» Ченстона является литературной мистификацией. Ченстоном в разных курсах литературы того времени называли английского поэта XVIII века Шенстона, у которого подобной пьесы нет, равно как и у других английских драматургов. Время и место действия в «Скупом рыцаре» недостаточно точно определены. Судя по французским именам, действие происходит во Франции, в одном из герцогств. Так как говорится о турнирах, то самое позднее время действия трагедии — первая половина XVI века. При этом допущены некоторые анахронизмы, например упоминание «старинного дублона» — испанской монеты позднейшего времени. В рукописи имеется эпитафия, выбранный из послания Державина «К Скопихину»:

Престань и ты жить в погребях,
Как как в ущельях подземельных.

Моцарт и Сальери (стр. 125). Пьеса закончена 26 октября 1830 года в Болдине. Напечатана в альманахе «Северные цветы» на 1832 год. Это единственная пьеса, шедшая на сцене при жизни Пушкина. Она была дважды исполнена на Большом театре — 27 января и 1 февраля 1832 года (Моцарт — Сосницкий, Сальери — Брянский). Автограф пьесы неизвестен, но в рукописях Пушкина сохранилась обложка с надписью «Зависть». Предполагают, что это первоначальное название данной пьесы. Пьеса задумана еще в 1826 году. М. Погодин записал в дневнике 11 сентября 1826 года: «Веневитинов рассказал мне о вчерашнем дне. «Борис Годунов» — чудо. У него еще «Самозванец», «Моцарт и Сальери». . .» Пьеса упомянута в списке 1826—1828 годов. В одном из списков маленьких трагедий при названии ее помечено: «С немецкого». Это была бы литературная мистификация. Пьеса построена на упорных слухах о том, что Моцарт (ум. 1791) был отравлен его знакомым композитором Антонио Сальери. Сальери умер в мае 1825 года и перед смертью в исповеди признавался в отравлении Моцарта. Об этом появилась статья в лейпцигской немецкой «Всеобщей музыкальной газете». Сохранилась заметка Пушкина 1833 года:

«В первое представление «Дон Жуана», в то время, когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист — все обратилось с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы в бешенстве, снедаемый завистью.

Сальери умер лет восемь тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать «Дон Жуана», мог отравить его творца».

Пиччини (1728—1800) — итальянский композитор. С 1776 по 1789 год работал в Париже, где оперы его («Роланд» и др.) пользовались большим успехом. До появления Пиччини парижские любители музыки были поклонниками музыки Глюка. После успеха «Роланда» мнения разделились и образовались две музыкальные партии — «глюкисты» и «пиччинисты». «Ифигения» — «Ифигения в Авлиде», опера Глюка. *Vol che sapete* (Вы, кому известно) — ария

Керубино из третьего акта оперы Моцарта «Женитьба Фигаро», на сюжет Бомарше. «*Requiem*». — Музыка для заупокойной службы Моцарт писал летом и осенью 1791 года по заказу неизвестного. Как выяснилось позднее, это неизвестное лицо был управляющий графа Вальзегг, заказавшего Моцарту реквием, чтобы выдать его за собственное произведение. «*Tarar*» — опера Сальери на слова Бомарше (1787). *Бонаротти* — Микель Анджели. Распространено было предание, что он умертвил натурщика, чтобы естественнее изобразить умирающего Христа.

Каменный гость (стр. 137). Пьеса закончена 4 ноября 1830 года в Болдине (дата на автографе). При жизни Пушкина не печаталась, впервые опубликована в сборнике «Сто русских литераторов». СПб., 1839, т. I, стр. 49—85. Задумана пьеса значительно раньше: ее название («Дон Жуан») присутствует в списке пьес 1826—1828 годов. С. Шевырев в рецензии на посмертное издание сочинений Пушкина по поводу пьес «Каменный гость» и «Русалка» писал: «Пушкин еще в 1826 году, после достопамятного возвращения, имел уже мысль написать эти два произведения и говорил о том. Еще был у него проект драмы «Ромул и Рем», в которой одним из действующих лиц намеревался он вывести волчиху — кормилицу двух близнецов». Повидимому, некоторые стихи пьесы были написаны значительно раньше болдинской осени. Так, 1 марта 1828 года Пушкин вписал в альбом пианистки Шимановской стихи из 2-й сцены пьесы:

— Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь мелодия...

Эпиграф к пьесе взят из либретто оперы Моцарта «Дон Жуан». Испанская легенда о прельстителе Дон Жуане (по-испански Дон Хуан) неоднократно подвергалась драматической обработке. Пушкину были известны по меньшей мере две обработки: пьеса Мольера и опера Моцарта. Однако сюжетное построение пьесы Пушкина не совпадает ни с тем, ни с другим произведением. Только имена Лепорелло и доны Анны Пушкин взял из оперы Моцарта (у Мольера соответственно — Сганарель и Эльвира). Совпадает во всех трех пьесах лишь один эпизод приглашения статуи. *И сторожа кричат протяжно: Ясно!* — В Мадриде ночные сторожа, обходя город, громко объявляли, какая погода. Так как обычно погода бывала ясной, то и крик сторожей чаще всего был: «*Segeno*». *Эскурьял* или Эскориал — королевский дворец и монастырь в 50 километрах от Мадрида.

Пир во время чумы (стр. 171). Пьеса закончена 8 ноября 1830 года (дата на рукописи). Напечатана в альманахе «Альциона» на 1832 год, стр. 19—32. «Пир во время чумы» является переводом четвертой сцены первого акта трагедии Джона Вильсона «Чумной город» (1816). В этом произведении описывается лондонская чума 1665 года. Перевод Пушкина в общем близок к подлиннику, кроме песен Председателя и Мери, являющихся самостоятельными стихотворениями Пушкина.

* Русалка (стр. 181). Пьеса осталась неоконченной. До нас дошли черновики, относящиеся к концу 1829 года, а в беловом тексте имеется дата: «27 апреля 1832». «Русалка» опубликована после смерти Пушкина в «Современнике», 1837, т. IV, стр. 1—32. Замысел пьесы относится к 1826 году (см. примечание к «Каменному гостю»). Наличие такого замысла подтверждается тем, что стихотворение 1826 года «Как счастлив я, когда могу покинуть» носит характер монолога князя, в котором он рассказывает о своих свиданиях с русалкой, т. е. по содержанию относится к сценам, до которых Пушкин не довел основного текста драмы. На тот же сюжет написана Пушкиным песня «Яныш-королевич» из цикла «Песни западных славян». Имеются некоторые черты сходства в сюжете «Русалки» с популярной оперой «Днепровская русалка», постоянно ставившейся в те годы. В рукописи пьеса не имеет названия. «Русалкой» ее назвали первые издатели (в «Современнике»).

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ

I. * Вадим (стр. 209). Отрывок датируется 1821—1822 годами. Впервые опубликован в Соч., т. VII, 1857, стр. 66—67. Два первых стиха печатаемого текста в автографе зачеркнуты, но, вероятно, это означает не исключение этих стихов, а намерение их переработать. Поэтому мы оставляем их в тексте. Трагедия «Вадим» задумана одновременно с поэмой того же названия. Сохранились черновые наброски плана трагедии:

«Вадим влюблен. Рогнеда, дочь Гостомысла, она невеста Громвала — славянина Рюрика. Вадим и его шайка таятся близ могилы Гостомысла. Вадим был во дворце и в городе и назначил свиданье Рогнеде.

«Ты знаешь Громвала — зарежь его».

Рогнеда, раскаянье ее, воспоминанья, является Вадим. Рогнеда, Рюрик и Громвал. Рюрик и Громвал — презрение к народу самовластия — Громвал его защищает.

Вадим в Новгороде на вече. Вестник — толпа — Рюрик! Рогнеда открывает заговор — бунт, бой, Вадим перед Рюриком.

Вадим и Громвал, свидание, друзья детства...

Вадим в мрачную ночь, сокрытый у могилы Гостомысла.

К этому же замыслу относятся отрывочные стихи, написанные в ритме русских народных песен (за образец взята песня: «Уж как пал туман на синее море»):

Гостомыслову могилу грозную вижу...

Легконогие елени по лесу рыщут...

Есть надежда! верь, Вадим, народ натерпелся...

Он далече, далече плывет в печальном тумане...

II. «Скажи, какой судьбой друг другу мы попались?» (стр. 210). Набросок писан в июне 1821 года. Опубликован П. В. Анненковым в его книге «Пушкин в Александровскую эпоху». 1874, стр. 160—163. Сохранились наброски плана этой пьесы:

«Вальберхова вдова. Сосницкий — ее брат. Брянский — любов-

ник Вальберховой. Рамазанов, Боченков. Сосницкий дает завтрак. Брянский принимает гостей. Рамазанов узнает Брянского. Изъяснения. Пополам. Начинается игра. Сосницкий всё проигрывает, гнет Величина на карту. Отчаянье его».

«Вальберхова: Играл? — Играл. — Долго ли тебе быть бог знает где? Добро либералы, да ты-то что? Зачем не в свете? — Да вся молодежь, вы все бранчивы, скучно, то ли дело ночь играть. — Скоро ли отстанешь? — Никогда. Сестрица, милая, уезжай, у меня будет завтрак. — Игра? — Нет. — Прощай».

«Сосницкий: Карты. — Величин: Проигрывается. — Сосницкий: Полно врать, я поспею. — Величин и Брянский. Брянский и Вальберхова. Брянский и Рамазанов. Узнаёт, уговариваются».

«Вальберхова: Что за шум? Величин: Играют. Вальберхова: А Брянский? — Там же. — Поди за Брянским. — Брянский и Вальберхова. Я пополам, ему урок, он проигрывает. Сосницкий в отчаянии. Брянский. Величин уговаривает, тот его ставит на карту, проигрывает. Величин плачет. Сосницкий также, Брянский и Рамазанов. Конец».

«Брянский, Рамазанов. Сосницкий: Вы здесь, а мне ничего не сказали».

«Мочи нет, устал, проигрался. — Пора в театр; наш друг дает последний завтрак, он застрелится».

«Я шел к тебе, сестра. — Покорно благодарю, в одном доме, а мы неделю не видались. Что ты делал? — Занят был. Сегодня я дома; уезжай, пожалуйста, тебе надо быть у тетки; я даю завтрак. — Бог знает, какое общество, зачем тебя нет в свете и проч.»

Из этих отрывков можно составить некоторое представление о сюжете пьесы: Сосницкий, молодой скучающий человек, увлечен карточной игрой. Его окружает общество игроков, но среди них благородный Брянский, на которого влияет сестра Сосницкого, вдова Вальберхова, за которой он ухаживает (в театральном терминах — ее любовник). Он входит в соглашение с известным ему шулером Рамазановым с целью дать урок Сосницкому и так обыграть его, чтобы он впредь уже не играл. Сосницкий проигрывается и ставит на карту своего крепостного дядьку — Величина. Проиграв его, он в отчаянии. Тогда Рамазанов открывает ему, что игра велась в шутку, и всё оканчивается благополучно. Несмотря на счастливую развязку, Пушкин, видимо, хотел дать сильно драматическую сцену явно антикрепостнического направления. Все персонажи этой комедии названы именами актеров петербургского театра согласно характеру тех ролей, какие они исполняли. Вальберхова играла молодых кокетливых женщин, Сосницкий — молодых фатоватых, светских мужчин, Брянский выступал как в трагедиях, так и в серьезных комедиях на драматических ролях. Величин играл стариков. Прочие — второстепенные актеры.

III. «Насилу выехать решились из Москвы» (стр. 210). Написано в 1825 или в 1826 году в Михайловском. Опубликовано в Соч. АН, т. IV, 1916, стр. 204—205. набросок писан, повидимому, под впечатлением знакомства с «Горем от ума» (январь 1825 года).

IV. (Из Alfiegi) (стр. 212). Отрывок писан, судя по положению в тетради Пушкина, осенью 1827 года. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 351—352. Перевод начального монолога Изабеллы из трагедии В. Альфиери «Филипп» (1781).

V. * Из комедии К. Бонжура «Муж волокита» (стр. 212). Написано в конце 20-х годов (1827 или 1828, как можно судить по почерку). Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 352. Пушкин предполагал сделать сокращенный перевод комедии Бонжура «Муж волокита» (1824), выбрав из 58 сцен пятиактной комедии около 25. Действие Пушкин перенес из Парижа в Москву. Сюжет пьесы сводится к тому, что муж Адели, увлеченный любовными успехами, оставляет в небрежении свою жену, которая подвергается искушению, так как за ней ухаживает влюбленный в нее кузен. Интрига благополучно распутывается в конце, и супруги примиряются.

VI. * Из драмы Шекспира «Мера за меру» (стр. 213). Датируется предположительно 1833 годом. Опубликовано в книге И. Шляпкина «Из неизданных бумаг Пушкина». СПб., 1903, стр. 71.

Анджело, центральное лицо драмы, привлекал внимание Пушкина как пример истинно драматического характера: «У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджело лицемер, потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!» (ок. 1834). Пушкин сначала намеревался перевести драму Шекспира, но затем, переменив намерение, изложил ее в стихотворном повествовании в «Анджело» (октябрь 1833).

VII. * Отрывки стихотворного начала «Сцен из рыцарских времен» (стр. 214). Писано в 1835 году. Опубликовано 1-й отрывок в Соч., т. III, стр. 479; 2-й отрывок — в альманахе «Литературная мысль». П., 1922, I, стр. 177. Оба отрывка представляют собой попытки стихотворного переложения начального диалога между Мартыном и Францем прозаической пьесы «Сцены из рыцарских времен». Второй отрывок близок к прозаическому тексту, первый развивает самостоятельную тему.

СКАЗКИ

Первым свидетельством интереса Пушкина к стихотворной сказке была сказочная поэма «Бова» (1814), написанная на основании тех народных сказок о Бове, которые Пушкин слышал в детстве. В какой-то мере слышанные с детства сказки повлияли и на

отдельные эпизоды сказочной поэмы «Руслан и Людмила». Но в основу этой поэмы легли преимущественно книжные сюжетные источники. Недаром Гоголь противопоставлял сказки, написанные Пушкиным в 30-х годах, поэме «Руслан и Людмила», имея в виду подлинную народность поздних сказок Пушкина.

В 1822 году в Кишиневе Пушкин написал нескромную «Сказку о царе Никите и его дочерях». Источником могла послужить солдатская сказка. К этому же времени относятся наброски задуманной Пушкиным сказочной поэмы «Мстислав».

В интересе Пушкина к народной поэзии сыграла свою роль пропаганда, которую вели писатели-декабристы с конца 10-х годов. Однако для Пушкина еще не был ясен путь к народному источнику. Этот путь прояснился лишь тогда, когда Пушкин ближе познакомился с народным творчеством в Михайловском. Отсюда он писал брату: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» (ноябрь 1824).

Среди черновых набросков, начиная с 1824 года, появляются отрывки, связанные со сказочными сюжетами. Таковы, например, стихи 1824 года:

Иван Царевич по лесам
И по полям и по горам
За бурым волком раз гонялся.

Или стихи 1825 года:

Расходились по поганскому граду,
Разломали темную темницу.

Или стихи 1833 года:

В славной в Муромской земле,
В Карачарове селе
Жил-был дьяк с своей дьячихой.
Под конец их жизни тихой
Бог отраду им послал —
Сына им он даровал.

Пушкин не только слушал сказки, которые рассказывала ему няня Арина Родионовна, но и записывал их. Именно к этому времени относятся записи семи сказок, из которых четыре послужили основой для стихотворных сказок Пушкина. Первым опытом такой обработки явилась «Простонародная сказка Жених» (1825). Остальными записями Пушкин воспользовался для трех сказок 1830—1834 годов. В 1834 году Пушкин составил проект отдельного издания своих сказок, записав его на последней странице белого автографа «Сказки о золотом петушке»:

«Простонародные сказки

(С позволения высшего начальства)

I. Сказка о женихе — II О царевне Лебеди — III О мертвой царевне — IV О Балде — V О золотой рыбке — VI О золотом петушке».

Проект этот не был осуществлен; сказки напечатаны вместе со стихотворениями, но проект Пушкина должен для нас определять состав раздела сказок. Что касается порядка, то он, повидимому, вызван в данном списке случайными причинами, а потому в настоящем издании принято хронологическое расположение.

Жених (стр. 217). Сказка датирована Пушкиным 30 июля 1825 года. Напечатана в «Московском вестнике», 1827, ч. 4, № 12, стр. 3, с подзаголовком «Простонародная сказка». Сказка, написанная в балладной форме (строфую известной «Леноры» Бюргера), основана на мотивах русской народной сказки о девушке и разбойниках (см. примечание к «Сказке о мертвой царевне»).

Сказка о попе и о работнике его Балде (стр. 223). Сказка датирована Пушкиным 13 сентября 1830 года. При жизни Пушкина не печаталась. Опубликована в «Сыне отечества», 1840, т. II, кн. I, март, стр. 5, с заглавием «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде». По цензурным требованиям поп был заменен купцом Кузьмой Остолопом. Основой послужила народная сказка, записанная Пушкиным со слов его няни Арины Родионовны зимой 1824 года в Михайловском.

«Поп поехал искать работника. Навстречу ему *Балда*. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радехонек, попадья говорит: «Каков будет *щелк*». Балда дюж и работающ, но срок уж близок, а поп начинает беспокоиться. Жена советует отослать Балду в лес к медведю, будто бы за коровой. Балда идет и приводит медведя в хлев. Поп посылает Балду с чертей оброк собирать. Балда берет пеньку, смолу да дубину, садится у реки, ударил дубиною в воду, и в воде охнуло. «Кого я там зашиб? старого али малого?» И вылез старый. «Что тебе надо?» — «Оброк собираю». — «А вот внука я к тебе пришлю с переговорами». Сидит Балда да веревки плетет да смолит. Бесенок выскочил. «Что ты, Балда?» — «Да вот стану море морщить, да вас, чертей, корчить». Бесенок перепугался. «Тот заплатит попу оброк, кто вот эту лошадь не обнесет три раза вокруг моря». Бесенок не мог. Балда сел верхом и объехал. «Ах, дедушка! он не только что в охапку, а то между ног обнес лошадь вокруг». Новая выдумка: «Кто прежде обежит около моря?» — «Куда тебе со мной, бесенок? да мой меньшей брат обгонит тебя, не только что я». — «А где-то меньшей брат?» У Балды были в мешке два зайца. Он одного пустил. Бесенок запыхавшись обежал, а Балда гладит уж другого, приговаривая: «Устал ты, бедненький братец, три раза обежал около моря». Бесенок в отчаяньи. Третий способ — дед дает ему трость. «Кто выше забросит?» Балда ждет облака, чтоб зашвырнуть ее туда и проч. Принимает оброк в бездонную шапку. Поп, видя Балду, бежит — и берет его в мешке, вместо сухарей — утопляет ночью попадью, вместо его — и проч.

Балда у царя. Дочь одержима бесом. Балда под страхом виллици беретса вылечить царевну. С нею ночует — берет с собою орехи железные и старые карты да молоток — знакомого бесенка заставляет грызть железные орехи, играет с ним в *щелчки* и бьет

бесенка молотком. На другую ночь то же. На третью делает куклку на пружинах, у которой рот открывается. «Что такое, Балда?» — «Пить хочет — всунь ему стручок-то свой, свою дудочку в рот». Бесенок пойман и высечен и проч.»

Гоголь (в письме к Данилевскому от 2 ноября 1831 года) писал о том, что Пушкин читал ему «сказки русские народные — не то, что «Руслан и Людмила», но совершенно русские». И дальше, продолжая по поводу сказки «О Балде»: «Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая».

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди (стр. 228). Сказка датирована Пушкиным 29 августа 1831 года (дата завершения окончательной обработки). Начата в 1828 году (см. ниже). Напечатана в «Стих.», ч. 3, 1832, стр. 130. В основу стихотворной сказки Пушкина положена народная сказка, рассказанная Ариной Родионовной в Михайловском и записанная Пушкиным в 1824 году.

«Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшей, и с первой ночи она понесла. Царь уехал воевать. Мачеха его, завидуя своей невестке, решила ее погубить. После трех месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоке месяц; послали известить о том царя. Мачеха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой — неведомой зверюшкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дожидаться приезда его для разрешения. Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки: одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделано.

Долго плавали царица с царевичем в засмоленной бочке, наконец море выкинуло их на землю. Сын заметил это. «Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи и вышли бы мы на свет». — «Господь благослови тебя, дитяtko». — Обручи лопнули, они вышли на остров. Сын избрал место и с благословения матери вдруг выстроил город и стал в оном жить да править. Едет мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков, осмотрел их пропуск и, узнав, что едут они к Султану Султановичу, турецкому государю, обратился в муху и полетел вслед за ними. Мачеха хочет его поймать, он никак не дается. Гости-корабельщики рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке — ноги серебряные и проч. «Ах, — говорит царь, — поеду посмотреть это чудо». — «Что за чудо, — говорит мачеха, — вот что чудо: у моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки рассказывает, вниз идет — песни поет». — Царевич прилетел домой и с благословенья матери перенес перед дворец чудный дуб.

Новый корабль. То же опять. Тот же разговор у Султана. Царь опять хочет ехать. «Что это за чудо, — говорит опять мачеха, — вот что чудо: за морем стоит гора, а на горе два борова, боровы грызутся, а меж ими сыплется золото да серебро» и проч. Третий корабль и проч. так же. «Что за чудо, а вот чудо: из моря выходят 30 отроков, точь-в-точь равны и голосом и волосом, и лицом и ростом, а выходят они из моря только на один час».

Тужит царевна об остальных своих детях. Царевич с ее благословения берется их отыскать. «Нацеди ты, матушка, своего молока, ты замеси 30 лепешечек». Он идет к морю, море всколыхалось, и вышли 30 юношей и с ними старик. И царевич спрятался и оставил одну лепешечку, один из них и съел ее. «Ах, братцы, — говорит он, — до сих пор не знали мы материнского молока, а теперь узнали». — Старик погнал их в море. На другой день вышли они опять, и все съели по лепешке, и poznали брата своего. На третий вышли без старика, и царевич привел всех братьев своих к своей матери. Четвертый корабль. То же самое. Мачехе уж более делать нечего. Царь Султан едет на остров, узнает свою жену и детей и возвращается с ними домой, а мачеха умирает».

Кроме того, в бумагах Пушкина имеется краткий конспект сказки. Время этой записи неизвестно: она записана на свободном месте тетради, которой Пушкин пользовался в 1822 году, но, судя по почерку и чернилам, внесена в тетрадь значительно позднее и, вероятно, относится ко времени после приведенной записи, может быть даже к 1828 году: «Царь не имеет детей. Слушает трех сестер: когда б я была царица, то я бы всякий день пиры. Вторая: когда бы я была царицей, завела бы хоромы... На другой день свадьба. Зависть первой жены; война, царь на войне; царевна рождает сына, гонец etc. Царь умирает бездетен. Избирают его царем. Оракул, буря, ладья. Он правит во славе — едет корабль — у Салтана. Речь о новом государе. Салтан хочет слать послов, царица посылает своего поверенного гонца, который клеветает. Царь объявляет войну. Царица узнает его с башни». В 1828 году Пушкин написал первые 14 стихов сказки и следующий план дальнейшего: «Только успела она выговорить сии слова, как дверь отворилась — и царь вошел без доклада. Царь имел привычку гулять поздно по городу и подслушивать речи своих подданных. Он с приятной улыбкою подошел к меньшей сестре, взял ее за руку и сказал: будь же царицею и роди мне царевича; потом, обратясь к старшей и средней, сказал он: ты будь у меня при дворе ткачихой, а ты кухаркою. С этим словом, не дав им образумиться, царь два раза свистнул, двор наполнился воинами и царедворцами, — серебряная карета подъехала к самому крыльцу. Царь сел в нее с новою царицей, а своячениц велел везти во дворец; их посадили в телеги, и все поскакали...»

Сказка о рыбаке и рыбке (стр. 253). Датирована Пушкиным 14 октября 1833 года. Напечатана в «Библиотеке для чтения», 1835, т. X, май, отд. I, стр. 5—11, и вторично в «Стих», ч. 4, 1835, стр. 75—86. В рукописи имеется приписка Пушкина: «18 песнь сербская». Это значит, что Пушкин предполагал включить сказку в состав «Песен западных славян» в качестве 18-й песни

(было их 17). Об этом свидетельствует и стихотворный размер сказки, тот же, которым написаны «Песни». Сюжет сказки, повидимому, был взят Пушкиным из сказки «О рыбаке и его жене» сборника братьев Гримм. Сказка напечатана в качестве померанской, и Пушкин приписал ее первоначальному населению Померании — древним славянам-поморьянам. По мере обработки Пушкин отказывался от элементов западнославянских, которые имелись в первоначальных вариантах. Так, был отброшен эпизод с римским папой, которым захотела сделаться вздорная старуха, уже превращенная в царицу (см. «Из других редакций», стр. 542). Переделывая сказку, Пушкин придал ей черты быта древней Руси, сделал из померанской «песни» русскую сказку и отказался от включения ее в состав «Песен западных славян». В результате работы Пушкина сказка приняла столь народный, русский характер, что вошла в народный обиход, была записана Афанасьевым в устной передаче и включена им в известный сборник русских сказок.

Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях (стр. 259). Датирована Пушкиным 4 ноября 1833 года. Напечатана в «Библиотеке для чтения», 1834, т. II, кн. II, отд. I, стр. 1—17, и вторично в «Стих.», ч. 4, 1835, стр. 13—41. Основной сказки послужила народная сказка, записанная Пушкиным со слов его няни Арины Родионовны в 1824 году в Михайловском. «Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой — убирает его — 12 братьев приезжают. «Ах, — говорят, — тут был кто-то — али мужчина, али женщина; коли мужчина, будь нам отец родной, али брат названный; коли женщина, будь нам мать, али сестра»... Сии братья враждуют с другими 12 богатырями. Уезжая, они оставляют сестре платок, сапог и шапку. «Если кровию нальются, то не жди нас. Приезжая назад, спят они сном богатырским. Первый раз 12 дней, второй 24, третий 31. Противники приезжают и шируют. Она подносит им сонных капель... и проч. Мачеха ее приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают ее. Она дарит царевне рубашку, которую та надел, умирает. Братья хоронят ее в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам. Царевич влюбляется в ее труп, и проч.»

Сказка о золотом петушке (стр. 274). Датирована Пушкиным 20 сентября 1834 года. Напечатана в «Библиотеке для чтения», 1835, т. IX, кн. XVI, отд. I, стр. 111, с цензурными исключениями, и вторично в «Стих.», ч. 4, 1835, стр. 61—72. Пушкин писал в своем дневнике (февраль 1835 года): «Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку...
Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок».

Повидимому, царская цензура вообще почуяла в сказке какие-то недозволенные намеки. Для печати Пушкину пришлось заменить точками следующее недвусмысленное суждение о царях:

Но с царями плохо вздорить; .
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком
Да и дух вон. Вся столица
Содрогнулась. . .

Сюжет сказки был взят Пушкиным из «Сказок Альгамбры» В. Ирвинга, но обработан с некоторыми изменениями в духе народной русской сказки. По «Легенде об арабском звездочете» Ирвинга написана первая часть отрывка 1833 года, который, вероятно, являлся частью первоначального замысла:

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки стоят,
Подбоченясь на лошадках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.
Тут лохань перед собою
Приказал налить водою;
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок —
:
:
И прозрачные ветрильцы
Будто бабочкины крыльцы.

* Сказка о медведихе («Как весенней теплою порою») (стр. 280). Дата неизвестна (1830 год — предположительно). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 153—155. Является началом неосуществленной сказки, написанной, несомненно, по русским народным источникам. Часть сказки, где звери посещают вдового медведя, написана Пушкиным в духе известной народной «старины о птицах», которую Пушкин мог знать и в устной народной передаче и по сборникам сказок 1780—1783 годов, изданных Левшиным.

ЛИРИКА

Лирические произведения Пушкина по своему объему занимают около половины всего стихотворного наследия Пушкина (20 тысяч стихов из общего числа 41 тысяча). Однако только в лицейский период лирика была для Пушкина ведущей формой творчества, и то, быть может, потому, что задуманные произведения большого

размера оказались не под силу начинающему поэту, да и у товарищей стихотворения относительно небольших размеров пользовались большим успехом, чем поэмы и драматические произведения.

Среди лицейстов первого курса сперва выделялся в стихотворстве А. Илличевский, писавший стихи до поступления в Лицей. Вскоре он уступил первенство Пушкину. К последнему году определилась группа поэтов: Пушкин, Илличевский, Дельвиг, Кюхельбекер, Корсаков, М. Яковлев.

Лицейские стихи помещались в рукописных журналах, в разного рода лицейских сборниках. Характерной формой лицейского творчества были песни, сочинявшиеся коллективно (так называемые «национальные песни»). В 1814 и 1815 годах лицейсты печатали свои произведения в журналах «Вестник Европы», «Российский музей» и др. Небольшое количество лицейских произведений Пушкина дошло до нас в его автографах.

Из своих лицейских произведений Пушкин собирался составить сборник и издать его по выходе из Лицея. В начале 1817 года он составил предварительный список под названием «I часть», куда введены «Послания» (в числе 22), «Лирические» (в числе трех: «Наполеон на Эльбе», «Воспоминания в Царском селе» и «Принцу Оранскому»), ряд мелких стихотворений («Певец», «Слеза» и др.), перечень которых заканчивается словами «и все пьески», 15 элегий, эпиграммы и надписи, и три стихотворения, не приуроченные к какому-нибудь разделу. Затем, в марте того же 1817 года Пушкин с помощью своих товарищей переписал в одну тетрадь много своих лицейских стихотворений и дал эту тетрадь на просмотр Жуковскому. Замечания Жуковского заставили Пушкина отказать от мысли издать сборник в таком виде. Многие лицейские стихи в переработанном виде вошли в сборник, подготовленный в 1819—1820 годах к печати, но не осуществленный. Наконец, когда Пушкин в 1825 году составил сборник стихотворений, в него он включил только 12 лицейских стихотворений, сильно их переработав. Это были в отделе элегий: «Пробуждение», «Друзьям»; в отделе разных стихотворений: «Гроб Анакреона», «Певец», «Амур и Гименей», «Разлука»; в отделе эпиграмм и надписей: «Роза», «Старик»; в отделе посланий: «К Лицинию», «Пушкину», «Шишкову», «Дельвигу». Повидимому, по цензурным соображениям не были напечатаны «Воспоминания в Царском селе». В издание стихотворений 1829 года Пушкин ввел еще эпиграмму «Любопытный». В альманахе «Полярная звезда» Пушкин напечатал лицейское стихотворение «К Морфею» и в журнале «Московский вестник» — «Каверину». Некоторые лицейские стихи Пушкина попали в печать без его ведома и разрешения.

Отдельные лицейские стихотворения (например, напечатанные в 1814 и 1815 годах) дошли до нас в редакции времени создания, большая часть в сборниках 1817 года — в редакции времени окончания Лицея, некоторые — в позднейшей переработке разных годов. Около тридцати стихотворений (из общего числа 130) дошло в разнообразных редакциях. Эти стихотворения послужили причиной длительного спора, какие редакции лицейских стихотворений считать основными: ранние, лицейские или же, как и для прочих стихотворений, последние, законченные и обработанные. Ввиду невоз-

возможности провести единообразно принципы ранних редакций в настоящем издании приняты последние редакции.

Начиная с «Руслана и Людмилы» ведущей формой творчества являлись для Пушкина поэмы (к которым следует отнести и «Онегина», как осмыслял свой роман в стихах и Пушкин). Лирика в своих основных чертах примыкает к поэмам. В лирике получили свое выражение более личные, субъективные темы (как тема воспоминания, пересмотра жизненного пути, цикл стихотворений о назначении поэта и пр.). Лирика Пушкина отличается разнообразием, и, за исключением басен, все жанры мелких стихотворений присутствуют в его творчестве, от мелкой эпиграммы до крупных лирических размышлений.

После окончания Лицея Пушкин подготовил сборник стихотворений и даже открыл на него подписку среди знакомых. Но этого издания не удалось осуществить. Уезжая в ссылку на юг, он передал тетрадь в собственность Н. Всеволожскому, в надежде, что тот напечатает сборник. Однако Всеволожский по каким-то причинам отказался от мысли издать сборник Пушкина. Не осуществились и другие планы, при которых в качестве издателей предлагали свои услуги Н. И. Гнедич, Г. В. Орлов, П. А. Муханов. Снова за составление сборника Пушкин принялся в Михайловском летом 1825 года. Первоначально сборник предполагался в трех разделах, по образцу сборника стихотворений Батюшкова 1817 года: Элегии, Послания, Смесь. Однако при дальнейшей работе количество разделов увеличилось. Издание готовилось под наблюдением П. Плетнева и В. Жуковского, которые и придали сборнику окончательный распорядок: Элегии (17), Разные стихотворения (24), Эпиграммы и надписки (21), Подражания древним (12), Послания (16), Подражания Корану. Сборник вышел в свет 30 декабря 1825 года с датой «1826». Сборник открывался эпиграфом из Пропорция (книга 2, элегия Августу): *Aetas prima sanat veneres, extrema tumultus.* *

Изданию предшествовало предисловие, составленное по программе Пушкина Плетневым или Жуковским:

«Собранные здесь стихотворения не составляют полного издания всех сочинений А. С. Пушкина. Его поэмы помещены будут со временем в особенной книжке. Мы теперь предлагаем только то, что не могло войти в собрание собственно называемых поэм.

В короткое время автор наш успел соединить голоса читателей в пользу своих поэтических дарований. Мы считаем себя вправе ожидать особенного внимания и снисхождения публики к нынешнему изданию его стихотворений. Любопытно, даже поучительно будет для занимающихся словесностью, сравнить четырнадцатилетнего Пушкина с автором «Руслана и Людмилы» и других поэм. Мы желаем, чтобы на собрание наше смотрели как на историю поэтических его досугов в первое десятилетие авторской жизни.

Многие из сих стихотворений напечатаны были прежде в периодических изданиях. Иные, может быть, нами и пропущены. При всем том это первое в некотором порядке собрание стихотворений такого автора, которого все читают с удовольствием».

* Ранний возраст воспевает любовь, поздний — шум войны. — (Латинск.) — *Ред.*

Пушкин собирался в 1827 году издать второй сборник стихотворений, распределив их по разделам: Элегии, Капитальные пьесы (куда были отнесены «19 октября», «Женых», «Сцена из Фауста», «Череп», «Вадим»), Лирические, Послания, Мелочи. Этот сборник не был осуществлен, а в 1829 году Пушкин издал в двух частях свои стихотворения, куда вошли как стихи, уже напечатанные в сборнике 1826 года, так и новые стихотворения 1826—1829 годов. В отличие от первого сборника стихотворения здесь расположены в хронологическом порядке, по годам (без соблюдения хронологической последовательности внутри года и с вынесением мелочей в раздел «Разных годов»).

В 1832 году была издана третья часть стихотворений по тому же принципу, как и две первые. Для пополнения книги сюда, кроме собственно стихотворений, введены также в общей последовательности «Пир во время чумы», «Моцарт и Сальери» и «Сказка о царе Салтане». В 1835 году вышла четвертая часть, уже не в форме хронологической цепи стихотворений, а как сборник самостоятельных произведений без соблюдения какого-либо порядка. Сюда вошло восемь стихотворений, цикл «Песни западных славян» и три сказки. В конце жизни (в 1836 году) Пушкин стал готовить новое издание своих стихотворений, которое он собирался издать уже не в хронологическом порядке, а в форме тематических и жанровых циклов. Издание это осталось неосуществленным.

Стихотворения Пушкина почти в полном составе вошли в настоящее собрание, не включены только недоработанные отрывки, не дающие законченного смысла.

Стихотворения даны в последних редакциях. Отступление от этого делалось только в тех случаях, когда последняя редакция явилась в результате цензурных требований или когда позднейшие поправки не доведены до конца и не доработаны.

Ранние редакции стихотворений или варианты отдельных мест приведены в отделе «Из других редакций» в том случае, если эти редакции и варианты имеют самостоятельный интерес. Мелкие различия в случае необходимости приведены в примечаниях. Тексты даны по последнему академическому изданию сочинений Пушкина с проверкой по первоисточникам. Отступления от текстов этого издания допущены в следующих случаях: 1) когда после выхода в свет соответствующего тома обнаружены новые источники, более авторитетные, чем ранее известные (например, автографы «К морю», «В голубом небесном поле», «Мирская власть»); 2) когда новое изучение рукописей Пушкина обнаружило неточности издания («Песни о Стеньке Разине», «Клеопатра» и др.); 3) устранены опечатки издания, ошибочные чтения отдельных слов и т. п.

Введено единообразие в условные наименования, данные редакторами стихотворениям Пушкина, публиковавшимся посмертно и не имевшим собственного наименования, например извлечениям из писем; отменены редакторские названия, не соответствующие действительности, например «В альбом Смирновой», отменены ставшие традиционными редакторские названия эпиграмм по адресату, в то время как Пушкин и в тексте и в названиях печатавшихся эпиграмм строго соблюдал правило — не называть лицо, против которого эпиграмма направлена (см. примечание к эпиграмме «Не то

беда, что ты поляк»). Исключением из этого правила являются эпиграммы, распространявшиеся в рукописных списках с именем того, против кого они направлены, и некоторые лицейские эпиграммы. Таким же нарушением замысла является традиционное раскрытие имен в текстах стихотворений «Собрание насекомых», «Примите Невский альманах», где смысл поставленных Пушкиным точек заключается в возможности подставить вместо них разные имена. Для всех эпиграмм, не печатавшихся Пушкиным, не имеющих заглавия, принято жанровое обозначение «Эпиграмма», как по большей части именовал Пушкин эти стихотворения в печати.

Общий порядок расположения принят следующий: все произведения разделены на четыре отдела — поэмы, драмы, сказки, лирика. Внутри каждого отдела принят хронологический порядок («Евгений Онегин» напечатан после всех поэм). Наброски и планы напечатаны в конце соответствующих отделов.

Только немногие стихотворения с достоверностью датируются точно днем, когда они написаны; большая же часть датируется приблизительно, с колебанием от нескольких дней до нескольких лет. Так, из 54 стихотворений 1825 года датируется определенным днем только 5, в пределах одного месяца — 17, в пределах полугодия — 16, свыше года (считая и стихотворения, относимые к 1825 году только предположительно) — 7. В среднем стихотворения этого года датируются с точностью около полугодия. Ясно, что подобная неточность датировок ведет к тому, что всякая произвольно или механически (например, по последней возможной дате) установленная последовательность случайна и не отражает действительной последовательности создания стихотворений.

В данном издании стихотворения объединены в пять хронологических разделов. Внутри этих разделов стихотворения расположены по годам, а те, даты которых неизвестны, отнесены в отдел «Неизвестные годы». Установление точной последовательности внутри года невозможно, и в настоящем издании не воспроизведен в точности порядок академического издания; в частности, к началу года отнесены наиболее значительные произведения.

При расположении стихотворений обращалось внимание на то, чтобы не нарушать установленных Пушкиным стихотворных циклов, как, например, цикл лицейских элегий, «Подражания древним», стихотворения, связанные с путешествием на Кавказ и напечатанные Пушкиным подряд в начале третьего тома «Стихотворений», цикл «Анфологических эпиграмм», напечатанный в «Северных цветах» на 1832 год, а затем в том же порядке, хотя и без общего заглавия, расположенный в «Стих.», ч. 3, 1832, и некоторые другие.

Даты в примечаниях даются только в том случае, если они точно устанавливаются пометами Пушкина; в остальных случаях дата стихотворения определяется самим положением стихотворения в пределах года. Мотивируются даты лишь в тех случаях, когда новое изучение приводило к заключению об ошибочности общепринятой датировки.

Об источниках текста сообщается только в тех случаях, когда стихотворения не были напечатаны при жизни Пушкина, автографов их не сохранилось и текст устанавливается по старинной копии или по первой публикации.

Стихотворения лицейских лет

(1813 — май 1817)

1813

К Наталье («Так и мне узнать случилось») (стр. 287). Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 261, с пропуском 34 стихов (51—78, 99, 101—105); пропущенные стихи — в «Журнале министерства народного просвещения», № 10, стр. 236. Одно из первых лицейских стихотворений Пушкина. Обращено к крепостной актрисе царскосельского домашнего театра В. В. Толстого. Эпиграф взят из «Послания к Марго» Шадерло де Лакло, направленного против маркизы Дюбарри, фаворитки Людовика XV. Пушкин выбрал для эпиграфа стихи, которыми отметил простое происхождение Натальи. *Из Катонов я в отставку* и след. — т. е. перестал придерживаться строгих нравов (каких придерживался Катон, политический деятель в древнем Риме) и стал вздыхателем (подобно Селадону). *Селадон* — sentimentalный вздыхатель, герой романа «Астрейя» (1617) французского писателя Юрфе. *Филимон* и *Анюта* — действующие лица оперы Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват». *Назора* — героиня оперы «Осмеянный скупец» Саннини. *Опекун* и *Розина* — действующие лица «Севильского цирюльника» Бомарше. *Не владетель я Сераля* — т. е. не турецкий султан, владеющий богатым дворцом (сералем).

Монах (стр. 290). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Красном архиве», т. 31, 1928, стр. 197. Поэма написана в качестве пародии на житие Иоанна Новгородского. *Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь*. — Речь идет об «Орлеанской девственнице» Вольтера, как образце шуточных поэм. *Панкратий вдруг в Невтоны претворился* — т. е. превратился в ученого, исследователя, каким был Ньютон. *И как мудрец, кем Сиракуз спасался*. — Архимед (III в. до н. э.) своими изобретениями помогал родному городу Сиракузам во время осады. *Цициан* — Тициан. *Албан* — Альбано, модный итальянский живописец XVII века. *Вернет* — Жозеф Верне, французский пейзажист XVIII века. *Пуссин* — Никола Пуссен, французский художник XVII века. *Подешь ты потеть у Шиловского* и след. — Речь идет о домах так называемого высшего общества.

Несчастье Клита (стр. 301). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1863, № 7, стр. 148. Эпиграмма, с которой начинается составленный Пушкиным сборник эпиграмм на Кюхельбекера («Жертва Мому»). Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1799—1846), один из ближайших товарищей Пушкина, часто бывал мишенью насмешек Пушкина. Кюхельбекер еще в Лицее писал стихи гекзаметрами, которые со времен «Тилематиды» Тредиаковского почти не применялись в русской поэзии.

К другу стихотворцу (стр. 302). Напечатано в «Вестнике Европы», 1814, № 13, стр. 9, за подписью Александр Н. К. Ш. П. (согласные буквы фамилии в обратном порядке). До напечатания, в № 8 журнала (в апреле) была помещена заметка: «От издателя. Просим сочинителя присланной в «Вестник Европы» пьесы под названием «К другу стихотворцу», как всех других сочинителей, объявить нам свое лицо, ибо мы поставили себе законом не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщили нам своего имени и адреса». Сохранился ранний автограф (см. «Из других редакций», стр. 544). Стихотворение является сатирой в форме послания, с характерными для карамзинистов нападками на «беседистов». Принято считать без достаточных оснований послание адресованным Кюхельбекеру. Другой отец второй «Телемахиды» — Кюхельбекер. Эти стихи противоречат предположению, что послание адресовано ему. Невозможно, чтобы Пушкин, обращаясь к Кюхельбекеру, говорил о нем же в третьем лице. *Рифматов, Графов, Бибрус* — прозвища поэтов-«беседистов», под которыми карамзинисты высмеивали С. А. Ширинского-Шихматова (1783—1837), графа Д. И. Хвостова (1757—1835) и С. С. Боброва (ум. 1810). *Глазунов* — издатель и книгопродавец. *Родился наг и наг вступает в гроб Руссо* — поэт Жан Батист Руссо (1670—1741), сын сапожника, умерший в изгнании и бедности. *Камознс с нищими постелю разделяет* — см. примечание Пушкина на стр. 603. *Его с пером в руке Рамаков не страшит* — журналист и критик Макаров П. И. (1765—1804), сторонник Карамзина.

Кольна (стр. 305). Напечатано в «Вестнике Европы», 1814, № 14, стр. 102, за подписью Александр Н. К. Ш. П. Является стихотворным переложением отрывка из прозаической поэмы Оссиана «Кольна Дона» по русскому переводу Ермила Кострова. Героический эпос Оссиана, созданный в 60-х годах XVIII века Макферсоном, отличался мечтательностью и меланхолическим настроением, как и модная тогда унылая элегия. Несмотря на то, что поэмы Оссиана являлись подделкой, хотя отчасти и основанной на шотландских песнях, их успех содействовал интересу к народной поэзии.

Эвлега (стр. 310). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 277. Автографа нет. Является переводом одного эпизода из поэмы Э. Парни «Йслей и Аслега», названной «подражанием скандинавскому» и писанной в духе поэм Оссиана.

Осгар (стр. 312). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 272. Представляет собой попытку оригинального произведения в духе Оссиана. *Оден* (правильнее Один) — имя верховного божества скандинавов.

Рассудок и любовь (стр. 315). Напечатано без ведома Пушкина в альманахе «Весенние цветы». М., 1835, стр. 97. Сохранилось в копиях.

К сестре (стр. 316). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Московских ведомостях», № 118, 2 октября 1854 года. Сохранилось в копиях. Адресовано сестре поэта, Ольге Сергеевне Пушкиной, которая в то время жила с родителями в Петербурге. Написано в духе послания Жуковского «К Батюшкову». *В подарок пук стихов* — цитата из упомянутого послания. *Жан-Жак* — Руссо. *Жанлиса* (или Жанлис) (1746—1830) — французская писательница, автор многочисленных моралистических повестей. *Гамильтон* (1646—1720) — французский писатель, автор занимательных и веселых восточных сказок и «Записок герцога Граммона». *Грей* (1716—1771) и *Томсон* (1700—1748) — английские поэты-сентименталисты. *Светлана* — мечтательная героиня баллады Жуковского «Светлана». *Сквозь слез смотрю в решетки*. — Пушкин в лицейской лирике любил изображать себя монахом, намекая на закрытый характер Лицея.

Красавице, которая нюхала табак (стр. 320). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 259. Сохранилось в копиях.

Эпиграмма («Арист нам обещал трагедию такую») (стр. 322). Напечатана в «Российском музее», 1815, ч. 1, № 1, стр. 13, за подписью «1... 14... 16» (т. е. в порядке букв алфавита: А... Н... П, первая буква имени и в обратном порядке крайние буквы фамилии). В журнале последняя строка читалась: «Прежалостну пиесу».

Казак (стр. 323). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 1, № 3, стр. 264—266, за подписью «1... 14—16» (вышло в свет в марте 1815 года). Является подражанием украинской песни.

Князю А. М. Горчакову («Пускай, не знаясь с Аполлоном») (стр. 326). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 267. Написано к 30 августа 1814 года, дню именин Александра Михайловича Горчакова, лицейского товарища Пушкина. *Как древле Невскому герою* — т. е. Александру Невскому. *Ершова* Евдокия Семеновна — жена генерала, посещавшая вместе с мужем в 1814 году кого-то из лицеистов.

Опытность (стр. 328). Напечатано в «Вестнике Европы», 1814, ч. 77, № 19, стр. 179—180, за подписью «1... 14—16» (вышло в свет 30 сентября 1814 года). *Слепая богиня* — Фортуна, богиня счастья.

Блаженство (стр. 330). Напечатано в «Вестнике Европы», 1814, ч. 77, № 20, стр. 257—277, за подписью «1... 14—16» (вышло в свет в октябре 1814 года). *Эрмиев сын* — Пан, сын Гермеса (Эрмия), бог лесов, покровитель пастухов.

Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало (стр. 333). Напечатано в «Вестнике Европы», 1814, ч. 77, № 18, стр. 117 (в статье «Об эпиграмме и надписи древних», переведенной из книги

Лагарпа лицейским товарищем Пушкина И. И. Пушциным). Эпиграмма переведена с французского, из Вольтера, который в свою очередь перевел ее с латинского из Авзония Деция (римский поэт IV в. н. э.).

Пирующие студенты (стр. 334). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано Жуковским в Соч., т. IX, 1841, стр. 337 (варианты первой редакции см. на стр. 544). Является сатирическим подражанием известному произведению Жуковского «Певец во стане русских воинов». По рассказу Пушкина, стихотворение было написано, когда Пушкин лежал в лицейском лазарете. В стихотворении упоминается преподаватель русской словесности Галич А. И. (1783—1848) (во второй строфе) и следующие лицейские товарищи: в третьей строфе — поэт А. А. Дельвиг (1798—1831), известный своей ленью и острословием; в четвертой — «сиятельный повеса» кн. Горчаков А. М. (1798—1883); в пятой — «товарищ милый» И. И. Пушин (1798—1859); о ком идет речь в шестой строфе, неизвестно. Обычное отнесение этой строфы к М. Яковлеву — маловероятно, так как ему посвящена строфа девятая; в седьмой строфе имеется в виду Малиновский И. В. (1796—1873), прозванный в Лицее «казак»; в восьмой и девятой строфах Пушкин имеет в виду лицейского музыканта М. Л. Яковлева (1798—1868), игравшего на скрипке («Роде записной» — шуточное сравнение с Пьером Роде, известным в то время скрипачом и композитором). В последней строфе упоминается В. К. Кюхельбекер.

Бова (стр. 338). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Впервые опубликован в Соч., т. IX, 1841, стр. 249. Поэма была задумана в духе шуточных сказочных поэм, образцами которой являлись: «Орлеанская девственница» Вольтера, «Бова» Радищева, «Илья Муромец» Карамзина. В основу поэмы положена сказка о королевиче Бове. В поэме также сказалось некоторое влияние шуто-трагедии «Трумф» Крылова (сатирическое изображение дворцовых переворотов, слабоумного царя, царских советников и т. п.). Впоследствии Пушкин задумал писать новую поэму о Бове (см. т. I, стр. 584 и 704). *Болтун страны Эллинския* — Гомер. *Шапелен* — французский поэт, автор поэмы «Девственница» (об Иоанне Дарк), осмеянной в сатирах Буало. *Рифматов* — сатирическое прозвище поэта Ширинаго-Шихматова, члена «Беседы», автора поэмы «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия». *Херувимов жарить пушками* — о «Потерянном рае» Мильтона, где в описании войны ада против рая упоминаются пушки как вооружение дьявольских полчищ. *Иль святую богородицу* — о «Лусиадах» Камозна, которого упрекали за смешение античной мифологии с христианскими представлениями. *Жанна Орлеанская* — сатирическая поэма Вольтера «Орлеанская девственница». *О царе, что двадцать целых лет.* — Речь идет о Наполеоне, который в ссылке на острове Эльбе именовался «императором Эльбы». *Оракул Франции* — Вольтер.

К Батюшкову («Философ резвый и пиит») (стр. 346). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 1, № 1, стр. 8—10, за подписью «1... 14—16». *Певец тишский* — Анакреон, который был

родом из города Теоса. *Пизриды* — музы. *Младой Назон* — имеются в виду ранние произведения Овидия Назона, посвященные темам любви и наслаждения.

Эпиграмма («Супругою твоей я так пленился») (стр. 349). Напечатана в «Российском музее», 1815, ч. 1, № 1, стр. 13, вместе с эпиграммой «Арист нам обещал», за подписью «1... 14—16». Является вольным переводом французской эпиграммы Ж. Б. Руссо, которая сама является переводом латинской эпиграммы поэта XVI века Яна Секунда.

К Н. Г. Ломоносову (стр. 350). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 1, № 3, стр. 263, за подписью «1... 14—16». Послание обращено к Николаю Григорьевичу Ломоносову, брату лицейского товарища Пушкина.

* **Эпиграмма** («Бывало, прежних лет герой») (стр. 351). Эпиграмма напечатана в «Российском музее», 1815, ч. 2, № 5, стр. 270, за подписью «1... 17—14» (в порядке букв алфавита: цифры обозначают: А... р — П). В лицейских копиях эпиграмма озаглавлена «На Рыбушкина». Направлена против казанского поэта М. С. Рыбушкина, который неудачно отвечал на журнальную критику своей трагедии «Иоанн, или Взятие Казани» (1814).

Романс («Под вечер, осенью ненастной») (стр. 352). Впервые напечатано без разрешения Пушкина, с искажениями и цензурными сокращениями, в альманахе Б. Федорова «Памятник отечественных муз» на 1827 год, стр. 35, с примечанием издателя: «Помещенные здесь стихи Александра Сергеевича Пушкина были из первых опытов его очаровательной Музы». Сохранилось в копиях. «Романс» был одним из самых популярных стихотворений, и еще при жизни Пушкина был положен на музыку.

Леда (стр. 354). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 269. Сохранилось в копиях. Написано в форме популярных в XVIII веке «кантат» на мифологические темы по образцу кантат Ж. Б. Руссо.

Воспоминания в Царском селе (стр. 356). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 2, № 4, стр. 3, за подписью «Александр Пушкин», с примечанием: «За доставление сего подарка благодарим искренне родственников молодого поэта, которого талант так много обещает». В 1819 году, подготавливая сборник стихотворений, Пушкин внес несколько изменений в «Воспоминания». Были исключены две строфы. Вторая строфа стихотворения исключена была, видимо, по соображениям стилистического порядка, предпоследняя (об Александре I) — по соображениям политическим. (Здесь дается в редакции 1819 года, а отброшенные строфы в отделе «Из других редакций», стр. 546). Стихи, где упоминался Александр, были изменены (вместо «За веру, за царя» — «За Русь, за святость алтаря», и вместо «На что я зрю? Герой с улыбкой прими-

реня» — «Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья»). Пушкин предполагал снабдить стихотворение примечаниями. Повидимому, именно изменения, внесенные Пушкиным, обратили на себя внимание цензуры, и она, по всей вероятности, не сочла возможным пропустить стихотворение (которое было перепечатано дважды в «Образцовых русских сочинениях» 1817—1822 годов) в новой редакции, свидетельствующей о вольнодумстве автора. В редакции 1819 года стихотворение впервые опубликовано в «Летописи Гос. лит. музея», кн. I, М., 1936, стр. 25—28. Стихотворение посвящено воспоминаниям о крупнейших событиях екатерининского царствования — первой и второй Турецкой войне, победе Кагульской и т. д. *Огромные чертоги* (Екатерининский дворец с Камероновой галереей), *окружен волнами... памятник* (Чесменская колонна), *Памятник простой* (Кагульский обелиск) — уголки Царскосельского парка. Тема стихотворения была предложена профессором русской словесности Галичем для переходных экзаменов с младшего курса (первого трехлетия) на старший. Экзамены предполагались в октябре 1814 года, но состоялись только 8 января. В своих записках Пушкин писал: «Я прочел мои «Воспоминания в Царском селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упопительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...» (см. 2-ю строфу 8-й главы «Евгения Онегина»). *Где, Льва сразив, почил орел России мощный*. — Лев — Швеция (по государственному гербу). Речь идет о войне 1789—1790 годов. *И ты промчался, забывленный*. — Говорится о XVIII веке. Далее говорится о Наполеоне и об Отечественной войне. *Воитель поседелый* — Кутузов. *Скальд России вдохновенный* — Жуковский, автор патриотического стихотворения «Певец во стане русских воинов».

1815

Лицинию (стр. 361). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в переработанном виде в «Стих.», 1826 (стр. 137) и «Стих.», ч. 1, 1829 (стр. 7). Первоначальный текст напечатан в «Российском музее», 1815, ч. 2, № 5, стр. 129, с подписью «1... 17—14», с подзаголовком «С латинского». Согласно установившейся традиции политической лирики, с целью отвлечения цензуры, Пушкин придал своему оригинальному стихотворению характер перевода античной сатиры (римской).

Городок (К ***) (стр. 364). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 3, № 7, стр. 3, с подписью «1... 17—14», с цензурными сокращениями. Стихотворение только по форме является посланием. Оно написано в духе сатирических посланий карамзинистов (например, «Мои Пенаты» Батюшкова), но лишено автобиографической основы и содержит выдуманные подробности жизни (двухлетнее пребывание в Петербурге, в то время как Пушкин не выезжал из Царского села, описание квартиры в Городке и т. п.).

Вымышленным является и адресат послания. Между тем в описании Городка отразились некоторые черты царскосельского пейзажа (озеро с лебедями и др.). Основная часть посвящена характеристике писателей, книги которых якобы находятся в личной библиотеке автора. Книги эти действительно входили в круг лицейских чтений Пушкина. *Фернейский злой крикун* — Вольтер. Ферней — имение Вольтера, где он жил последние двадцать лет (близ Женева). Ср. «Руслан и Людмила», п. 4, стих. 9. *Наперсник милый Психеи златокрылой* — Богданович, автор поэмы «Душенька», написанной на сюжет мифа об Амуре и Психее. Этот же сюжет у Лафонтена («Любовь Психен и Купидона»). *Вержье, Парни с Грекуром* — французские поэты, писавшие о любви. Вержье (1657—1720) был известен непристойными сказками с любовным сюжетом; Парни (1753—1814) прославился своими любовными элегиями; Грекур (1683—1743) был автором фривольных сказок на библейские и иные сюжеты: «Первородный грех», «Новая Ева» и др. *Их грозный Аристарх* — Лагарп (1739—1803), автор шестнадцатитомного критического обзора всеобщей литературы, называемого «Лицей, или Курс древней и новой литературы». *Визгова сочиненья* — может быть, имеется в виду С. И. Висковатов (1786—1831), член «Беседы». *Глугона псалмопенья* — вероятно, Шатрова (1765—1841), члена «Беседы», автора стихотворных переложений из Библии. *Хвала вам, чада славы* — цитата из стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов». *О князь, наперсник муз* — Д. П. Горчаков (1758—1824), член «Беседы», автор распространявшихся в списках сатирических произведений. *И ты, насмешник смелый* — Батюшков, как автор «Видения на берегах Леты». *Буянова певец* — В. Л. Пушкин, автор шуточной поэмы «Опасный сосед», героем которой был Буянов. *И ты, шутник бесценный* — Крылов, который здесь упоминается как автор шутотрагедии «Трумф» («Подщипа») (*Чернавка* и *Подщипа* — персонажи этого произведения). *Но назову ль детину* — Баркова И. С. (1732—1768), известного своими порнографическими сочинениями. *Марон* — Виргилий. *Газеты собирает*. — В XVIII и начале XIX века «газеты» значило всякие известия (слухи, сплетни). *Так некогда Свистова*. — Речь идет о Д. И. Хвостове, который любил донимать слушателя чтением своих произведений.

К Наташе («Вянет, вянет лето красно») (стр. 375). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 284. Сохранилось в копиях. Написано, вероятно, не раньше начала 1815 года, так как в стихотворении имеются фразеологические заимствования из баллады Катенина «Наташа» («Сын отечества», 1815, ч. 21):

Ах! жила-была Наташа,
Свет Наташа красота.
Что так рано, радость наша,
Ты исчезла, как мечта?

Вариант ранней редакции см. на стр. 546.

Вода и вино (стр. 376). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 2, № 6, стр. 268, с подписью «1... 17—14».

Измены (стр. 377). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 4, № 12, стр. 228.

Батюшкову («В пещерах Геликона») (стр. 380). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 2, № 6, стр. 266, с подписью «Александр Н. К. Ш. П.» Адресовано поэту. Батюшкову после встречи с ним в первых числах февраля 1815 года. *Спешил я за Мароном.* — Речь идет о подражании Вергилию. Повидимому, Батюшков советовал Пушкину писать героическую поэму о событиях войны. «*Будь всякий при своем*» — цитата из послания Жуковского к Батюшкову.

Наполеон на Эльбе (1815) (стр. 382). Напечатано в «Сыне отечества», 1815, ч. 22, № 25—26, стр. 242, с подписью «1... 14—17». Стихотворение связано с известиями о том, что Наполеон бежал с о. Эльбы 26 февраля 1815 г., высадился 1 марта во Франции и 13 марта с помощью армии вернулся к власти, в то время как Людовик XVIII и все члены династии Бурбонов покинули Париж. Правление Наполеона на этот раз продолжалось 100 дней. *Полнощи царь молодой* — Александр I. Речь идет о разгроме армии Наполеона в России в 1812 году.

К Пушкину («Любезный именовник») (стр. 385). Датировано Пушкиным «4 Мая», повидимому 1815 года. Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 3, № 8, стр. 129, за подписью «1... 14... 17». Написано ко дню рождения ближайшего лицейского товарища Пушкина, будущего декабриста И. И. Пущина (родился 4 мая 1798 года). «*Вот кубок, наливай*» — цитата из послания Батюшкова «Мои Пенаты».

К Галичу («Пускай угрюмый рифмотор») (стр. 387). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 31, № 8, стр. 131, с подписью «1... 14—17». Адресовано лицейскому преподавателю латинской и русской словесности А. И. Галичу (1783—1848). Галич заменял Кошанского во время болезни его с мая 1814 по июнь 1815 года. Послание относится к более позднему времени, когда Галич уже не преподавал в Лицее и жил в Петербурге, будучи профессором философии в Педагогическом институте. Галич был талантливым педагогом и ценителем современной поэзии. Его лекции носили характер дружеских бесед. *Угрюмый рифмотор.* — Вероятно, речь идет о Кошанском Н. Ф. (1785—1831), поклоннике классической поэзии, мнившем себя поэтом. *Счастливы городок* — Царское село. *Зайди к жиду Золотареву* — к помощнику надзирателя по хозяйственной части, который за деньги пускал к себе лицейстов для устройства пирушек. *Надену узкие рейтузы.* — Пушкин под влиянием знакомства с Каверинным и другими офицерами мечтал о военной службе.

Мечтатель («По небу крадется луна») (стр. 389). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 3, № 9, стр. 256, с подписью «1... 14—17». Стихотворение связано с «Певцом во стане русских воинов» Жуковского. Написано оно в том же стихотворном раз-

мере, а по содержанию противоположно и является как бы ответом на призыв в стихах Жуковского:

Так, братья, чадам муз хвала!
Но я певец ваш юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучные мне струны?
Доселе тихим лишь полям
Моя играла лира...
Вдруг жребий выпал: к знаменам!
Прости и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
И труд уединенный,
И всё... я там, где стук мечей,
Где ужасы войны.

Пушкин характеризует себя как мирного мечтателя, который не гонится за военной славой.

Мое завещание. Друзьям (стр. 392). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 355. Сохранилось в копиях. *Спесивой Семелеи сына*. — Вакх был сыном Зевса и Семелы, которая названа спесивой за то, что потребовала от Зевса, чтобы он явился перед ней во всем своем величии (миф.).

К ней («Эльвина, милый друг! приди, подай мне руку») (стр. 395). Напечатано в «Северном наблюдателе», 1817, ч. 1, № 11, стр. 351. Подвергалось некоторым исправлениям Пушкина, повидимому в 1819 году для предполагаемого сборника.

К молодой актрисе (стр. 396). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 264. Обращено к Наталье, крепостной актрисе В. В. Толстого, дававшего спектакли в Царском селе (см. «К Наталье»). *Владелец Пинда* — Вольтер, который давал указания знаменитой французской актрисе Клерон (1733—1803), как играть роли в его трагедиях. *Милон* — употребительное в русском театре имя «первого любовника». *Не всё на свете суета* — пародия на библейское изречение (царя Соломона).

Воспоминание («Помнишь ли, мой брат по чаше») (стр. 398). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, стр. 299. Сохранилось в копиях. Посвящено воспоминанию о пирушке, которую устроили лицеисты 5 сентября 1814 года. Слух о вечеринке, на которой пили пунш, дошел до начальства, и участники были наказаны.

Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой?») (стр. 400). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 3, № 8, стр. 131, за подписью «1... 14—17». Адресовано А. И. Галичу (см. «К Галичу», стр. 387). *Безрифмин* — так обычно называли в эпиграммах и пародиях поэта С. С. Боброва (1767—1810), автора большой поэмы

«Таврида», писанной нерифмованным стихом. *Тибурский мудрец* — Гораций.

Моя эпитафия (стр. 404). Напечатано в «Российском музее», 1815, ч. 4, № 10—11, стр. 7, за подписью «1... 16—14». Первый стих читался: «Здесь П—н погребен, он с музой молодою».

Сраженный рыцарь (стр. 405). При жизни Пушкина стихотворение не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 365. Сохранилось факсимиле автографа, местонахождение которого ныне неизвестно. В лицейской тетради Пушкина имеется копия, датированная 1815 годом.

К Дельвигу («Послушай, муз невинных») (стр. 407). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 352. Неоднократно перерабатывалось Пушкиным (см. «Из других редакций», стр. 547). В копии лицейской тетради — с заглавием «К Д*** 1815. Ответ». Поводом к посланию послужило стихотворение Дельвига «Пушкину», напечатанное в «Российском музее» 1815 года. Стихотворение Дельвига оканчивалось стихами:

Пушкин! Он и в лесах не укроется,
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертным
Аполлон на Олимп торжествующий.

С Графовым восхищаться — графом Д. И. Хвостовым, поэтом устаревшего, дурного вкуса.

Роза (стр. 409). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в «Стих.», 1826 (стр. 107) и «Стих.», ч. 1, 1829 (стр. 152). Первоначальная редакция подвергалась переработке. В стихотворении символические образы так называемого «языка цветов», бывшего в ходу в легкой поэзии XVIII века. Роза символизировала еще в античном мире любовь, лилия — непорочность, чистоту.

Александрю («Утихла брань племен») (стр. 410). Напечатано без ведома Пушкина его дядей в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете», 1817, ч. 9, кн. XIV, стр. 90, под названием «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году». Автограф неизвестен. Сохранилось в копиях. Название стихотворения, под которым оно напечатано, повидимому, принадлежит дяде Пушкина. В списках лицейских стихотворений оно названо «Александрю», в копии, принадлежавшей лицейскому товарищу Пушкина Гревеницу, — «К императору Александрю». Стихотворение написано по заказу начальства и препровождено при письме 28 ноября 1815 года директору департамента министерства народного просвещения Мартынову. Предназначалось к прочтению на встрече Александра I при его возвращении из Парижа, но церемония встречи по распоряжению царя была отменена.

* Бакуниной («Напрасно воспевать мне ваши именины») (стр. 413). При жизни Пушкина не печаталось. По беловому автографу опубликовано в «Ниве» № 43 от 26 октября 1913 г., стр. 852, где комментируется как стихотворение, записанное в альбом Екатерины Павловны Бакуниной (1795—1869) ко дню ее именин 24 ноября.

«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался» (стр. 414). При жизни Пушкина не печаталось. Записано в лицейском дневнике Пушкина под датой 29 ноября 1815 года. Опубликовано в Соч., т. I, 1885, стр. 25. Вызвано встречей с Е. Бакуниной.

Слеза (стр. 415). Напечатано в «Мнемозине» на 1825 год, ч. 4, стр. 102, с нотами, написанными М. Л. Яковлевым.

«Угрюмых тройка есть певцов» (стр. 416). Датировано Пушкиным 8 декабря 1815 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском архиве», 1899, № 2, стр. 345, в составе записи от 10 декабря в лицейском дневнике Пушкина. Пушкин пишет: «Третьего дня хотел я начать ироническую поэму «Игорь и Ольга», а написал эпиграмму на Шаховского, Шихматова и Шишкова, — вот она...» Эпиграмма на трех основных членов общества «Беседа», которые вели неутомимую борьбу с карамзинистами: Шаховского А. А. (1777—1846), Ширинского-Шихматова С. А. (1783—1837) и Шишкова А. С. (1754—1841).

К бар. М. А. Дельвиг (стр. 417). Датировано Пушкиным 22 декабря 1815 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 11. Автограф не сохранился. Имеются позднейшие копии. Обращено к сестре Дельвига Марии Антоновне и, повидимому, было записано в ее альбоме. Ей же посвящено стихотворение «К Маше» (см. стр. 479).

Моему Аристарху (стр. 418). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в Соч., т. II, 1855, стр. 101. Сохранилось в одной копии. *Аристархом* (т. е. строгим критиком) Пушкин называет Кошанского, преподавателя литературы в Лицее.

Тень Фонвизина (стр. 422). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в сб. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. I, 1935, стр. 3. Сохранилось в копии с поправками Пушкина. Сатира на современное состояние литературы, написанная в духе «Видения на берегах Леты» Батюшкова (1809). *Денис, невежда бич и страх* — Денис Фонвизин. *Ты прав, оратор мой Петрушка*. — Речь идет о стихотворении Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилу, Ваньке и Петрушке», где имеются стихи:

Я мысль мою скажу, — вещает мне Петрушка, —
Весь свет мне кажется ребятская игрушка.

Там Кропов в тишине глубокой — А. Ф. Кропотов (1780—1821), издатель журнала «Демокрит» (изд. в 1815 году). В «Аспазии» боготворят — «Кабинет Аспазии», журнал, издававшийся в 1815 году. В четвертой книге журнала был помещен хвалебный разбор стихов Д. И. Хвостова. *Анастасевич лишь один* — В. Г. Анастасевич (1775—1845), журналист и библиограф, выполнявший разные поручения Хвостова. В своем боскете князь Шальной — князь П. И. Шаликов (1767—1852), автор слащавых, чувствительных произведений. *О Безглагольник пресловутый* — кн. С. А. Ширинский-Шихматов, названный «безглагольным» (за исключение глагольных рифм) в сатире Батюшкова «Певец в Беседе любителей русского слова». Речь идет о его поэме «Петр Великий, лирическое песнопение. Ужасный критикам старик» — глава «Беседы» Шишкова. *Уже поблекший цвет певиц* — повидимому, А. П. Бунина (1774—1828), поэтесса, член общества «Беседа», ценимая Шишковым. Церковнославянское слово *другия* (в значении «подруга») было в духе беседистов. *И ежемесячный вздыхатель* — издатель «Кабинета Аспазии» Б. М. Федоров (1794—1875), автор чувствительных стихотворений для детей, в которых фигурирует купидон. *Но где певец Екатерины*. — Начиная с этого стиха и кончая стихом «Но ах, почто так долго жить» — речь идет о Державине, позднюю поэзию которого, связанную с обществом «Беседа», осуждает Пушкин. «Статей библейских предложень» — подразумевается «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» Державина. Пушкин пародирует этот гимн в стихах «Открылась тайн священных двери!» и след. *Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь* — пародия на стих из оды «Бог» Державина. *Шалаш является простой* и след. — Стихи посвящены Батюшкову, которого все друзья упрекали в молчании.

Гроб Анакреона (стр. 431). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в «Стих.», 1826 (стр. 48) и «Стих.», ч. 1, 1829 (стр. 11). В первоначальной редакции, более распространенной, было напечатано в «Трудах словесности при Московском университете», 1818, ч. 10, кн. XVI, стр. 78, с заглавием «Гробница Анакреона».

Послание к Юдину (стр. 433). Датировано Пушкиным 1815 годом. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. 1, 1855, стр. 6. Обращено к лицейскому товарищу Пушкина П. М. Юдину (1798—1852). Основная тема стихотворения — сельская жизнь с реальными чертами подмосковного села Захарова, где Пушкин проводил летние месяцы начиная с 1806 по 1810 год.

К живописцу («Дитя харит и вдохновенья») (стр. 439). Напечатано без ведома Пушкина в альманахе «Памятник отечественных муз» на 1827 год, стр. 23. Сохранилось в копиях с поправками Пушкина. Обращено к лицейскому товарищу Пушкина Илличевскому (1798—1837), который слыл в Лицее живописцем. *Мне друга сердца напиши*. — Речь идет о Е. П. Бакуниной (см. «Итак, я счастлив был», стр. 414), в которую были влюблены многие лицеисты, в том числе Илличевский, написавший Бакуниной послание «От живописца».

Старик («Уж я не тот любовник страстный») (стр. 440). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в «Стих.», 1826 (стр. 112) и «Стих.», ч. II, 1829 (стр. 153) в переработанной редакции. Первоначальная редакция была напечатана в «Российском музее», 1815, ч. 2, № 5, стр. 142, с подписью «Александр Н.—П.» Является вольным переводом стихотворения французского поэта Клемана Моро (1495—1544) «De soi-même» («О себе самом»).

К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени») (стр. 441). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Сыне отечества», 1840, т. II, кн. 5, стр. 246. В автографе подпись «Арзамасец». Этим посланием Пушкин, повидимому, собирался начать предполагаемый сборник стихотворений. Но что? Под грозною парнасскою скалою и след. — Стихи посвящены характеристике поэтов-«беседистов». Во мгле два призрака склонились главами — Третьяковский, автор «Тилемахиды» («Пред ним расстерзанный стенает Тилемах»), и Сумароков («Мевия надутый образец»). Имя Мевия — завистника Виргилия, упоминается Пушкиным как нарицательное имя завистника. Сумароков назван Мевием в отношении Ломоносова, Шишков — в отношении Карамзина («Пусть будет Мевием в речах превознесен»). Явится Депрео — исчезнет Шапелен. — Здесь имеется в виду осмеяние, которому подверг Буало (Депрео) поэму Шапелена «Девственница». Тот, верный своему мятежному союзу. — Речь идет о поэте-драматурге Шаховском, члене «Беседы». Сражает наконец ужасного Пифона и след. — Пушкин говорит здесь о драматурге Озерове, который якобы являлся жертвой интриг Шаховского.

Элегии (стр. 445—458). Данный цикл стихотворений 1816 года означен в списке, относящемся к началу 1817 года, в количестве 15 элегий. В лицейском сборнике этот цикл представлен в числе 9 элегий. К ним присоединяем еще 6. 5 из них (X—XIV) бесспорно относятся к этому циклу. 6-я предположительно. Полагали, что это «Наслаждение». Но стихотворение это нигде у Пушкина не названо «элегией». Более вероятным представляется, что Пушкин имел в виду стихотворение «Наездники». Весь цикл объединяет традиционные мотивы «унылой элегии» тех лет: темы несчастной любви, скорби и слез, ранней смерти, причем излияниям поэта сопутствует столь же традиционный пейзаж: сумрачные облака, луна, дубровы, ручей и т. п.

I. «Опять я в аш, о юные друзья!» (стр. 445). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 314. Имеется копия с позднейшими поправками Пушкина. Возможно, что элегия написана по возвращении в Лицей после отпуска на рождественские праздники в первые дни января 1817 года. Помещаем ее здесь, так как она находится на первом месте в составленном Пушкиным цикле элегий, из которых все остальные датированы 1816 годом.

II. Осеннее утро («Поднялся шум; свирелью полевой») (стр. 446). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 316. Имеется копия с позднейшими поправками Пушкина.

III. К Морфею («Морфей, до утра дай отраду») (стр. 447). Напечатана в альманахе «Полярная звезда» на 1824 год, стр. 91. В рукописи именовалась «К сну» и начиналась пятью отброшенными впоследствии стихами:

Знакомец милый и старинный,
О сон, хранитель добрый мой!
Где ты? Под кровлею пустынной
Мне ложе стелет уж покой
В безмолвной тишине ночной.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду
Моей мучительной любви.

IV. «Любовь одна — веселье жизни хладной» (стр. 447). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 319. Сохранилась в копиях.

V. Месяц (стр. 449). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 322. Сохранилась в копиях.

VI. «Счастлив, кто в страсти сам себе» (стр. 450). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 324. Сохранилась в копиях.

VII. Разлука («Когда пробил последний счастьем час») (стр. 450). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 325. Сохранилась в копиях.

VIII. Друзьям («Богами вам еще даны») (стр. 451). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в «Стих.», 1826 (стр. 9) и «Стих.», ч. 1, 1829 (стр. 19). Варианты ранних редакций см. стр. 547—548.

IX. Слово милой (стр. 452). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 329. Сохранилась в копиях. Этой элегией заканчивается цикл девяти элегий, находящийся в одном из лицейских сборников.

X. «Я думал, что любовь погасла навсегда» (стр. 452). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в «Русской старине», 1884, кн. II, стр. 427. Под названием «Элегия» входит в лицейскую тетрадь Пушкина с датой «1816» (в копии С. Ломоносова).

XI. «Я видел смерть; она в молчаньи села» (стр. 453). При жизни Пушкина не печаталась. В автографе в лицейской тетради Пушкина — под названием «Элегия», с датой «1816». Опубликовано в Соч., т. II, 1855, стр. 138, с заглавием «Пожалование».

XII. Пробуждение («Мечты, мечты») (стр. 454). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в «Стих.», 1826, в раздел элегий (стр. 3) и «Стих.», ч. 1, 1829 (стр. 17). Автограф неизвестен. Сохранилась в копиях. В первоначальной редакции элегия оканчивалась следующими стихами:

Любовь, любовь!
Пусть упоенный,

Усну я вновь
Обвороженный.
И поутру,
Вновь утомленный,
Пускай умру
Непробужденный!

XIII. *Желание* («Медлительно влекутся дни мои») (стр. 455). Элегия напечатана без ведома Пушкина в альманахе «Памятник отечественных муз» на 1827 год, стр. 37. Сохранилась в копиях, одна из них с позднейшими поправками Пушкина. Входила в тетрадь стихотворений, подготовленную в Петербурге к изданию 1819—1820 годов, в отдел элегий.

XIV. *Окно* (стр. 455). При жизни Пушкина не печаталась. Подвергалась переработке (см. «Из других редакций», стр. 548). Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 280. Входила в тетрадь, подготовленную к изданию в 1819—1820 годах, в отдел элегий.

XV. *Наездники* (стр. 456). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 359. Комментаторы связывали героя стихотворения с поэтом Д. Давыдовым. Этому противоречит образ наездника, предающегося унылым мечтаньям. Пушкин включил это стихотворение в тетрадь стихотворений 1819—1820 годов, в раздел элегий. Внесено оно было и в рукопись сборника 1826 года (в раздел «Разных стихотворений»), но затем исключено из него. В первоначальной редакции стихотворение имело следующее окончание, отброшенное при переработке:

Умолк — и мчится в бой кровавый.
Уже не возвратится он...
С его конем на поле славы
Его покрыл безвестный сон;
И утром юного поэта
Наездники в веселый час
За чашей дружного привета
В последний помянули раз.

Наслаждение (стр. 459). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 363.

Сон (стр. 460). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 301. Сохранилось в копиях. Повидимому, является отрывком задуманного Пушкиным произведения «Оправданная лень» (упоминаемого в списке конца 1816 года). *Бершу* — французский поэт (1765—1839), автор шуточной поэмы «Гастрономия». Во второй песне этой поэмы Бершу советует для приобретения аппетита заниматься физическим трудом. «Кандид» — роман Вольтера. *Ах! умолчу ль о мамушке моей.* — Возможно, имеется в виду бабушка поэта Мария Алексеевна Ганнибал. По мнению других, речь идет об Арине Родионовне, няне Пушкина.

Певец («Слыхали ль вы за рощей глас ночной») (стр. 466). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в «Стих.», 1826 (стр. 160) и «Стих.», ч. 1, 1829 (стр. 20). Впервые напечатано в «Северном наблюдателе», 1817, ч. 1, № 1, стр. 14.

«За утра с свечкой грошевою» (стр. 467). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 99. Сохранилось в копиях. Повидимому, эпиграмма связана с арестом 18 марта 1816 года лицейского дядьки Константина Сазонова, который за время службы в Лицее успел совершить в Царском селе и окрестностях шесть или семь убийств. *Пешель* Франц Осипович — лицейский врач.

Усы (стр. 468). Напечатано без ведома Пушкина в качестве стихотворения Д. Давыдова и с грубыми искажениями в альманахе «Эвтерпа». М., 1831, стр. 39. Сохранилось в копиях. 20 марта 1816 года стихотворение сообщено в письме Илличевского к его другу Фуссу в качестве новинки Пушкина вместе со стихотворением «Слеза». При этом Илличевский писал: «Посылаю тебе две гусарские пьесы нашего Пушкина — гусарские потому, что в них дело идет о гусарах и их принадлежностях».

* Из письма к П. А. Вяземскому («Блажен, кто в шуме городском») (стр. 470). Является частью письма к П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 года. Опубликовано в «Русском архиве», 1874, кн. I, стлб. 112. Пушкин писал Вяземскому: «Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину».

* Из письма к В. Л. Пушкину («Христос воскрес, питомец Феба») (стр. 471). Является частью утраченного письма к В. Л. Пушкину. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано Герценом в альманахе «Полярная звезда» на 1856 год, кн. II, стр. 24. Сохранилось в копиях. Адресовано дяде Василию Львовичу Пушкину (1767—1830), поэту-«арзамасцу», ненавистнику архаической литературы членов общества «Беседа» (*Усопшей прозы и стихов*).

Принцу Оранскому (стр. 472). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 342. Сохранилось в копиях. Написано по заказу, для чтения во время празднества в Павловске по поводу бракосочетания и отъезда принца Оранского, женившегося на сестре Александра I, Анне Павловне. Вильгельм Оранский (1792—1849), впоследствии нидерландский король, под начальством Веллингтона (*С героем дивным Альбиона*) принимал участие в битве при Ватерлоо, где был ранен. *Оковы свергнувший владык* — Наполеон. В строфах II—IV говорится о его судьбе: Эльбе, «Ста днях» и заточении на острове св. Елены.

Экспромпт на Огареву (стр. 474). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 370. Сохранилось в копиях. *Огарева* Елизавета Сергеевна (1786—1870), жена сенатора Н. И. Огарева, бывала у Карамзиных в Царском селе, где и встречалась с Пушкиным летом 1816 года.

Истина (стр. 475). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 250. Сохранилось в копиях. *Увидел истину на дне*. — Стих основан на древней поговорке «Истина в вине» (*in vino veritas*) и на старинном рассказе об астрономе, который, глядя на звезды, упал в колодез.

На Пучкову («Пучкова, право, не смешна») (стр. 476). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Опубликовано в «Русской старине», 1884, кн. III, стр. 663. В рукописной «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого Ийший» (поэтом-лицейстом А. Илличевским) эпиграмма с данным заглавием находится на одном листке со следующей («Зачем кричишь ты, что ты дева»). Обе эпиграммы переписаны Пушкиным, последняя исправлена рукой Илличевского. Известна еще одна лицейская эпиграмма на Пучкову:

Зачем об инвалидной доле
Моя Пучкова так тужит?
Она сама в прелестном поле
Ведь заслуженный инвалид.

Эпиграмма эта ложно приписывалась Пушкину, в то время как она принадлежит Илличевскому (см. «Журн. мин. нар. просвещ.», 1905, № 80, стр. 228, 231, 247). Близость тем и характера всех этих эпиграмм заставляет предполагать, по крайней мере, некоторое участие Илличевского в создании и первых двух, писанных Пушкиным, что подтверждается поправками Илличевского к эпиграмме «Зачем кричишь ты, что ты дева». Все эти эпиграммы, повидимому, вызваны появлением в газете «Русский инвалид», 1816, № 277, стихотворения Е. Н. Пучковой (1792—1867) «Экспромпт тем, которые укоряли меня, для чего я не написала стихов на кончину Г. Р. Державина». *Благотворительным газет недельных видам*. — Газета «Русский инвалид», в которой (в разное время) печаталась Пучкова, выходила еженедельно в 1813—1815 годах, а затем, в 1816 году, с названием «Русский инвалид, или Военные ведомости» — ежедневно. Газета была основана с благотворительной целью в пользу инвалидов Отечественной войны.

На нее же («Зачем кричишь ты, что ты дева») (стр. 477). Эпиграмма при жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в «Современнике», 1863, № 7, стр. 143. Находится в автографе Пушкина на втором месте после предыдущей эпиграммы. *Зачем кричишь ты, что ты дева*. — Речь идет о стихах Пучковой «Экспромпт», где имеются строки:

Деве ли робкой
Арфой невзвучной

Славному барду
Песнь погребальну
Деве ль бряцать.

Дяде, назвавшему сочинителя братом (стр. 478). Датировано Пушкиным 22 декабря 1816 года. Стихотворение с данным названием является извлечением, которое сделал Пушкин из своего письма к В. Л. Пушкину. Это письмо напечатано полностью без ведома Пушкина в «Сыне отечества», 1821, № 11, стр. 179. В качестве отдельного стихотворения при жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано среди лицейских стихотворений в Соч., т. IX, 1841, стр. 373. «Письмо к В. Л. Пушкину» см. «Из других редакций», стр. 548.

К Маше (стр. 479). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 288. Сохранилось в копиях. По свидетельству В. П. Гаевского, видевшего утраченный ныне автограф, на нем была помета Пушкина: «1816. Лицей». Адресовано сестре поэта Дельвига.

Заздравный кубок (стр. 480). Напечатано без ведома Пушкина в альманахе «Памятник отечественных муз» на 1827 год, стр. 185. Автограф неизвестен. Судя по копиям, Пушкин перерабатывал стихотворение и в 1819 и в 1825 году. В лицейских списках начало второй строфы читается:

Пейте за славу,
Славы друзья.
Браней забаву
Любит не я.

Начало третьей:

Вы, Геликона
Давни жильцы:
За Аполлона
Пейте, певцы!

Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры») (стр. 482). Напечатано в «Северном наблюдателе»; 1817, ч. 2, № 23, стр. 310. *Аристип* — греческий философ, учивший, что счастье и добродетель заключаются в разумных наслаждениях. *Глицера* — условное имя возлюбленной Горация. *И скучный раб Эпафродита* — греческий философ Эпиктет, стоик (I—II в. н. э.). Он был рабом Эпафродита, который, в свою очередь, был вольноотпущенником Нерона. *Совместник* — соперник. *Злой циник, негу презирая* — Диоген (V в. до н. э.), древнегреческий философ, видевший добродетель в аскетизме. О нем сложилась легенда, что он, почитая дом чрезмерной роскошью, жил в бочке.

Амур и Гименей (стр. 484). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в «Стих.», 1826 (стр. 66) и «Стих.», ч. I, 1829 (стр. 22). Автограф неизвестен. В копиях сохранилась

ранняя редакция, в которой фигурировало не «безумие», а «дурачество».

Дурачество ведет Амура;
Но скоро богу моему
Наскучила богиня дура,
Не знаю верно почему.

Речь Амура начиналась стихами:

Помилуй, братец Гименей!
Что это? Я стыжусь, любезный,
И нашей ссоры бесполезной
И вечной трусости твоей;
Ну, помиримся, будь умней;
Забудем наш раздор постылый,
Но только навсегда, смотри!

Стихотворение написано как бы в опровержение басни Лафонтена «Амур и Безумие». Сюжет басни в том, что в ссоре Безумие лишило зрения Амура и в наказание стало его поводырем.

Финал Анакреона (стр. 486). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 363. Автограф неизвестен. Имеются копии.

Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой») (стр. 488). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в «Стих.», 1826 (стр. 147) и «Стих.», ч. 1, 1829 (стр. 26). Автограф неизвестен. Судя по копиям, стихотворение неоднократно обрабатывалось Пушкиным. Адресовано поэту Александру Ардалионовичу Шишкову (1799—1832), племяннику известного А. С. Шишкова. В 1816 году он был офицером гренадерского полка. Лицейскую редакцию послания см. стр. 550.

Погреб (стр. 490). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 289. Сохранилось в копиях.

* Эпиграмма («Послушайте: я сказку вам начну») (стр. 491). При жизни Пушкина не печаталось, но получило широкое распространение в списках. Впервые опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 99, с указанием, что эпиграмма относится еще к лицейским годам. Повидимому, эпиграмма вызвана появлением в журнале «Сын отечества» 24 марта 1816 года сообщения о предстоящем выходе в свет «Истории» Карамзина, с указанием, что автор довел доверчивание до кончины Анастасии Романовны, супруги царя Ивана Васильевича Грозного, т. е. до 1560 года. Это объявление появилось в дни, когда Карамзин собирался поселиться в Царском селе и Пушкин был с ним почти незнаком, а потому и отнесся недоверчиво к историческому труду Карамзина, известного ему почти по одним только его повестям и по неоконченной сказочной поэме об Илье Муромце. Заявление Пушкина о единственной эпиграмме против Карамзина, написанной после выхода в свет первых томов

«Истории» (см. примечание к эпиграмме «В его Истории изящность, простота»), находится в некотором противоречии с предположением о принадлежности данной эпиграммы Пушкину, но делая это заявление, Пушкин мог и не подумать о своей лицейской эпиграмме. Известные нам списки упорно приписывают эпиграмму Пушкину, и даже близкие знакомые Пушкина — Вяземский и Погодин — не сомневались в ее принадлежности Пушкину.

1817

К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин») (стр. 492). Напечатано в «Московском вестнике», 1828, ч. 11, № 17, стр. 4, за подписью «А. Пушкин», с заглавием «К К. 1817». Вошло (с заглавием «Каверину») в список стихотворений, предназначенных для издания 1829 года, но напечатано в этом издании не было. Адресовано Петру Павловичу Каверину (1794—1855), одному из первых приятелей Пушкина. Каверин служил в гусарском полку в Царском селе и ввел Пушкина в компанию гусаров. До поступления в гусары Каверин был студентом Геттингенского университета и принадлежал к кругу вольнодумцев. В 1817 году он вступил в члены Союза благоденствия. Лицейскую редакцию послания см. стр. 551.

К молодой вдове (стр. 493). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 341. Первоначально стихотворение оканчивалось:

Спит увенчанный счастливец,
Скоро взор сомкнем и мы.
Но разгневанный ревнивец
Из пустынной гроба тьмы
Не воскреснет уж с упреком,
Не увидишь в ночь и день
В доме тихом, одиноком
Ты завистливую тень.

Безверие (стр. 495). Напечатано с поправками В. Л. Пушкина в «Трудах Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете», 1818, ч. 10, кн. XVI, стр. 58. Автограф неизвестен. Стихотворение было прочитано Пушкиным на выпускном экзамене по русской словесности 17 мая 1817 года. Возможно, что тема стихотворения была предложена Пушкину профессорами. 30 ноября этого же года Пушкин читал его в Обществе любителей российской словесности при Московском университете.

Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью») (стр. 498). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в «Стих.», 1826 (стр. 149) и «Стих.», ч. 1, 1829 (стр. 40). Автограф неизвестен. Ранняя редакция отличалась от печатной целым рядом стихов. Стихотворение начиналось: «Блажен, кто с юных лет увидел пред собою» (см. стр. 552). Обращено к поэту Антону Антоновичу Дельвигу. Поводом к стихотворению, повидимому, был отказ Каченовского, редактора «Вестника Европы», напечатать посланные

ему Пушкиным стихотворения. На это послание Дельвиг отвечал Пушкину стихотворением «Как житель горных Альп, над бурями парящий», в котором писал:

Нет, Пушкин, рок певцов бессмертье, не забвенье,
Пускай Армениус, ученем напыщен,
В архивах роется и пишет рассужденье,
Пусть в академиях почетный будет тлен;
Но он глупец — и с ним умрут его творенья!
Ему ли быть твоих гонителем даров?
Брось на него ты взор, взор грозного презренья,
И в малый сонм вступи божественных певцов.

Стансы («Ты мне велишь пылать душою») (стр. 499). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 293. Автограф неизвестен. Является вольным переводом стансов Вольтера Сидевилю.

Пушкину («Что восхитительней, живей») (стр. 501). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в «Стих.», 1826 (стр. 145) и «Стих.», ч. 1, 1829 (стр. 38). С заглавием «Отрывок из послания В. Л. Пушкину» впервые было напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1824 год. Является отрывком (стихи 55—75) из «Послания В. Л. Пушкину» («Скажи, парнасский мой отец») (см. «Из других редакций», стр. 554).

Письмо к Лиде. («Лишь благосклонный мрак раскинет») (стр. 502). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. II, 1855, стр. 163 (стихи 1—13) и в Соч., т. VII, 1857, стр. 54 (стихи 14—22).

Князю А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осмнадцатой весной») (стр. 503). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1856, № 11, отд. V, стр. 40, без заглавия. Сохранилось в копиях. Адресовано лицейскому товарищу Пушкина Александру Михайловичу Горчакову (см. «Князю А. М. Горчакову» — «Пускай, не знаясь с Аполлоном»). Написано в связи с наступившим днем рождения Пушкина (26 мая), когда ему исполнилось 18 лет.

В альбом («Пройдет любовь, умрут желанья») (стр. 505). Напечатано без ведома Пушкина в альманахе «Листки граций, или Собрание стихотворений для альбомов»: М., 1829, стр. 21, в следующей редакции:

Когда погаснут дни мечтанья
И позовет нас шумный свет,
Кто вспомнит братские свиданья
И дружество минувших лет?
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.

Адресовано Алексею Николаевичу Зубову (1798—1864), приятелю Пушкина в последние месяцы лицейской жизни, корнету гусарского полка, стоявшего в Царском селе.

В альбом Илличевскому (стр. 506). Датировано Пушкиным 31 мая 1817 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 393. Сохранилось в копиях. Обращено к лицейскому товарищу Пушкина поэту Алексею Демьяновичу Илличевскому. См. «К живописцу», стр. 439.

Товарищам («Промчались годы заточенья») (стр. 507). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 397, с заглавием «К товарищам перед выпуском». Сохранилось в копиях. Написано незадолго до окончания Лицея. *Красный колпак* — т. е. вольномыслие. Красный фригийский колпак был во время Французской революции символом свободы. *В шоле распахнуть жилет*. — Речь идет о строгом воинском уставе, запрещавшем в любых условиях военному расстегивать мундир.

Надпись на стене больницы (стр. 509). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Атенее», 1859, № 8, стр. 523 (в составе «Записок о Пушкине» И. И. Пущина). Автограф неизвестен. В одной из копий последний стих читается: «Судьба его неумолима». И. И. Пущин в «Записках» рассказывает, что обнаружил эти стихи на стене лицейской больницы над своей койкой и узнал по почерку, что писал их Пушкин.

В альбом Пущину («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок») (стр. 510). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1841, т. XXII, стр. 72, без заглавия. Сохранилось в копиях. Стихотворение написано перед окончанием Лицея и обращено к И. Пущину.

К портрету Каверина («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар») (стр. 511). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 371. Сохранилось в копиях. В утраченной тетради П. П. Каверина имелся список стихотворения в другой, неудобной для печати «гусарской» редакции с заглавием: «Надпись к портрету Каверина». О Каверине см. примечание к посланию «К Каверину».

К письму («В нем радости мои; когда померкну я») (стр. 512). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 372. Сохранилось в копиях.

Сновидение («Недавно, обольщен прелестным сновиденьем») (стр. 513). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 395. Сохранилось в копиях.

Она («Печален ты; признайся, что с тобой») (стр. 514). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 396. Сохранилось в копиях.

Разлука («В последний раз, в сени уединенья») (стр. 515). Одно из 13 лицейских стихотворений, введенных Пушкиным в

«Стих.», 1826 (стр. 69) и «Стих.», ч. 1, 1829 (стр. 36). Впервые напечатано в «Невском зрителе», 1820, ч. 2, апрель, стр. 66, с заглавием «Кюхельбекеру», с пометой «Лицей, 9 июня 1817». Помету, повидимому, нельзя рассматривать как дату стихотворения. Она раскрывает лишь тему послания: прощание с Лицеем в день его окончания. Еще в 1820 году в рукописи Пушкин дал стихотворению новое название — «Разлука». Послание связано с аналогичными стихотворениями, написанными другом Пушкина будущим декабристом Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером (1799—1846). В стихотворениях Кюхельбекера «Разлука», «Моим царскосельским друзьям», «Пушкину» («Счастлив, о Пушкин, кому высокую душу природа») речь идет о судьбах лицейстов, о верности дружбе и мужам, о свободном духе, который сохраняют лицейсты. Той же теме посвящена последняя строфа послания Кюхельбекера «К ***», являющаяся как бы ответом на послание Пушкина:

Неразрывны наши узы!
В роковой священный час
Скорбь и Радость, Дружба, Музы
Души сочетали в нас.

Стихотворение Пушкина имело особую судьбу. Стих «Святому братству верен я» был подхвачен реакционной критикой и объяснен в политическом доносе на Пушкина как свидетельство о каком-то тайном союзе. Нападки продолжались и после ссылки Пушкина, тем более что Кюхельбекер напечатал стихотворение «Поэты», заключающееся стихами:

Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастье и в несчастье твердый,
Союз любимцев вечных муз.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ

К Делии («О Делия драгая!») (стр. 516). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 297. В первой редакции именовалось «Песня».

Делия («Ты ль предо мною») (стр. 517). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф неизвестен. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 295.

Фавни пастушка (стр. 518). Напечатано без разрешения Пушкина в альманахе «Памятник отечественных муз» на 1827 год, стр. 172. Автограф неизвестен. Стихотворение подвергалось переработке с пропуском стихов по цензурным требованиям (стихи 24—43). См. стр. 556.

«Больны вы, дядюшка? Нет мочи» (стр. 525). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1863, № 7, стр. 143.

Любопытный (стр. 526). Напечатано в «Северных цветах» на 1828 год, стр. 32. Эпиграмма является позднейшей переделкой лицейского стихотворения:

«Скажи, что нового». — Ни слова. —
«Не знаешь ли, где, как и кто?»
— О братец, отвяжись — я знаю только то,
Что ты дурак... но это уж не ново.

Надпись к беседке (стр. 527). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 81. Надпись принято связывать с беседкой Царскосельского парка (так называемый «Большой каприз»), но никаких свидетельств в пользу этого в мемуарной литературе о Пушкине нет.

«Вот Виля — он любовью дышит» (стр. 528). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1863, № 7, стр. 148. Эпиграмма на Кюхельбекера. *Виля* уподоблен Геркулесу и Буало в том, в чем каждый из них слабее. Геркулес отличался в любви (так, в одну ночь он стал любовником 50 дочерей Феспия) и был слаб в умственных упражнениях; Буало был знаменит как сатирик, но известен как женоненавистник, что выразилось в его сатире на женщин (объясняют это физическим недостатком Буало).

На гр. А. К. Разумовского (стр. 529). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф неизвестен. Опубликовано с данным названием по копии рукописного «Собрания лицейских стихотворений» в Соч. под ред. Ефремова, т. I, 1880, стр. 58. Эпиграмма на министра народного просвещения (с 1810 по 1816 год) Алексея Кирилловича Разумовского (1748—1822) написана не позднее первой половины 1816 года. В последние годы своего пребывания на посту министра Разумовский отличался бездеятельностью. Непопулярности Разумовского содействовала и бессмысленная строгость цензурного комитета, им возглавляемого. *Голубая лента* — принадлежность знака ордена Андрея Первозванного (высшего русского ордена), которого Разумовский не получил (повидимому, прошел слух о награждении).

На Баболовский дворец (стр. 530). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, кн. XII, стр. 576. Сохранилось в копиях. Написано по поводу свиданий Александра I с дочерью придворного банкира Вельо, Софьей Осиповной, происходивших в отдаленной части царскосельского парка, близ селения Боболово, в Малом дворце.

«Пожарский, Минин, Гермоген» (стр. 531). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф неизвестен, имеются ко-

пии. Опубликовано в «Современнике», 1863, № 7, стр. 164. Эпиграмма на поэму Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807).

Эпиграмма на смерть стихотворца (стр. 532). Напечатана в «Северном наблюдателе», 1817, ч. 2, стр. 68. Под именем Клита в лицейских эпиграммах высмеивали Кюхельбекера.

Твой и мой («Бог весть, за что философы, питты») (стр. 533). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф неизвестен. Сохранилась копия в лицейской тетради и в позднейшей редакции в тетради 1819—1820 годов. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 368. Рассуждение о происхождении права собственности являлось одной из распространенных тем философии и поэзии, начиная с Платона, причем традиционной была формула «твой и мой». Ближайшим образом Пушкин имеет в виду Лафонтена и его басню «Раздор» и сказку «Король Гондавл». Об этом свидетельствует собственный перевод Пушкина данного стихотворения на французский язык:

«Tien et mien, — dit Lafontaine, —
Du monde a rumpu le lien.
Quant à moi, je n'en crois rien.
Que serait-ce, ma Climène,
Si tu n'étais plus la *mienne*,
Si je n'étais plus le *tien*. *

«Тошней и дилли и холодней, чем ода» (стр. 534). При жизни Пушкина не печаталось. Сохранилось в копиях без подписи Пушкина. Опубликовано в «Сборнике Пушкинского Дома» на 1923 год. П., 1922, стр. 67. Характеристика Кюхельбекера, написанная Пушкиным во время размолвки с ним. В стихотворении «Разверение» (1821) Кюхельбекер вспоминает ссору и цитирует стихи Пушкина:

Надо мною тяготее
Клятва друга первых лет!
Юношей связали музы,
Радость, молодость, любовь —
Я расторг святыя узы!
Он в толпе моих врагов!
«Ни любовницы, ни друга
Не иметь тебе вовек!» —
Молвил, гневом вдохновенный,
И пропал мне из очей —
С той поры уединенный
Я скитаюсь меж людей.

* Твой и мой, — сказал Лафонтен, — расторгло узы мира. Но я этому совсем не верю: что стало бы, моя Климена, если б ты уже не была *моею*, если б я уже не был *твоим*. (Франц.) — *Ред.*

ИЗ ДРУГИХ РЕДАКЦИЙ *

ЛИРИКА

К другу стихотворцу (стр. 544). Стихи первоначального текста послания. В этой редакции заглавия нет. Имеются примечания к следующим стихам: «Под сенью мирною Минервиной эгиды» — «т. е. в школе»; *Камоэкс с нищими постелю разделяет* — «автор Лузиады умер в Гошпитале, питаясь милостынею»; «Согласен — будь богат и ты, как тот поэт — «Вольтер»; *Его с пером в руках Макаров не страшит* — «славный журналист». Стихи, пропущенные в печатной редакции, имеют в виду многочисленные издания Вольтера за пределами Франции, преимущественно в Голландии (политические, антиклерикальные памфлеты и брошюры).

К Батюшкову («Философ резвый и пийт») (стр. 545). Стихи автографа, отсутствующие в печатной редакции. *Графон* — Д. И. Хвостов. *Висковатов* С. И. (1786—1831) — драматург. *Клит* — Державин. Здесь имеется в виду его лиро-эпическая песнь, осмеянная Пушкиным в «Тени Фонвизина». *Неуклюжий славянин* — С. А. Ширинский-Шихматов, автор стихотворения «Сельский житель», известный до того преимущественно одическими «Песнями».

Воспоминания в Царском селе (стр. 546). Две приведенные строфы находились в тексте, читанном на лицейском экзамене в присутствии Державина. *Достойный внук Екатерины* — Александр И. *Наших дней певец* — Жуковский, как автор «Певца во стане русских воинов». В экземпляре стихотворения, переписанном Пушкиным для Державина, этот стих читался:

Как древних лет певец, как лебедь стран Эллина,

что следовало понимать как иносказательное упоминание Пиндара, греческого лирика V в. до н. э., автора од и гимнов. Эллина здесь в значении Эллады.

Дяде, назвавшему сочинителя братом (стр. 548). Данное письмо Пушкина к дяде было напечатано без ведома Пушкина в журнале «Сын отечества», 1812, ч. 68, № 11, стр. 179. *Нестор Арзамаса* — старейший из членов общества «Арзамас»; Нестор был старейший и мудрейший из греческих вождей, осаждавших Троию и воспетых в «Илиаде» Гомера. *Опасный для певцов сосед* — намек на рукописную поэму В. Л. Пушкина «Опасный сосед». *Грозный Вот*. — В «Арзамасе» В. Л. Пушкину было присвоено наименование *Вот*: все члены «Арзамаса» получали имена, заимствованные из баллад Жуковского. *Ослов* — сатирическое наименование А. С. Шишкова. *Шутовской* — Шаховской. *Клеймить единственным стихом*. — Подразумевается стих из «Опасного соседа», где по поводу похвал, расточаемых в захолуственном притоне по адресу комедии Шахов-

* Примечания даны только к тем другим редакциям, которые требуют дополнительных объяснений, отсутствующих в примечаниях к основному тексту. — *Ред.*

ского «Новый Стерн», в которой осмеян Карамзин, говорится: «Прямой талант везде защитников найдет!..» *Шпель Андреевич* — Петр Андреевич Вяземский, так же как и В. Л. Пушкин живший в Москве. Шпель — французский поэт XVII века, известный своими шутивными стихами.

Ш и ш к о в у («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой») (стр. 550). *Девственный Козлов* — мелкий поэт и журналист В. И. Козлов (1792—1825), издатель «Русского инвалида». В 1818 или 1819 году Пушкин начал переделывать эту редакцию стихотворения. В этой переделанной редакции после стиха «И сонные стихи впросонках величаво» следовало:

И даже — каюсь я — пустынный согрешил.
Простите мне мой страшный грех, поэты,
Я написал придворные куплеты,
Кадилом дерзостным я счастию кадил.

Здесь, по всей вероятности, Пушкин подразумевает написанные им по заказу два куплета в дополнение к сочиненному Жуковским гимну «Боже, царя храни»:

Там громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл —
Здесь безмятежною
Сенью надежною,
Благостью нежною
Нас осенил.

Брани в ужасный час
Мощно хранила нас
Верная длань —
Глас умиления,
Благодарения,
Сердца стремления —
Вот наша дань.

Куплеты эти, написанные непосредственно после победы над Наполеоном и возвращения Александра, распевались лицеистами над балконом царскосельского дворца.

Пушк и н у («Что восхитительней, живей») (стр. 554). *Русский Буфлер* — Батюшков. Французский поэт Буфлер (1738—1815) известен был как представитель «легкой поэзии». Буфлер был, подобно Батюшкову, некоторое время офицером. *Денис храбрец* — Денис Давыдов. *Глинка офицер* — поэт Федор Глинка. *Марин С. Н.* (1776—1813) — поэт, известный своими сатирическими стихотворениями. *Поэт, которого рука нарисовала Ермака* — И. И. Дмитриев. Имеется в виду его поэма «Ермак» и стихотворная сказка «Модная жена». *Мирный воин* — Кикин П. А. (1775—1834), военный и писатель. Его высмеял сатирик Д. П. Горчаков в куплетах сатирической песни «Святки»:

Словесник бессловесный,
Писатель без письма,
Герой, врагам известный,
И умник без ума,
Явился Кикин тут: он первый внук победе,
Он муж всех царств и всех времен,
Он в армии — Беседы член,
А генерал — в Беседе.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

*Портрет Пушкина работы В. А. Тропинина: масло, 1827 г. Фрон-
тиспис.*

*Рисунок Пушкина: проект обложки к маленьким трагедиям.
Между стр. 104 и 105.*

*Рисунок Пушкина к первой сцене «Каменного гостя». Между
стр. 144 и 145.*

*Рисунок Пушкина ко второй сцене «Каменного гостя». Между
стр. 160 и 161.*

*Рисунки Пушкина к «Сказке о попе и о работнике его Балде».
Между стр. 224 и 225.*

*Рисунок Пушкина к «Сказке о золотом петушке». Между стр.
272 и 273.*

СОДЕРЖАНИЕ*

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Борис Годунов	7	562
Скупой рыцарь	105	564
Моцарт и Сальери	125	565
Каменный гость	137	566
Пир во время чумы	171	566
* Русалка	181	567
Отрывки и наброски		
I. * Вадим	209	567
II. «Скажи, какой судьбой друг другу мы попались?»	210	567
III. «Насилу выехать решились из Москвы»	210	569
IV. (Из Alfieri)	212	569
V. * Из комедии К. Бонжура «Муж волокита»	212	569
VI. * Из драмы Шекспира «Мера за меру»	213	569
VII. * Отрывки стихотворного начала «Сцен из рыцарских времен»	214	569

СКАЗКИ

Жених	217	571
Сказка о попе и о работнике его Балде	223	571
Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди	228	572
Сказка о рыбаке и рыбке	253	573
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях	259	574
Сказка о золотом петушке	274	574
* Сказка о медведихе	280	575

*) Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ЛИРИКА

Стихотворения лицейских лет (1813—май 1817)

1813

К Наталье («Так и мне узнать случилось»)	287 580
Монах	290 580
Несчастье Клита	301 580

1814

К другу стихотворцу	302 581
Кольна	305 581
Эвлега	310 581
Осгар	312 581
Рассудок и любовь	315 581
К сестре	316 582
Красавице, которая нюхала табак	320 582
Эпиграмма («Арист нам обещал трагедию такую»)	322 582
Казак	323 582
Князю А. М. Горчакову («Пускай, не знаясь с Аполлоном»)	326 582
Опытность	328 582
Блаженство	330 582
Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало	333 582
Пирующие студенты	334 583
Бова (<i>Отрывок из поэмы</i>)	338 583
К Батюшкову («Философ резвый и прит»)	346 583
Эпиграмма («Супругою твоей я так пленился»)	349 584
К Н. Г. Ломоносову	350 584
* Эпиграмма («Бывало, прежних лет герой»)	351 584
Романс («Под вечер, осенью ненастной»)	352 584
Леда	354 584
Воспоминания в Царском селе	356 584

1815

Лицинию	361 585
Городок (К ***).	364 585
К Наташе («Вянет, вянет лето красно»)	375 586
Вода и вино	376 586
Измены	377 587
Батюшкову («В пещерах Геликона»)	380 587
Наполеон на Эльбе (1815)	382 587
К Пущину («Любезный именинник»)	385 587
К Галичу («Пускай угрюмый рифмотвор»)	387 587
Мечтатель («По небу крадется луна»)	389 587
Мое завещание. Другьям	392 588
К ней («Эльвина, милый друг! приди, подай мне руку»)	395 588
К молодой актрисе	396 588

Воспоминание («Помнишь ли, мой брат по чаше»)	398 588
Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой?»)	400 588
Моя эпитафия	404 589
Сраженный рыцарь	405 589
К Дельвигу («Послушай, муз невинных»)	407 589
Роза	409 589
Александрю («Утихла брань племен; в пределах отдаленных»)	410 589
* Бакуниной. («Напрасно воспевать мне ваши именины»)	413 590
«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался»	414 590
Слеза	415 590
«Угрюмых тройка есть певцов»	416 590
К бар. М. А. Дельвиг	417 590
Моему Аристарху	418 590
Тень Фонвизина	422 590
Гроб Анакреона	431 591
Послание к Юдину	433 591
К живописцу («Дитя харит и вдохновенья»)	439 591
Старик («Уж я не тот любовник страстный»)	440 592

1816

К Жуковскому («Благослови, поэт! . В тиши парнасской сени»)	441 592
Элегии	
I. «Опять я ваш, о юные друзья!»	445 592
II. Осеннее утро («Поднялся шум; свирелью полевой»)	446 592
III. К Морфею («Морфей, до утра дай отраду»)	447 593
IV. «Любовь одна — веселье жизни хладной»	447 593
V. Месяц	449 593
VI. «Счастлив, кто в страсти сам себе»	450 593
VII. Разлука («Когда пробил последний счастьем час»)	450 593
VIII. Другам («Богами вам еще даны»)	451 593
IX. Слово милой	452 593
X. «Я думал, что любовь погасла навсегда»	452 593
XI. «Я видел смерть; она в молчаньи села»	453 593
XII. Пробуждение («Мечты, мечты»)	454 593
XIII. Желание («Медлительно влекутся дни мои»)	455 594
XIV. Окно	455 594
XV. Наездники	456 594
Наслажденье	459 594
Сон	460 594
Певец («Слыхали ль вы за рощей глас ночной»)	466 595
«Завтра с свечкой грошевою»	467 595
Усы	468 595
* Из письма к П. А. Вяземскому («Блажен, кто в шуме городском»)	470 595
* Из письма к В. Л. Пушкину («Христос воскрес, питомец Феба»)	471 595
Принцу Оранскому	472 595
Экспромпт на Огареву	474 596

Истина	475 596
На Пучкову («Пучкова, право, не смешна»)	476 596
На нее же («Зачем кричишь ты, что ты <i>дева</i> »)	477 596
Дяде, назвавшему сочинителя братом	478 597
К Маше	479 597
Заздравный кубок	480 597
Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры»)	482 597
Амур и Гименей	484 597
Фиал Анакреона	486 598
Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой»)	488 598
Погреб	490 598
* Эпиграмма («Послушайте: я сказку вам начну»)	491 598

1817

К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин»)	492 599
К молодой вдове	493 599
Безверие	495 599
Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью»)	498 599
Стансы («Ты мне велишь пылать душою»)	499 600
Пушкину («Что восхитительней, живей»)	501 600
Письмо к Лиде («Лишь благосклонный мрак раскинет»)	502 600
Князю А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной»)	503 600
В альбом («Пройдет любовь, умрут желанья»)	505 600
В альбом Илличевскому	506 601
Товарищам («Промчались годы заточенья»)	507 601
Надпись на стене больницы	509 601
В альбом Пушкину («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок»)	510 601
К портрету Каверина («В нем пунша и войны кипит все- гдашний жар»)	511 601
К письму («В нем радости мои; когда померкну я»)	512 601
Сновидение («Недавно, обольщен прелестным сновиденьем»)	513 601
Она («Печален ты; признайся, что с тобой»)	514 601
Разлука («В последний раз, в сени уединенья»)	515 601

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ

К Делии («О Делия драгая!»)	516 602
Делия («Ты ль предо мною»)	517 602
Фавн и пастушка	518 602
«Больны вы, дядюшка? Нет мочи»	525 603
Любопытный	526 603
Надпись к беседке	527 603
«Вот Виля — он любовью дышит»	528 603
На гр. А. К. Разумовского	529 603
На Баболовский дворец	530 603
«Пожарский, Минин, Гермоген»	531 603
Эпиграмма на смерть стихотворца	532 604
Твой и мой («Бог весть, за что философы, пияты»)	533 604
«Тошней идиллии и холодней, чем ода»	534 604

ИЗ ДРУГИХ РЕДАКЦИЙ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Борис Годунов	537	—
Каменный гость	540	—

СКАЗКИ

Сказка о рыбаке и рыбке	542	—
-----------------------------------	-----	---

ЛИРИКА

К другу стихотворцу	544	605
Пирующие студенты	544	—
К Батюшкову («Философ резвый и прит»)	545	605
К Наташе («Вянет, вянет лето красно»)	546	—
Воспоминания в Царском селе	546	605
К Дельвигу («Послушай, муз невинных»)	547	—
Друзьям («Богами вам еще даны»)	547	—
Окно	548	—
Дяде, назвавшему сочинителя братом	548	605
Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой»)	550	606
К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин»)	552	—
Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью»)	553	—
Пушкину («Что восхитительней, живей»)	554	606
Фавн и пастушка	556	—

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания	561	
Список иллюстраций	608	

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. П. Щипачев*

ПУШКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ, Т. II

Редактор *В. Г. Базанов*

Художник *И. С. Серов*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректоры *Ф. С. Соскина* и *И. А. Якимович*

Сдано в набор 9/VI 1955 г. Подписано
в печать 15/VIII 1955 г. М 41796 84×108/32.
Печ. л. 39¹/₄ (32,19). Уч.-изд. л. 26,49.
Тираж 25 000. Зак. № 623. Цена 9 р. 60 к.

Ленинградское отделение издательства

«Советский писатель»

Ленинград, Невский пр., д. № 28

Типография № 3 Управления культуры

Ленгорисполкома

Ленинград, Красная ул., д. № 1/3

